

А.А. КОРНИЛОВ

«ПЕРЕПРАВИМСЯ НА ТУ СТОРОНУ...»

Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945–1951 гг.)

Министерство образования и науки Российской Федерации
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет
Факультет международных отношений
Научно-исследовательская лаборатория «Русское зарубежье»

Русская Православная Церковь Заграницей
Германская епархия
Обитель преподобного Иова Почаевского в Мюнхене

А.А. Корнилов

«ПЕРЕПРАВИМСЯ НА ТУ СТОРОНУ...»

Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945–1951 гг.)

Монография

Нижний Новгород – Мюнхен
2011

УДК 23(09)
ББК Э372.24
К67

Корнилов А.А.

К67 «Переправимся на ту сторону...» Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945–1951 гг.): Монография. – Н. Новгород – Мюнхен: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское зарубежье», Обитель преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 2011. – 139 с.

ISBN 978-3-935217-41-5

Под общей редакцией академика РАЕН,
профессора О.А. Колобова
Издается по решению Ученого совета ФМО ННГУ

Печатается по благословению Преосвященного Архиепископа
Марка Берлинского и Германского
Русской Православной Церкви Заграницей

В монографии нижегородского историка-международника А.А. Корнилова изучаются положение и деятельность православного духовенства лагеря перемещенных лиц Шляйсгайм, расположенного в Баварии. Анализируются особенности организации церковной жизни в лагере. Исследуются биографии и специфика пастырской деятельности русского духовенства в Шляйсгайме. Изучается роль Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Анастасия (Грибановского) в духовном окормлении перемещенных лиц. Рассматриваются актуальные вопросы церковной и приходской жизни лагеря Шляйсгайм.

Книга адресована историкам Русской Православной Церкви, специалистам-международникам, религиоведам, священнослужителям.

ISBN 978-3-935217-41-5 УДК 23(09)
ББК Э372.24

Ministerium für Bildung und Wissenschaft der Russischen Föderation
Staatliche N.-I.-Lobačevskij-Universität
Fakultät für Internationale Beziehungen
Laboratorium für wissenschaftliche Forschung «Russisches Ausland»

Russische Orthodoxe Kirche im Ausland
Deutsche Diözese
Kloster des Hl. Hiob von Počaev in München

A.A. Kornilov

«LASST UNS HINÜBERFAHREN...»

(Mk. 4, 35)

Die Tätigkeit des orthodoxen Klerus im DP-Lager Schleißheim (1945–1951)

Monographie

Nižnij Novgorod – München
2011

УДК 23(09)
ББК Э372.24
К67

Kornilov A.A.

К 67 Lasst uns hinüberfahren. Die Tätigkeit des orthodoxen Klerus im DP-Lager Schleißheim (1945–1951): Monographie. – Nižnij Novgorod–München: FIB SN.-I.-L.-U, LWF «Russisches Ausland», Kloster des Hl. Hiob von Počaev in München, 2011. – 139 s.

ISBN 978-3-935217-41-5

Unter der allgemeinen Redaktion des Mitglieds der Russischen Akademie der Naturwissenschaften, Prof. O.A. Kolobov
Herausgabe gem. Eatschluss des Wissenschaftsrates ФМО ННГУ

Dieses Buch erscheint mit dem Segen
S.E. Mark
des Erzbischofc von Berlin und Deutschland
der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland

Der in Nižnij Novgorod tätige Historiker für internationale Beziehungen, A.A. Kornilov, behandelt in der vorliegenden Monographie die Situation und die Tätigkeit des orthodoxen Klerus im DP-Lager Schleißheim (bei München, Bayern). Die vorliegende Analyse gilt den Besonderheiten der Organisation des kirchlichen Lebens in dem Flüchtlingslager (DP = displaced persons). Das Buch bietet eine Zusammenstellung der Biographien der russischen Geistlichen, die Darstellung der Eigentümlichkeiten der pastoralen Tätigkeit in Schleißheim, der Rolle des Ersthierarchen der Russischen Auslandskirche, Metropolit Anastasij (Gribanovskij), bei der geistlichen Betreuung der DP-Flüchtlinge, sowie der konkreten Probleme des Gemeindelebens im Lager Schleißheim.

Die vorliegende Arbeit wendet sich an Historiker und diejenigen, die sich für die Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche interessieren, an Spezialisten für internationale Beziehungen, Religionswissenschaftler und Geistliche.

ISBN 978-3-935217-41-5 УДК 23(09)
ББК Э372.24

ВВЕДЕНИЕ

Феномен перемещенных лиц в период Второй мировой войны неумолимо уходит от нас все глубже в историю. Свидетели и участники событий 1945 – 1951 гг. большей частью никогда уже не поделятся воспоминаниями – они ушли из земной жизни. А ведь это были очень интересные, хоть и трагические, скорбные, тяжелые годы. Перемещенные лица (Displaced Persons) жили насыщенной общественно-политической и культурной жизнью в специальных лагерях Германии, Австрии, Италии, некоторых других стран.

Понятие «перемещенные лица» как исключительный феномен международных отношений появилось во время Второй мировой войны. Советский дипломатический словарь издания 1985 г. по данному вопросу сообщает: «Перемещенные лица – лица, насильно вывезенные в ходе Второй мировой войны гитлеровцами и их пособниками с оккупированных ими территорий для использования главным образом в качестве дешевой рабочей силы» [1]. Однако понятие «перемещенные лица» включало гораздо более широкий слой участников событий, связанных со Второй мировой войной. Термин «перемещенные лица» (Displaced Persons – DP, или по-русски ДиПи) в американской и английской политической лексике относился вообще ко всем тем лицам, которые оказались за пределами своей исторической родины в результате боевых действий.

9 ноября 1943 г. президент США Ф. Рузвельт после длительных консультаций с 44 странами – участницами антигитлеровской коалиции торжественно объявил в Белом Доме о создании UNRRA (ЮНРРА) – United Nations Relief and Rehabilitation Administration – Администрации Объединенных Наций по вопросам помощи и восстановления. Все страны согласились пожертвовать для этой цели 1% национального дохода, что составило около миллиарда долларов США. Это было первым шагом к созданию ООН – Организации Объединенных Наций, учрежденной на конференции в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г.

План деятельности ЮНРРА, кроме всего прочего, предусматривал помощь по возвращению на родину освобожденных военнопленных и узников концлагерей, а также ДиПи – перемещенных лиц, иностранцев, насильно вывезенных на работы в Германию и Австрию. Летом 1945 г. таковых насчитывалось от шести с половиной до семи миллионов. Подавляющее большинство к лету 1946 г. вернулось на родину, но около миллиона отказалось «репатриироваться», как тогда было принято говорить [2].

СССР и западные союзники отдавали себе отчет, что далеко не все иностранцы, оказавшиеся в ДиПи-лагерях Германии, Австрии и Италии (в других странах ДиПи-лагерей не было), захотят возвращаться к себе на родину под власть коммунистов. Было официально сказано, что русские или советские подданные, хотят они того или не хотят, будут переданы советским властям. Полякам предоставлялось право выбора, возвращаться или не возвращаться на родину [3], а о других ничего не было сказано. Вскоре выяснилось, что право выбора распространяется также на югославов и балтийцев. Западные союзники с самого начала решили считать советскими гражданами только тех, кто проживал в СССР на 1 сентября 1939 г. Таким образом, западные союзники не считали советскими подданными тех, кто это подданство получил в результате расширения границ СССР по договору с нацистами. Наконец, право не возвращаться на родину было признано и за русскими «бесподданными», или «старыми эмигрантами», как их тогда стали называть в отличие от «новых», или «советских», поскольку и они на 1 сентября 1939 г. не проживали в СССР. Не все «бесподданные» были действительно без подданства. Большинство русских эмигрантов в 1930-х гг. приняли то или иное подданство, а примерно половина русского зарубежья вообще не была эмигрантами. После окончания Гражданской войны, оказавшись по месту жительства за границами СССР, русские люди автоматически получали подданство новообразовавшихся государств и считались национальными меньшинствами. Среди последних можно было встретить и коммунистов. Русские национальные меньшинства эмигрантами, или, вернее, невозвращенцами, стали только в 1945 г., отказавшись от советского подданства.

Поскольку ЮНРРА 30 июня 1947 г. прекращала свою деятельность, Генеральная Ассамблея ООН учредила 15 декабря 1946 г. International Refugee Organization (IRO) – Международную организацию по вопросам беженцев. IRO была создана для опеки и расселения не ДиПи, а беженцев, отказавшихся возвращаться на родину по поли-

тическим причинам. С 1 июля 1947 г. все ДиПи оказались в ведении PCIRO – Подготовительного комитета IRO. Начались проверки – «скрининги» (screening – «просеивание»). Необходимо было доказать, что русские ДиПи до 1 сентября 1939 г. действительно проживали за пределами СССР, не были «коллаборантами», т. е. не сотрудничали с немцами, не служили в немецких воинских частях и оказались в Германии против своей воли. Проверки были придирчивыми, так как их целью было сокращение числа опекаемых. Тех, кто не прошел проверки, переводили на положение немецких беженцев и отправляли в лагеря для немецких беженцев, которые содержались немцами. Условия жизни в немецких лагерях были несравненно хуже, чем в лагерях ДиПи, но немцы старались как можно скорее дать беженцам работу, и это облегчало их судьбу. Добавим, что многие невозвращенцы меняли свои настоящие фамилии на мнимые, скрывали свои место рождения и проживания до 1 сентября 1939 г.

В 1947 г. при помощи Подготовительного комитета IRO началось расселение ДиПи вначале в Бельгию на работы в шахтах, а затем и в заморские страны – Австралию, Аргентину, Бразилию, Чили, Канаду и США. ДиПи записывались по собственному желанию на выезд в ту или иную страну, а представители этих стран решали, принимать их или не принимать. В 1948 г. президент Г. Трумэн подписал акт о допуске в США до 1950 г. 202 тысяч ДиПи вне существовавшей в США квоты для въезда иммигрантов. Потом срок был продлен до 31 декабря 1951 г., и количество виз было увеличено до 341 тысячи, не считая 5 тысяч сирот. Выдача виз в США продолжалась до полуночи 31 декабря 1951 г., а сам разъезд и ликвидация ДиПи-лагерей затянулись до марта 1952 г. Оставшиеся в Италии, Австрии или Германии должны были сами искать себе работу, а нетрудоспособных, больных или стариков IRO устраивало в старческие дома в тех или других европейских странах [4].

Остается ли тема перемещенных лиц актуальной научной и общественно значимой проблемой? Стоит ли возвращаться вновь и вновь к истории лагерей ДиПи в XXI веке, который принес новые конфликты, войны и массы беженцев и перемещенных лиц? Такой вопрос тем более уместен применительно к нашей монографии, в которой изучается деятельность православного духовенства в русском лагере перемещенных лиц Шляйсгайм. Ответ на этот вопрос прост. Он сводится к цене и смыслу человеческой жизни. В то же время данный вопрос имеет и сугубо историческое, познавательное значение, поскольку

тема деятельности православного духовенства практически не рассматривается в отечественной литературе.

Беспощадная Вторая мировая, как и любая война, до предела обесценила человеческую жизнь. В странах Европы оказались миллионы беженцев, людей, потерявших не только дом, родных, но и саму веру в жизнь, саму веру в смысл жизни. Среди этих беженцев оказались десятки тысяч бывших граждан СССР и Российской империи, не желавших возвращаться на родину. Что их ожидало в будущем? Как дальше жить, чем питаться завтра, через неделю, через месяц, как сохранить семью, как воспитать детей? И вот в этой трагической ситуации духовенство лагерей ДиПи, которое также относилось к категории перемещенных лиц, возвысило цену каждого человека, каждого пасомого, каждого лагерника. Духовенство защищало интересы ДиПи перед советскими репатриационными комиссиями, оккупационной администрацией западных союзников, перед правительствами стран Европы, Северной и Южной Америки, Австралии, да и перед всем миром. Хотя русское духовенство использовало достаточно светский аргумент – аргумент о правах человека, защищая пасомых от насильственной выдачи в СССР, главный мотив их усилий, как мы думаем, состоял в ином. Человек как образ и подобие Бога, человек, устремляющийся ко Христу, человек как бесценный дар Божий интересовал лагерное духовенство. Архиереи и священники лагерей ДиПи ставили во главу угла духовное спасение рабов Божиих, а не угождение человеческому эгоизму, не участие в политической борьбе начавшейся «холодной войны».

Лагерь Шляйсгайм в Баварии представлял собой яркий, выдающийся пример такого отношения духовенства к пастве. Шляйсгайм был, пожалуй, крупнейшим центром послевоенных перемещенных лиц, сосредоточив в разное время (1945–1951 гг.) от пяти до восьми тысяч эмигрантов первой, послереволюционной «волны», граждан стран русского зарубежья (Балтия, Польша, Западные Украина и Белоруссия, часть Молдавии, которые никуда не уехали в результате распада Российской империи и потому эмигрантами не являлись), и граждан СССР. В последнюю категорию лиц вошли беженцы войны, насильственно угнанные в Германию «восточные рабочие» и военнослужащие антисоветских вооруженных формирований в составе германского вермахта и в составе армии генерал-лейтенанта А.А. Власова (более точно – Вооруженных сил Комитета освобождения народов России).

Изучение вопроса о деятельности православного духовенства в лагере ДиПи столь же затруднено, сколько и исследование о жизни лагеря ДиПи вообще. Главное препятствие здесь – это нехватка или полное отсутствие письменных документов.

Сбор автором оригинальных *источников* о деятельности лагерного духовенства Шляйсгайма проходил в два больших этапа. На первой стадии автор обработал значительный массив церковной (главным образом Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ)) прессы, вел интенсивную переписку и встречался с бывшими жителями лагеря, как, впрочем, и с бывшими жителями других лагерей. Особенно успешно сбор данного вида материалов проходил в период стажировки автора в США в осеннем семестре 1997/98 учебного года. Тогда удалось получить доступ к не архивным, но тем не менее малодоступным в России и очень ценным материалам Свято-Троицкого монастыря РПЦЗ в Джорданвилле, штат Нью-Йорк.

После стажировки в США автор собирал материал из источников во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино, г. Москва (ВГБИЛ). В зале религиозной литературы и русского зарубежья ВГБИЛ хранятся материалы прессы РПЦЗ, отражающие церковную жизнь Шляйсгайма. Очень ценными оказались документальные материалы библиотеки фонда «Русское зарубежье» (ныне Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына). Фонды библиотеки содержат такие оригинальные документы, как «Информационный бюллетень» лагеря Шляйсгайм. Это уникальный источник о будничной жизни лагеря по причине отсутствия иных аналогичных. Он готовился на пишущей машинке и размножался, скорее всего, под «копирку». Бюллетень, редактором которого был представитель «югославской эмиграции» Н.Н. Чухнов, сообщал важные факты событий в Шляйсгайме: общественно-политических, культурных, церковных; передавал новости мира перемещенных лиц. По источниковой ценности с «Информационным бюллетенем» может сравниться лишь джорданвилльский журнал «Православная Русь». В то же время следует подчеркнуть, что бюллетень не обладает полнотой отражения лагерной жизни, да, видимо, его редактор и не ставил такой задачи. Многие важные события Шляйсгайма не нашли себе места на страницах «Информационного бюллетеня».

На втором этапе автор работал в архиве Германской епархии РПЦЗ (скит святой преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны в Бухендорфе, федеральная земля Бавария, ФРГ). Доступ к архивным документам в Бухендорфе оказался возможным благодаря

правящему архиерею Германской епархии Русской Зарубежной Церкви архиепископу Марку. Благословение на работу в архиве и рекомендации владыки Марка оказались в высшей степени полезными. Неоценимую помощь автору на протяжении последних лет как в поиске, так и в копировании архивных материалов (письменных источников и фотодокументов) оказал секретарь Германской епархии протоиерей Николай Артемов. Работа в архиве Бухендорфа происходила после участия автора в ежегодном семинаре Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене (декабрь 2009 г.). Благодаря участию в семинаре мы побывали на месте Большого Шляйсгайма (Фельдмохинг), Малого Шляйсгайма, на бывшем лагерном кладбище, беседовали с бывшими жителями лагеря. Теперь Большой Шляйсгайм – часть современного Мюнхена. Автор побывал в знаменитом Свято-Иово-Почаевском мужском монастыре, в Оберменцинге, на окраине Мюнхена. В этом монастыре хранится часть епархиального архива. Здесь после Второй мировой войны оказались некоторые ДиПи, принявшие монашеский постриг. Здесь останавливались священнослужители, окормлявшие лагерь Шляйсгайм.

Значительная часть документов Бухендорфского архивохранилища обработана и классифицирована архивистами-историками. Документы, имеющие отношение к Шляйсгайму, размещены в белых тематических коробках, среди которых назовем: «Священники. А–Щ, 1945–1949. Ф. 6», «Распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Среднеевропейского митрополичьего округа», «Копии документов Синодального архива». Благодаря документам коробки «Священники. А–Щ...» историк может проследить жизненный путь священника, служившего в лагере, увидеть его проблемы, в определенной степени оценить и сопереживать тому, чем жил батюшка в период ДиПи. В документах есть красноречивые свидетельства стремления русских священников служить на приходе, в лагере, но только служить во славу Божию. В то же время период 1948–1950 гг. отличается поиском священниками нового места служения в связи с массовым отъездом паствы за океан. Особую ценность представляют материалы фонда 24, дело № 3 «Мюнхен–Шляйсгайм». По своему жанру эти документы представляют собой резолюции, распоряжения правящего архиерея Германской епархии митрополита Серафима (Ляде), протоколы заседания приходского совета Шляйсгайма, отчеты. В фонде 24 находятся также письма священников и мирян, которые порой эмоционально характеризуют острые проблемы организации церковной жизни, неустроенность быта,

сложные отношения между священнослужителями и мирянами. Напротив, отчеты, ревизии бухгалтерской документации очень сухо и вместе с тем совершенно точно указывают на очень тяжелое материальное положение духовенства и жителей лагеря Шляйсгайм в целом. В фонде 24, дело 3, особую ценность представляют папки: «Протоколы заседаний Приходского совета Архангело-Михайловского храма 1948 г.», «Рапорты, доклады епископа Димитрия и протоиерея Тихона Мышевского, старосты Михаила Голубева в епархиальное управление», «Ходатайства американским властям о праздновании православных праздников», «Переписка по делу конфликта протоиерея Василия Бощановского – настоятеля гимназической церкви лагеря Шляйсгайм – с архиепископом Пантелеимоном».

В характеристике источников мы должны назвать ряд воспоминаний, составленных нашими соотечественниками, которые после Второй мировой войны сами оказались в лагерях ДиПи либо относились к категории перемещенных лиц, но не жили все это послевоенное время в лагерях. Ростислав Владимирович Полчанинов в 2009 г. опубликовал книгу «Молодежь русского зарубежья» [5], которая представляет собой воспоминания о жизни в зарубежье, в том числе в лагерях ДиПи. Р.В. Полчанинов, известный историк и общественный деятель эмиграции, не раз бывал в лагере Шляйсгайм, и его мемуары, опубликованные не только в названной книге, но также в издании «За свободную Россию», выпускаемом в штате Нью-Йорк (США), сообщают качественно новое знание о периоде ДиПи. Заметим также, что Р.В. Полчанинов, пожалуй, наиболее беспристрастный, если вообще корректно так говорить об этом жанре источника, мемуарист относительно периода лагерей ДиПи. Существенную помощь оказали материалы воспоминаний Асты Александровны Аристовой [6], Веры Александровны Пирожковой [7], Николая Александровича Троицкого [8], Сигизмунда Анатольевича Дичбалиса [9], Никиты Валериановича Моравского [10], Веры Григорьевны Фурсенко [11] и облеченные в художественную форму мемуарные записки Ирины Евгеньевны Сабуровой [12]. Все вышеназванные материалы передают атмосферу быта, умонастроений, коллизий, поисков лучшего будущего, в которой находились русские перемещенные лица. Это уникальная историческая информация, которую никто уже никогда не расскажет и которую историки должны непременно сохранить и передать следующим поколениям.

Вслед за критикой источников традиционно принято вести *историографический обзор*. К сожалению, до сих пор тема деятельности духовенства в лагерях ДиПи широко не изучена. Сама лагерная жизнь постепенно становится предметом внимания профессиональных ис-

ториков-эмигрантоведов. Так, в России и за рубежом опубликован ряд исследований, выясняющих особенности общественно-политической и культурной жизни перемещенных лиц. К таким исследованиям относятся труды П.Н. Базанова [13], А.В. Попова (основателя и редактора серии «Материалы к истории русской политической эмиграции») [14], Э. Штейна [15]. Большую научную ценность представляют справочник французского историка А. де Нивьера [16] и электронный, размещенный во Всемирной сети Интернет справочник игумена Ростислава (Колупаева) [17]. К последней группе можно отнести электронный банк данных «Религиозные деятели русского зарубежья», также размещенный в сети Интернет [18]. Последние три исследования напрямую относятся к теме нашего исследования и содержат новые, хотя и не всегда полные биографические сведения о священнослужителях, окормлявших паству лагеря Шляйсгайм. Неожиданную, на первый взгляд, но вполне объяснимую поддержку нашему исследованию оказал прекрасный, информационно насыщенный биографический словарь «Русские в Северной Америке», подготовленный трудами русского американца профессора Евгения Александровича Александрова и опубликованный в 2005 г. [19]. Он содержит более десятка биографий выдающихся русских американцев, прошедших лагерь Шляйсгайм и, следовательно, входивших в паству лагерного духовенства. Не являются ли достижения названных в словаре людей результатом, хоть в малой степени, деятельности духовенства лагеря Шляйсгайм? Убежден, что являются, и в немалой степени.

Научно-исследовательская лаборатория «Русское зарубежье», действующая на базе факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, реализует крупный проект по истории русских перемещенных лиц после Второй мировой войны. Лаборатория опубликовала целый ряд исследований и выпустила том документов, относящихся непосредственно к общественно-политической жизни и пастырской деятельности духовенства в лагерях перемещенных лиц в Германии и Австрии [20].

Автор глубоко признателен всем тем лицам в России и за рубежом, которые откликнулись на просьбу предоставить материалы, поделиться воспоминаниями и помолиться. В особенности мы *благодарим* покойного Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Лавра, а также управляющего Германской епархией РПЦЗ архиепископа Марка, секретаря Германской епархии РПЦЗ протоиерея Николая Артемова, игумена Евфимия (Логинова), протоиерея Петра Перекрестова (Западно-Американская епархия РПЦЗ, г. Сан-Франциско), диакона

Андрея Псарева, инока Всеволода (Филипьева), братию Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле и Свято-Иово-Почаевского монастыря в Оберменцинге (Мюнхен). Особую благодарность выражаем настоятельнице скита преподобномученицы Елисаветы в Бухендорфе матери Марии с сестрами. Очень ценной оказалась помощь и всяческая поддержка мирян Русской Зарубежной Церкви (по алфавиту): А.А. Аристовой, В.И. Быкадорова, Г.Г. Вербицкого, С.С. Ворони-цына, С.А. Зауэра, И.Е. Захаровой, покойного И.Д. Корниенко, Н.Е. Лызловой-Корэн, Г.М. Моисеева, З.Е. Питерс, Р.В. Полчанинова, И.И. Редько, Е.И. Репникова, Б.М. и В.Г. Рыбалка, Н.А. Троицкого, П.А. Уртьева, Л.А. Фоминой, профессора О.П. Хасти (Принстонский университет), А.В. Шмелева (Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфордский университет). Мы благодарим декана факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского профессора О.А. Колобова за неизменную поддержку и поощрение исследований проблем церковного зарубежья. Российский германист Д.С. Корнилов оказал помощь в переводе на русский язык немецкоязычных материалов о церковной жизни Фюссена, Шляйсгайма и Мюнхена (Людвигсфельд).

Монография называется «Переправимся на ту сторону...». Это не попытка возродить атмосферу и лексику «холодной войны», когда шла борьба двух политических систем за лидерство и пересечение границы советскими гражданами для побега в ФРГ («на Запад») расценивалось как очередная политическая победа капитализма. Это не попытка доказать, что на той стороне, то есть на Западе, было всегда хорошо. Речь идет совсем не о политике, хотя для жителей Шляйсгайма было очень важно остаться на «той стороне», ибо они не принимали советский политический строй. Слова «Переправимся на ту сторону» произносит Христос в Евангелии от Марка (Мк. 4, 35). Господь сказал эти слова своим ученикам вот при каких обстоятельствах.

Христос и апостолы находились на западном берегу Генисаретского озера (Галилейского моря). Христос сказал: «Переправимся на ту сторону», и ученики, взяв с собой Иисуса, поплыли. Они находились на середине озера, как поднялась сильная буря. Волны заливали лодку, а Христос спал у кормы. Ученики в страхе начали будить Его: «Учитель, проснись, мы погибаем!» И, восстав, Господь запретил ветру, и сделалась великая тишина. Так сообщает Евангелие об этом событии. Святые отцы напоминают, что Евангелие имеет двоякое значение: одно историческое, другое – глубоко таинственное, относящееся ко всякой христианской душе. Преподобный Варсонофий Оптинский так

рассуждает о духовном смысле приведенного евангельского сюжета. Каждая душа ищет блаженства, стремится к нему. Но греховная жизнь не дает человеку истинной радости, напротив, несет с собой тоску и разочарование. И вот в душе раздается голос Божий: «Переправимся на ту сторону». Господь зовет начать новую жизнь во Христе.

Действительно, для сотен жителей лагеря Шляйсгайм этот призыв Божий был крайне важен. Многие шляйсгаймовцы выросли в советских, преимущественно атеистических, условиях и потянулись к вере только в Германии, находясь в критических, опасных условиях жизни. Но и «старая» эмиграция ожидала Божьего гласа, потому что ей предстояло вместе с «новыми» эмигрантами изменить место жительства и закрепиться в другой стране, другом обществе – может быть, в Аргентине, США, Канаде, Марокко или Австралии. Призыв Божий «Переправимся на ту сторону», означавший не только переезд в другую страну, а изменение духа, укрепление в православном образе жизни, должны были провозгласить и передать священнослужители, архиереи и священники.

Преподобный Варсонофий Оптинский далее так размышляет о евангельском событии. Когда ученики сели в лодку, то взяли с собой Иисуса. Так и в плавании по житейскому морю необходимо быть с Господом. Замечательно, что Христос находился на западной стороне и поплыл к востоку; и всякая христианская душа стремится к востоку, к Горнему Иерусалиму. Но враг не оставляет человека, продолжает преп. Варсонофий. Вот поднимается сильная буря – буря страстей и скорбей. Нестерпимо тяжело, а Господь как будто все позабыл и спит. «Господи! Господи! Спаси меня, я погибаю», – должна вопиять душа, и Господь, может быть, не скоро, но все-таки услышит ее, а когда войдет Он в душу, то воцарится великая тишина, умолкнут страсти, водворятся мир и радость [21]. Вот к таким бурям житейского моря и должны были подготовить жителей лагеря тамошние священники, наипаче же их детей, молодежь, которой в силу жизненной неопытности и неокрепшей веры пришлось намного тяжелее в странах расселения, нежели старшему поколению.

Примечания

1. Дипломатический словарь / Под ред. А.А. Громыко: В 3 т. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Т. II. К–Р. – М.: Наука, 1985. – С. 355–356.

2. Об этом пишет известный деятель русской эмиграции, видный деятель Народно-трудового союза (НТС), историк русского зарубежья, глубоко изучавший вопрос и сам живший в лагерях ДиПи в Герма-

нии, Ростислав Владимирович Полчанинов в издании «За свободную Россию» (2005, февраль. – № 29 (58). – С. 1), ссылаясь на Encyclopedia Britannica (1960. – V. 19. – P. 59). По данным крупнейшей в эмиграции антисоветской политической организации СБОНР (Союз борьбы за освобождение народов России) число перемещенных лиц к моменту окончания войны достигло 12 миллионов человек.

3. Там же. С. 2. Также см.: S.H.A.E.F. Parachute Edition. – № 27. – May 11. – 1945: The Daily Organ of Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force. Листок на четырех языках: английском, французском, польском и немецком. В немецком тексте было сказано: «Das Oberkommando gibt volgende Spezialanweisungen für alle russischen Staatsangehorigen: Alle Russen, die sich in dem vom Oberkommando kontrolierten Gebieten befinden, werden so schnell wie möglich zu den russischen Behörden gebracht werden. <...> Befreite Polen, die sich in den Gebieten Deutschlands befinden, die vom Allierten Oberkommando kontrolliert werd*en hab*en Gelegenheit, ihre Wünsche zu aussern, ob sie nach Polen zurückkehren wollen oder nicht. Jeder Fall wird individuel behandelt warden». Это же было сказано и по-французски, только вместо «русские подданные» было сказано «советские подданные». Польский текст о праве выбора для поляков был подписан генералом Д. Эйзенхауэром, а о русских в польском тексте ничего не было сказано. По-английски ни про русских, ни про поляков ничего не было сказано.

4. Полчанинов Р.В. От UNRRA до IRO // За свободную Россию: Сообщения местной организации НТС на востоке США. – 2005, февраль. – № 29(58). – С. 2.

5. Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья. Воспоминания. 1941–1951. – М.: Посев, 2009. – 416 с.

6. Аристова (Терских) А. Что сохранила память. Воспоминания о жизни в Германии. 1945–1949 гг. – Сан-Франциско: изд. авт., 2004. – 415 с.

7. Пирожкова В.А. Мои три жизни: Автобиогр. очерки. – СПб.: Нева, 2002. – 608 с.

8. Троицкий Н.А. Ты, мое столетие... – М.: ИПВА, 2006. – 496 с. (Материалы к истории рус. политич. эмиграции; Вып. 11).

9. Дичбалис С.А. Зигзаги судьбы. Воспоминания. – М.: ИПВА, 2003. – 272 с. (Материалы к истории рус. политич. эмиграции; Вып. 9).

10. Моравский Н.В. Остров Тубабао (1949–1951) – последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. – М.: Русский путь, 2000. – 112 с. Воспоминания Н.В. Моравского относятся к дальневосточной эмиграции, однако отражают суровые реалии жизни послевоенных русских православных перемещенных лиц.

11. Фурсенко В.Г. ДиПи: дни и годы // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов / Сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий; Под общ. ред. А.В. Попова. – М.: РГГУ, 1996. – С. 96–135.

12. Сабурова И.Е. О нас. – Мюнхен, 1972. – 231 с.

13. Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья. Из истории книжной культуры XX века: Учеб. пос. – СПб.: Петерб. ин-т печати, 2001. – 114 с.; Базанов П.Н. Издательства и периодика ДиПи // Книга. Культура. Читатель:

Сб. науч. трудов по материалам X Смирдинских чтений. – СПб.: С.-Петерб. акад. культуры, 1998. – С. 135–143. В соавторстве П.Р. Базанов также опубликовал: Издательское и библиографическое дело русского зарубежья (1918–1998 гг.): Учеб. пос. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры, 1999. – 136 с.

14. Помимо вышеназванных высококачественных мемуарных источников о деятельности перемещенных лиц, А.В. Попов издал в своей серии два справочно-библиографических тома: Попов А.В. Российское православное зарубежье. История и источники: С прилож. системат. библиогр. – М.: ИПВА, 2005. – 619 с. (Материалы к истории рус. политич. эмиграции; Вып. 10); Российское православие за рубежом: библиогр. указ. лит-ры и источн.: 1918–2006 гг. / Авт.-сост. А.В. Попов. – М.: ИПВА, 2007. – 630 с. (Материалы к истории рус. политич. эмиграции; Вып. 12). В названном сборнике «В поисках истины» А.В. Попов опубликовал вместе с коллегами оригинальные документы эмигрантских политических организаций периода ДиПи.

15. Штейн Э. Русская печать лагерей ДиПи. – Orange: Antiquary (USA), 1993. – 135 с.

16. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995 гг.: Биогр. справочник. – М.; Париж: Русский путь–YMCA-Press, 2007.

17. Колупаев Р., игумен. Русские в Северной Африке. Материалы для биобиблиогр. словаря // URL: http: //mirrors.russible.ru/ pagez.ru/olb/ 211.php.html.

18. Религиозные деятели русского зарубежья // http: //ruszarubezhje.ru/rs.

19. Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биогр. словарь / Под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. – Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); СПб., 2005. – 599 с.

20. См., напр., исследования политической активности в лагерях ДиПи: Колобов О.А., Корнилов А.А., Лунева И.А. Проблемы войны и мира в XX веке: Нижегор. сер. док-тов по истории междунар. отнош. Т. V. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2005. – 411 с.; Лунева И.А. «Невозвращенцы» в пропагандистской войне СБОНР против Советского Союза // Вестник ННГУ; Серия «История. Политология. Междунар. отнош.». Вып. 1. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2003; Она же. Деятельность русских антикоммунистических организаций в Германии после Второй мировой войны (на примере СБОНР и НТС) // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб.: С.-Петерб. ун-т культуры и искусств; республик. гуманит. ун-т СПГУ, 2003. О деятельности православного духовенства в лагерях ДиПи см.: Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц: Биогр. словарь. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское зарубежье», 2002. – 119 с.; Он же. На службе эмиграции. Духовенство лагеря перемещенных лиц Фишбек. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское зарубежье», 2004. – 40 с.; Он же. На реках австрийских. Духовенство лагерей перемещенных лиц Парш и Келлерберг (1945–1952 гг.). – Н. Новгород: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское зарубежье», 2006. – 115 с.

21. Беседа 1 июня 1912 г. // Преподобный Варсонофий Оптинский. Духовное наследие. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. – С. 206–208.

ГЛАВА 1
ЛАГЕРЬ ШЛЯЙСГАЙМ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Общая характеристика лагерного комплекса Шляйсгайм

Лагерь перемещенных лиц Шляйсгайм (в некоторых изданиях пишется Шлейсгейм) был расположен к северо-востоку от Мюнхена. В действительности в окрестностях послевоенного Мюнхена с 1945 по лето 1950 г. существовало два Шляйсгайма – Малый и Большой. Малый Шляйсгайм, как сообщал автору бывший житель лагеря Р.В. Полчанинов, находился ближе к железнодорожной станции Фельдмохинг, чем к Большому Шляйсгайму. В Малом лагере жило немного русских перемещенных лиц. Вся же основная жизнь русских беженцев сосредоточилась в Большом Шляйсгайме (он же – Фельдмохинг), писал Р.В. Полчанинов. Летом 1950 г. Малый лагерь расформировали, и жившие там русские переехали в лагерь Большой [1].

По свидетельству другого лагерника Ивана Даниловича Корниенко, пережившего выдачу в СССР из лагеря Кемптен и угрозу выдачи в лагере Фюссен, Шляйсгайм в период войны был учебным лагерем пилотов Люфтваффе. «После войны, – вспоминал И.Д. Корниенко, – там были русский и украинский лагеря, причем в последнем преобладали националисты. Насколько я помню, около 6–7 тысяч жителей насчитывалось в русском лагере, может быть, чуть меньше – в украинском. Первая задача по переезде из лагеря в лагерь – это организация храма и школы» [2].

Мюнхенская газета «Мюнхнер Меркур» пишет: «Служба труда Третьего рейха в 1934 г. построила здесь бараки и бревенчатые домики, служившие ночлежками для курсантов, учившихся в авиационном техникуме, который располагался в одном из ангаров на территории Шляйсхайма. После войны здесь же был приют для всех «незваных

гостей». Именно так некоторые мюнхенцы называли поток беженцев с Востока: бежавших из чешской Богемии, Моравии и прусских юнкеров; иностранных сотрудников, подвергавшихся на Родине общественному порицанию; воинов армии Власова, вставших на немецкую сторону. Здесь же оседали освобожденные узники концентрационных лагерей» [3].

Одна из групп жителей лагеря в 1949–1951 гг. переехала жить в Соединенные Штаты, в город Филадельфия, штат Пенсильвания. Там бывшие ДиПи под руководством протоиерея о. Евгения Лызлова, тоже некогда жителя Шляйсгайма, основали приход. Это был приход и храм в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». Вспоминая свой баварский лагерь, они дали ему следующую характеристику:

«Лагерь Шляйсгайм был самым большим лагерем в Германии. В нем было размещено одних русских свыше 2,5 тысячи (как видим, другие данные о количестве жителей. – *А. К.*). Этот лагерь был крупным и неповторимым в наши дни культурным русским центром эмиграции, имевшим в числе насельников трех святителей-митрополитов, двух архиепископов, 22 священника, свыше 20 профессоров, 140 инженеров, 60 педагогов, десятки врачей, художников, артистов и других культурных сил». В лагере действовал барачный храм во имя Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных. По сообщению русских филадельфийцев, в лагере работали гимназия имени Д.И. Менделеева, где обучалось более 300 детей, русская начальная школа со 120 учениками и детский сад с 60 детьми. Культурная и творческая жизнь «кипела»: лагерный театр славился по всей русской Германии. Работали курсы по изучению иностранных языков или по переподготовке разных специальностей. Существовали балетная и танцевальная школы. К услугам жителей лагеря была предоставлена прекрасная библиотека, подаренная Великим князем Владимиром Кирилловичем [4].

Большой Шляйсгайм был также известен своими мастерскими. В нем устраивались Дни русской культуры, Дни непримиримости. Широко был отмечен в 1949 г. 150-летний юбилей со дня рождения А.С. Пушкина [5]. Наличие впечатляющей творческой силы русской интеллигенции позволило наладить выпуск печатной продукции. Э. Штейн, автор книги «Русская печать лагерей ДиПи», сообщает, что в лагере действовало издательство «Златоуст» (более точное название «Русское зарубежное издательство «Златоуст»). Оно выпустило в свет

такие книги, как: М. Варенцов «Рассказы», «Книжка малышке», Е. Гагарин «Звезда в ночи», П.Н. Краснов «Терунешь. Повесть», А. Михайловский «Соблазн зла (Судьбы России)», А.С. Пушкин «Избранные стихотворения», «Что нас ждет? Вопрос о беженцах в Союзе Объединенных Наций» и другие [6]. В лагере издавался «Бюллетень российского эмигранта». Публиковались «Друг молодежи» (общественно-педагогический сборник по вопросам внешкольного воспитания), «Ежедневная радиосводка», «Казачий исторический календарь», «На пикете» (аполитический историко-бытовой журнал общеказачьей станицы), «Наши вести», «Новости науки и техники» (научно-технический ежемесячный журнал лагерного объединения русских инженеров), «Новый мир» (журнал иностранной публицистики, художественной литературы и юмора) и целый ряд других [7].

Заметную активность проявляли русские скаутские и сокольские организации. Именно в Шляйсгайме 11–12 января 1948 г. состоялся 1-й съезд совета Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) [8]. Именно в Шляйсгайме 2 августа 1947 г. прошла нелегальная учредительная конференция Боевого союза молодежи народов России (БСМНР). Так возникла первая организация власовцев послевоенного периода. БСМНР был позднее переименован в Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР). Союз превратился в одну из ведущих антикоммунистических организаций эмиграции. Там же, в Шляйсгайме, были проведены первые 10-дневные курсы руководящих работников БСМНР [9]. Возможно, именно в лагере под Мюнхеном был налажен выпуск журнала СБОНР «Борьба».

При подходе к вопросу о служении духовенства в лагере следует учитывать еще одно очень важное обстоятельство. Шляйсгайм был очень крупным транзитным лагерем. По свидетельству бывшего жителя лагеря Сергея Сергеевича Вороницына, «ДиПи-лагерь Шляйсгайм во многих отношениях довольно уникальное явление. Он не похож ни на зальцбургский Парш, ни на северогерманский Фишбек. Шляйсгайм по своим функциям был огромным залом ожидания (ожидания иногда сравнительно краткого, а иногда и весьма длинного), в который международные благотворительные организации, сначала UNRRA, потом IRO, свозили для многосторонней проверки русских эмигрантов – ДиПи из других лагерей перед отправкой в заокеанские страны».

По мнению С.С. Вороницына, лагерь пережил, по крайней мере, три большие «волны» вливаний новых беженцев. В 1946–1947 гг. в

Шляйсгайм приехали жители лагеря Фюссен. В Фюссене было много интеллигенции, в том числе духовенство – многие из них пережили в лагере Кемптен (там же, в Баварии) жестокую выдачу ДиПи в СССР 12 августа 1945 г., которую организовала американская военная полиция (Military Police, MP). Ходила даже такая поговорка: «Торгует, мчится, суетится неугомонный наш ДиПи, и в этом мире он боится лишь только Бога и MP». При выдаче в Кемптене американской военной полицией был осквернен и разгромлен православный храм. В 1948 г. в Шляйсгайм прибыла вторая «волна» новых жителей. Приехали жить русские из близлежащего многонационального лагеря «СС-казармы» (Фрайманн). В «СС-казармах» уже действовала русская церковь, работала русская гимназия, существовал большой клуб русской молодежи. При этом клубе публиковался толстый журнал «На переломе». Третьим потоком новых жителей Шляйсгайма стали беженцы лагеря Менхегоф и ряда мелких лагерей. Все эти лагеря были расположены близ города Кассель (Циренберг, Фюрстенвальд, Ротвестен и другие). В Менхегофе уже была налажена русская общественная и церковная жизнь. Вся эта масса свезенных из различных лагерей эмигрантов и составила основу русского лагеря ДиПи Шляйсгайм. В результате в Шляйсгайме возникло довольно пестрое, разнообразное по происхождению и составу население: представители «старой» и «новой» эмиграции, всех профессиональных групп и социальных слоев [10].

Книга «Русская православная церковь во имя Архистратига Михаила в Мюнхене–Людвигсфельде», изданная Германской епархией Русской Зарубежной Церкви, несколько уточняет общую церковную ситуацию, сложившуюся в Большом Шляйсгайме: «Русский православный приход Михаила Архангела оформился в октябре 1945 г., вырастая из маленькой церквушки. Настоятелем церкви тогда был митрополит Серафим (Ляде). К концу 1946 г. приход созидал церкви прямо из бараков. Эти бараки появились здесь, когда в этих местах еще стояли казармы, окончательно разрушенные в 1946 г. В то же время перестал существовать транзитный лагерь в Фюссене, и переселявшиеся оттуда в Шляйсгайм брали с собой все необходимое для проведения служб – что они могли спасти и взять с собой. Вновь построенная церковь стала кафедральной церковью митрополита Серафима». К приходу Михаила Архангела относились в 1948 г. свыше 2000 человек – и это только зарегистрированных, по оценке авторов брошюры. Приход регулярно посещал митрополит Анастасий, привозя с собой Курскую-Коренную икону Божьей Матери. Летом 1950 г. митрополит

провел свою последнюю службу в церкви и явил верующим эту чудотворную икону Божьей Матери перед своим отъездом в США. В службе приняли участие 2000 человек, тысяча из которых причастилась Святых Христовых Тайн [11].

Как видно из вышеизложенного, лагерь Большой Шляйсгайм жил бурной, насыщенной русской жизнью во всех отношениях: политическом, молодежно-спортивном, издательском, художественном. Однако важнейшей характеристикой жителей лагеря была их православная идентичность, их принадлежность и жизнь в Православной Церкви. Многочисленная паства имела и множество пастырей, которые трудились над воспитанием душ русских беженцев, собиравшихся в скором времени отправиться в различные страны Европы, Африки или Западного полушария. Прихожане того же филадельфийского храма вспоминают количество священнослужителей, окормлявших жителей Шляйсгайма, 27. Выяснить в настоящее время, кто были все эти 27 архипастырей и пастырей (особенно в начальный период существования лагеря) представляется почти невозможным. Во-первых, названная цифра могла оказаться не точной, а некоей суммой воспоминаний бывших шляйсгаймовцев. Она могла возникнуть как результат подсчета бывших лагерников, которые тоже могли ошибаться. Во-вторых, мы не знаем, учитывает ли данный показатель «текучесть кадров», иными словами, перемещения из лагеря на приход, из лагеря в лагерь, отъезд духовенства в иные страны расселения, а также репатриацию некоторых священнослужителей в СССР. В-третьих, непонятно, относится число 27 только к Большому Шляйсгайму или же включает и духовенство Малого Шляйсгайма? В обоих случаях следует учитывать назначения и перемещения священников правящим епархиальным архиереем.

Примером того, как сложно разобраться с вопросом учета и подсчета служившего в лагере духовенства, являются свидетельства епископа Бостонского Митрофана (Зноско), ныне покойного. В его мемуарах приводится другая цифра священнослужителей. Владыка Митрофан публикует письмо священника лагеря Большой Шляйсгайм протоиерея Михаила Помазанского. О. Михаил сообщал: «По будням я уже редко служу в церкви, а в праздники – всегда «большой собор», как любит Преосвященный Пантелеимон (архиепископ Пантелеимон (Рудык), настоятель лагерного прихода и храма. – *А.К.*). Духовенства у нас в лагере, если всех подсчитать, до 20 священников, есть кому и без меня послужить» [12].

Духовенство лагеря стояло перед сложной задачей. Паствой его были не простые мирные прихожане благополучной страны. Это были измученные войной, голодом, беженскими лишениями люди, которых нужно было постоянно поддерживать, вдохновлять на продолжение жизни. Среди жителей лагеря были люди, которые изменили свою фамилию и фамилию своей жены и детей, чтобы не попасть под каток насильственной репатриации в СССР. В годы войны эти люди воевали против советского режима и теперь скрывались от советского суда и лагерей либо работали под немецкой оккупацией, бежали от снарядов и пуль на Запад и теперь не желали возвращаться под власть Коммунистической партии. Другие не знали, какое будущее их ожидает в странах будущего расселения. Третьи потеряли веру или не знали таковой, потому что жили под влиянием атеистической пропаганды в СССР. Положение перемещенных лиц было очень тяжелым. Оно нашло отражение в произведениях самих эмигрантов, узнавших на себе, что значит ДиПи.

Известная писательница Ирина Сабурова в книге «О нас» выразительно писала о моральном состоянии перемещенных лиц, бродивших в послевоенной Германии в поисках лучшей жизни. Для ДиПи вся жизнь осенью 1945 г. сводилась к «очень сложным и совсем немудреным, немногим вещам: бумажка – кто есть кто? – раз; (все равно какая: какая-нибудь, лишь бы печать была); чего-нибудь поесть (не все равно, но хоть что-нибудь); где-нибудь переспать (можно и на полу, и на столе); иногда что-нибудь надеть (все равно что, только не военные шинели мужчинам; женщины шьют себе из них пальто)». «Мы прошли буквально через огонь, через невероятный, многократный ужас, и мы устали от этих ужасов, просто устали. Мы спрашиваем иногда при знакомстве: «Кто у вас погиб?» – и удивляемся, если все живы. Не знаю, можно ли назвать это притупленностью. Отчасти, наверное, да. Может быть, готовностью к смерти. Человеку, живущему в рамках определенной жизни, свойственно отодвигать мысль о смерти потому хотя бы, что она нарушает, ломает рамки, врывается в них, ранит вносит боль, ужас, растерянность и покинутость в жизнь. А когда наступает катастрофа и все летит кувырком, то смерть – избавление от страха не только перед нею, но и перед этой странной, ни на что не похожей жизнью, вернее, инстинктивным цеплянием за голое существование» [13].

Бывший житель Шляйсгайма поэт Иван Елагин (настоящее имя Иван Венедиктович Матвеев) так описал свое состояние в лагере:

Корпуса бетонные –
Кто же внутри содержится?
А перемещенные
Беженцы-отверженцы.

Кто с узлом-периною,
Кто с кошелкой кожаной.
Помещения длинные
Сплошь перегорожены.

А за одеялами,
А за полотенцами –
Семьи с годовалыми
Шумными младенцами.

В эти годы гиблые
Разные есть беженцы:
Кто читает Библию,
Кто в железку режется!

Этот на гектографе
Издает известия,
Там девчонку до крови
Бьет мамаша-бестия.

Тут поэт из Чехии
В творческом наитии
Воспевает некие
Важные события.

Те включили резкую
Музыку приемника,
Чтоб за занавескою
Нежничать укромненько.

А в углу подвыпили
Старых два деникинца –
Им еще с Галлиполи
Не впервые мыкаться.

И казарма кажется
Вечерами страшною
Согнутой под тяжестью
Вавилонской башнею [14].

«Серые бараки, как солдаты, мрачно стояли в строю, – вспоминала Ирина Савостина-Азлинг. – В каждом бараке было 18–20 комнат. Каждая семья занимала одну комнату, а те, что поселились позже, должны были делить комнату с другой семьей. Чтобы разделить комнату на две или даже иногда на три части, вешались знаменитые военные серые одеяла. Знаменитые потому, что эти одеяла не только разделяли комнаты, их употребляли по их настоящему предназначению, как одеяла, из них делали коврики, их красили, шили неплохие пальто, а с помощью картона и цветных ниток получались модные дамские сумочки.

Душевые, комнаты для стирки белья и других санитарных надобностей были расположены в отдельных, более маленьких бараках. Кухня, где выдавалась еда, находилась в конце лагеря». Три раза в день вереница людей с ведерками, сделанными из консервных банок, с продетой проволокой в виде ручки, шла на кухню получить что-либо вроде кофе, супа с крупой и кусочка мяса. Раз в две недели выдавали небольшие пакеты care с едой, которой хватало на один день. Иногда жители лагеря вызывались на склад старой одежды, привезенной из США. Так возникала возможность подобрать подходящее платье, обувь [15].

В одно мгновение не излечить душу человека, пострадавшего от войны. Через пять лет после войны, 24 сентября 1950 г., управляющий Германской епархией архиепископ Венедикт (Бобковский) по случаю вступления своего на кафедру обращался к духовенству, монашествующим и мирянам с такими словами:

«Тяжелый крест возложен на рамена моя – немощного. Не обыкновенная паства, каковая бывала в мирные времена, вручена моему водительству, а люди, лишенные отечества, изгнанники из родной земли, пришельцы в чужой стране, бедные, живущие пока от щедрот чуждых им народов, ищущие создать себе новую жизнь, немощные, скорбящие, озлобленные – Милости Божией и Помощи требующие» [16]. Даже спустя пять лет после войны правящий архиерей понимал, как тяжело вылечить душу человека.

Священники жили в тех же бараках, что и миряне, поскольку тоже были перемещенными лицами, с таким же статусом и такими же проблемами. Они должны были выполнить свое высокое, но бесконечно трудное, почти невозможное священническое призвание – спасать души людей. Нина Евгеньевна Лызлова-Корэн, дочь лагерного священника о. Евгения Лызлова, вспоминала приезд семьи в Шляйсгайм:

«Грузовик подвез нас прямо к бараку, в котором нам была отведена комната. Номер барака 86, комната 6... Комната, которую мы получили, была очень грязная» [17]. Конечно, никаких домработниц не было. Комнату убирали, чистили сами, весь быт устраивали сами. И семья о. Евгения все были большие труженики. А жили бедно. Зоя Евгеньевна Питерс, старшая дочь о. Евгения, в разговоре с автором вспоминала: «Мы жили так бедно, но бедности своей не замечали».

Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви, в юрисдикции которой оказалось духовенство большинства лагерей ДиПи Германии, Австрии, Италии, принимал меры к правильной организации церковной жизни, в том числе в Шляйсгайме. Согласно документам архива Германской епархии, в лагере Шляйсгайм действовало два храма.

Храм Святого Архистратига Михаила

Главным был храм во имя Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных. Он располагался в большом бараке, и его можно увидеть в фотоприложениях к книге (с. 113??). Настоятелем прихода и храма Архистратига Михаила с осени 1945 по июнь 1948 г. был архиепископ Пантелеимон (Рудык), затем с июня 1948 по 1950 г. – епископ Димитрий (Маган) [18]. Господские и Богородичные и, конечно, престольный праздники собирали в барачном храме множество жителей лагеря. Храм был переполнен. Нередко в лагерь приезжал председатель Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви митрополит Анастасий (Грибановский), который привозил чудотворную икону Божьей Матери Курскую-Коренную, почитаемую до сих пор Одигитрией (Путеводительницей) Русского зарубежья и православных эмигрантов всех поколений. Владыка митрополит служил торжественную службу в храме Архистратига Михаила.

Трудности со снабжением храма свечами, утварью были значительными. В послевоенной Германии русские храмы испытывали острую нехватку финансовых средств. Протоколы заседаний приходского совета свидетельствуют об этом. Трудности приводили к обострению отношений между людьми, обвинениям, может быть, не всегда справедливым, в адрес старосты или бухгалтера прихода.

Заключительный протокол заседания ревизионной комиссии православного храма Архистратига Михаила в лагере Шляйсгайм от

6 августа 1948 г. сообщает любопытные факты материальной жизни прихода.

За период с 1 января по 20 июня 1948 г. (20 июня в Германии произошла денежная реформа, которая обесценила прежние рейхсмарки и ввела новые дойчемарки) чистая прибыль от поступлений была следующая:

1) тарелочные сборы – 32 160,00 РМ;
2) доходы от продажи свечей – 56 028,00 РМ;
3) прочие доходы – 7904,71 РМ.

За этот период за счет прибылей и наличных капиталов израсходовано:

1) содержание духовенства и служащих – 50 59,00 РМ;
2) благотворительность – 13 589,68 РМ;
3) приобретение свечей, иконок и пр. – 58 536,50 РМ;
4) приобретение инвентаря – 4461,00 РМ;
5) прочие расходы – 34 909,57 РМ.

Как видно, приход испытывал большие финансовые трудности, едва сводил концы с концами и вынужден был брать займы [19].

На 30 июля 1948 г., сообщала ревизионная комиссия, в приходе насчитывалось: денежных сумм у казначея 254,58 ДМ, у старосты – 274,48 ДМ. Материалов в приходе числилось:

а) свечей по 20 пфеннигов	–	5148 шт.;
30 пф.	–	5794 шт.;
50 пф.	–	1874 шт.;
1 ДМ	–	658 шт.;
2 ДМ	–	298 шт.;
3 ДМ	–	10 шт.;
свечей служебных	–	85 шт.;
свечей архиерейских	–	112 шт.;

б) муки – около 5 кг;
в) вина – 150 мл [20].

150 мл вина оставалось в приходе, где ежедневно духовенством совершались литургии! Муки оставалось 5 кг для выпечки просфор в приходе, где церковной жизнью жили десятки прихожан!

Обсуждение вопросов материального обеспечения жизни прихода было очень бурным и частым. В обсуждение отдельные группировки прихожан через своих представителей в приходском совете, к сожалению, вовлекали духовенство. Обсуждение было особенно эмоциональным в августе 1948 г. Владыка Димитрий (Маган), как показыва-

ют документы, был невероятно смущен вопиющими и очень тяжелыми обвинениями одной группы прихожан в адрес старосты прихода М. Голубева. Последний, как показывает отчет ревизионной комиссии, не виновный в каких-либо растратах, не выдержал прессинга и подал председателю приходского совета владыке Димитрию прошение об отставке. Владыка отставку принял, так как на тот момент это было единственное решение проблем внутриприходских споров и распрей. 28 сентября 1948 г. епархиальный архиерей, митрополит Берлинский и Германский Серафим, который был уже в курсе лагерных дел, издал указ:

«№ 488 Протоиерею В. Бощановскому
№ 489 Л.И. Говорухину

Определением Преосвященного Серафима, Митрополита Берлинского и Германского от 24 сентября 1948 г. постановлено: Принимая во внимание, что церковный староста Св.-Архангело-Михайловской церкви в лагере Шляйсгайм Голубев оставил должность старосты при сей церкви, и созыв общеприходского собрания в настоящее время по тактическим соображениям нецелесообразен, временно исполняющим обязанности церковного старосты при Св.-Арх.-Михайловской церкви в лагере Шляйсгайм назначить Леонида Илиодоровича Говорухина, с освобождением его от должности церковного старосты при гимназической церкви означенного лагеря. О сем сообщается вам для сведения.

Митрополит Берлинский и Германский
Серафим» [21].

Важной проблемой к 1948 г. стало признание американскими оккупационными властями главных русских православных праздников и соответственно права жителей лагеря Шляйсгайм не работать в эти особо почитаемые Церковью дни.

2 февраля 1948 г. приходской совет Архангело-Михайловского храма в лагере Шляйсгайм обратился к епархиальному архиерею, митрополиту Серафиму со следующим прошением:

«Православное население нашего лагеря, как и иных лагерей, празднует католические и государственные праздники, а в свои великие православные праздники вынуждено работать в лагерях и вне их. Такое отношение к религиозно-нравственным запросам военных беженцев крайне деморализующе действует на их психологию, особенно молодых людей и детей. Никакими соображениями нельзя оправ-

дывать такого положения, тем более что и на нашей родине, в стране красного тоталитаризма, существует подобная система и практика.

Поэтому Приходской совет убедительнейше просит Ваше Высокопреосвященство возбудить ходатайство перед соответствующими властями о разрешении в лагерях с православным населением праздновать православные великие и чтимые праздники и тем восстановить поруганное право свободно исповедовать свою религию.

Председатель совета Архиепископ Пантелеимон
Секретарь Е. Комаревич» [22].

В ответ на поданное прошение митрополит Серафим поручил владыке Пантелеимону составить список праздников не только на русском, но и на английском языках. В результате появился документ «Список религиозных праздников, особо чтимых православными христианами», который включал:

«Январь 7 и 8 (25–26 декабря старого стиля) – Рождество Христово.

Январь 19 (6 ст. ст.) – Крещение Господне.

Февраль 15 (2 по ст. ст.) – Сретение Господне.

Апрель 7 (25 марта по ст. ст.) – Благовещение Пресвятой Богородицы.

… – Великий пяток (в 1948 г. он пришелся на 30 апреля. – *А. К.*).

… – 2-й день Пасхи (в 1948 г. 3 мая. Пасха праздновалась 2 мая и не упоминалась в списке, поскольку все равно приходилась на воскресенье. – *А. К.*).

… – Вознесение Господне (пришлось на 10 июня. – *А. К.*).

Май-июнь – 2-й день Святой Троицы (т. е. День Святаго Духа, а Троица 20 июня, тоже пришлась на воскресенье, обычный для Германии выходной день – *А. К.*).

Июль 12 (29 по ст. ст.) – Апостолов Петра и Павла.

Август 19 (6 по ст. ст.) – Преображение Господне.

Август 28 (15 по ст. ст.) – Успение Пресвятой Богородицы.

Сентябрь 11 (29 августа по ст. ст.) – Усекновение главы св. Иоанна Крестителя.

Сентябрь 21 (8 сентября по ст. ст.) — Рождество Пресвятой Богородицы.

Сентябрь 27 (14 сентября по ст. ст.) – Воздвижение Креста Господня.

Октябрь 14 (1 октября по ст. ст.) – Покров Пресвятой Богородицы.

Декабрь 4 (21 ноября по ст. ст.) – Введение во храм Пресвятой Богородицы.

Декабрь 19 (6 декабря по ст. ст.) – св. Николая Мир Ликийского.

И, кроме того, храмовые праздники, как, например, для лагеря Шляйсгайм:

Ноябрь 21 (8 ноября по ст. ст.) – Храмовый праздник Архистратига Михаила» [23].

Несмотря на многочисленные трудности, большой лагерный храм и его духовенство надежно выполняли свои функции. Большие праздники, вспоминал Павел Андреевич Уртьев, в особенности Рождество Христово и Пасха с крестным ходом, приезд архиереев, митрополита Анастасия и митрополита Серафима, посещение Курско-Коренной иконой Божией Матери лагеря оставляли неизгладимое впечатление на беженцев, главным образом на молодежь и детей. Храм, как уверяют бывшие жители Шляйсгайма, имел колокольню, сооруженную из железнодорожных рельс. На Пасху шел колокольный звон круглый день. Разрешалось звонить любому, и дети, как и взрослые, этим пользовались. Новорожденных младенцев крестили в прямо храме Архистратига Михаила. Покойников хоронили на кладбище в соседнем поселке Фельдмохинг. Гроб обычно несли на плечах, все шли пешком, в том числе и батюшки, облаченные для отпевания. А лагерная жизнь текла своим порядком, утверждает П.А. Уртьев: «Были доктора, дантисты, пожарные, полиция. Был лагерный кинематограф, лагерная радиостанция, общая кухня, продуктовые центры, где каждую неделю выдавались продукты по карточкам. Лагерь жил своей жизнью, а церковь своей. Церковные службы были ежедневными, и я думаю, что в будние дни взрослые, не связанные работой, ходили в церковь, но в праздники лагерь продолжал работать своим порядком» [24].

Гимназическая церковь преподобного Иова Почаевского

Вторым храмом лагеря была гимназическая церковь преподобного Иова Почаевского. Это была церковь главным образом для учащейся молодежи и преподавателей гимназии. В самой гимназии обучалось около 300 воспитанников, по данным 1948 г. Настоятелем церкви, внутренний вид которой также помещен в приложениях, был маститый священник хиротонии периода Российской империи, участник прославления

преподобного Серафима Саровского 1903 г., протоиерей Василий Бощановский. По мере сил о. Василий вместе с другими преподавателями стремился привить детям православный образ жизни. Директором гимназии (Гимназия бесподданных, или Realgymnasium fur Staatenlose, или Stateless high school, München, Feldmoching, DP Lager, 87) был Борис Николаевич Сергеевский (1883–1976 гг.). Он участвовал в рядах Белого движения на Юге России. Полковник Генерального штаба Б.Н. Сергеевский преподавал в эмиграции, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в частности, на Белградском отделении Зарубежных Высших военно-научных курсов систематического изучения военного дела генерала Н.Н. Головина. Директор русской гимназии Белграда с 1943 г., он возобновил преподавание в Шляйсгайме. По свидетельствам бывших учащихся, директором гимназии Б.Н. Сергеевский стал только в 1947 г., а до этого он преподавал в гимназии в лагере «СС-казармы». В 1947 г. он переехал из этого лагеря в Большой Шляйсгайм и занял должность директора гимназии. Он эмигрировал из Германии в США в 1951 г. Там Б.Н. Сергеевский собрал значительный военно-исторический архив и написал мемуары, многочисленные статьи и труды по русской истории [25].

Об о. Василии Бощановском рассказывает соответствующая глава. После отъезда о. Василия в США настоятелем гимназической церкви и законоучителем в гимназии стал епископ Григорий (Боришкевич). Каких-то особенностей организации богослужений в гимназической церкви в документах архива обнаружено не было. Из воспоминаний Н. Лызловой-Корэн можно установить фамилии регентов хора гимназической церкви: Орлов, затем Владимир Руденко, а его сменил Юрий Григорьев [26]. П.А. Уртьев вспоминал о гимназической атмосфере: «Дух был сугубо духовно-патриотический. Все наши преподаватели были большие русские патриоты. Мой класс был очень дружный, и с некоторыми одноклассниками я до сих пор поддерживаю живую связь» [27].

Лидия Андреевна Фомина (в девичестве – Ступилова) попала в Шляйсгайм в 1948 году (ее семья переехала туда из лагеря Менхегоф) и также дает положительную оценку гимназии:

«Воспитывали нас примерно в таком духе: верить в Бога, любить и слушаться родителей, любить Россию и все русское, а также делать хотя бы одно хорошее дело в день, например, мы помогали (у нас даже очередь была установлена) старикам и немощным – никакой работой не гнушались по мере сил и возможностей. Мои родители ходили с нами и без нас всегда в церковь, ведь такая возможность появилась только в лагерях. Однажды девчонкой в Шляйсгайме я встретила одну

пару (старички, они гуляли, всегда поддерживая друг друга), я брякнула (была Пасха) «здравствуйте». Они мне, остановясь: «Девочка, сегодня надо здороваться «Христос Воскресе!». Вот это осталось на всю жизнь.

Священники жили вместе с нами в таких же бараках, и я уверена, что если больного или умирающего нужно было причастить или отслужить какую-нибудь требу, то в этом не было отказано ни ночью, ни днем. Церковь всегда была полна на службах, школьники все в обязательном порядке» [28].

Правда, в архиве Германской епархии отложились документы и о печальных событиях. Сохранилась папка материалов, названная архивистом «Переписка по делу конфликта прот. Василия Бощановского – настоятеля гимназической церкви лагеря Шляйсгайм – с архиепископом Пантелеимоном» [29]. Документы этой папки свидетельствуют о том, что у о. Василия установились сложные отношения даже не столько с владыкой Пантелеимоном, сколько с некоторыми из священников и причтом большого лагерного храма во имя Архистратига Михаила. Документы также сообщают о прямом подчинении о. Василия епархиальному архиерею, митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде), а не председателю приходского совета лагерного храма в сане епископа, будь то архиепископ Пантелеимон либо епископ Димитрий. Такой вид субординации, такое независимое поведение настоятеля гимназической церкви, видимо, вызывали множество вопросов, а враг рода человеческого плел из вопросов большие интриги, выливавшиеся в распри и конфликты.

Вышесказанное позволяет говорить о достаточно хорошо отлаженной организации жизни церковного прихода и прихода гимназической церкви в лагере Шляйсгайм. Однако паства жаждала пастырей. Паства была измучена военными лишениями и требовала духовной поддержки, и лагерное духовенство было включено епархиальной властью и лагерным епископом в постоянное духовное окормление. Вместе с тем тяжелая социально-экономическая ситуация в послевоенной Германии оказала негативное воздействие на материальное обеспечение духовенства и церковного причта двух лагерных храмов. Пестрый состав жителей лагеря, да и высокая общественно-политическая активность лагерников, порой искусственно делившая людей, в том числе и священников, на идеологические группировки, личная пристрастность занимавших определенные должности шляйсгаймовцев (тот священник «хороший», а тот «не наш») – все это породило и усилило

очень непростые, подчас конфликтные отношения не только в среде мирян, но и между духовенством, о чем сообщает интенсивная переписка между митрополитом Серафимом и лагерным приходом Шляйсгайма. Тем более высоким оказывается подвиг духовного окормления, который несли на своих раменах архиереи и священники русского лагеря Шляйсгайм в Баварии.

Примечания

1. Письмо Р.В. Полчанинова А.А. Корнилову. – 2002. 25 января. См. также: Auto-Atlas «Neues Deutschland» mit 27 siebenfarbigen Karten im Masstab 1:500 000, 82 Stadtdurchfahrtsplanen, einer Tafeln der Verkehrszeichen, einer Ubersichtskarte von Duetschland, einem Verzeichnis der Autobahnauffahrten und einem alphabetischen Verzeichnis aller in den Karten vorkommenden Namen. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1955.

2. Интервью А.А. Корнилова с И.Д. Корниенко. – Филадельфия (США). – 1997. – 19 октября.

3. Diesen Kriegsverlierern bluhte kein Wirtschaftswunder. Im Lager Frauenholz herrschten Armut und Kriminalitat // Münchner Merkur. – 08.09.2006. – № 207.

4. Десятилетие прихода «Всех Скорбящих Радость» в Филадельфии. Филадельфия, 1960. – С. 15.

5. Там же.

6. Штейн Э. Русская печать лагерей ДиПи. – Orange: Antiquary (USA), 1993.

7. Там же. В лагере часто бывал Георгий Митрофанович Моисеев, редактор военно-политического обзора «Белый листок» в Канаде, полковник Всевеликого Войска Донского, представитель первой эмиграции. Он вспоминал: «Шлейсгейм отлично знаю, сам проводил там много времени... там мы часто встречались для работы с молодежью. Был владыка Пантелеимон, которого все любили и уважали за его патриотизм... В Шлейсгейме (около 3 тысяч жителей одно время), были русские школы, театр, устраивались концерты, лекции, доклады. Культурный уровень был высокого качества. Большинство «дипиошек» было из Югославии. Бывали выборы в администрацию, были летучки, выступления. Все как «у взрослых». Потом американцы спохватились, что эти «дипиошки» совсем не простая масса остарбайтеров, высококвалифицированная прослойка интеллигентов. Академики, инженеры, профессура, врачи, научные работники. Иногда я оставался в лагере с друзьями на ночь – брал под вечер гармонь, надевал казачий мундир, и мы всей ватагой ходили по лагерю и пели все военные песни, начиная с «Одинокой гармони», «За далекой, за Нарвской заставой» и другие, «Соловьи», «Темная ночь» и т.д. См.: Письмо Г.М. Моисеева А.А. Корнилову. – 29.01.2002.

8. Александров К., инструктор ОРЮР. Борис Борисович Мартино (к 35-летию смерти) // Новый часовой. – 1998. – № 6–7. – С. 392.

9. Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР). 1947–1962. – Мюнхен, 1962. – С. 23–24.

10. Письмо С.С. Вороницына А.А. Корнилову. – Мюнхен. – 2007. – 21 сентября.

11. Die russische orthodoxe Kirche zu Ehren des Erzengels Michael in München-Ludwigsfeld. – Munchen, 2003. – S. 4–5.

12. Епископ Митрофан (Зноско). Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения. IX.1935–IX.1995. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1995. – С. 148.

13. Сабурова И.Е. О нас. – Мюнхен, 1972. – С. 24, 115–116.

14. Елагин И. Беженская поэма // Архив И.И. Редько.

15. Савостина-Азлинг И. Что такое Шляйсгайм? (сокращенная версия) // Русская жизнь. – Сан-Франциско. – 1995. – 1 апреля.

16. Распоряжения Высокопреосвященнейшего Венедикта, архиепископа Берлинского и Германского. – Мюнхен. – 1950. – 11/24 сентября. – С. 3 // Архив Германской епархии РПЦЗ. Коробка «Распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, Митрополита Берлинского и Германского и Среднеевропейского митрополичьего округа».

17. Лызлова-Корэн Н. Страницы воспоминаний. Стихотворения. Рассказ. – Ворминстер: изд. авт., 2007. – С. 56.

18. Преосвященный Димитрий официально вступил в управление лагерным приходом в лагере Шляйсгайм 9 июня 1948 г. См.: Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Серафиму Митрополиту Берлинскому и Германскому Докладная записка приходского совета. Лагерь Шляйсгайм. – Б.д. // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Ф. 24. – Д. 3. Мюнхен–Шляйсгайм. – Рапорты и доклады епископа Димитрия и протоиерея Тихона Мышевского, старосты Михаила Голубева в епархиальное управление.

19. О займах сообщается в целом ряде документов. См., например, рукописный документ: Староста православного храма Архистратига Св. Михаила в лагере Шляйсгайм Михаил Голубев Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Серафиму Митрополиту Берлинскому и Германскому. 12.VIII.1948. Л. Шляйсгайм. Барак 112, комн. 11 // Там же. М. Голубев сообщает о займе, взятом из кассы Центрального представительства российской эмиграции на американскую зону. О займе см. также документ о бурном обсуждении вопроса: Протокол № 108 заседания приходского совета Архангело-Михайловского храма в русском лагере Шляйсгайме 7 августа 1948 г. // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Ф. 24. – Д. 3. Мюнхен–Шляйсгайм. – Протоколы заседаний Приходского совета Архангело-Михайловского храма 1948 г. Староста М. Голубев также писал владыке Серафиму, что причиной ревизионного расследования стала не экономическая деятельность старосты, а идеологические «придирки» со стороны обвинителей.

20. Заключительный протокол заседания ревизионной комиссии православного храма Архистратига Михаила в лагере Шляйсгайм, производившегося с 30.07 по 6.08.1948 г. – Шляйсгайм, 6.08.1948 // Архив Германской

епархии РПЦЗ. – Ф. 24. – Д. 3. Мюнхен–Шляйсгайм. Протоколы заседаний Приходского совета Архангело-Михайловского храма 1948 г.

21. Митрополит Берлинский и Германский Серафим протоиерею В. Бощановскому и Л.И. Говорухину. // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Ф. 24. – Д. 3. Мюнхен–Шляйсгайм. Рапорты и доклады епископа Димитрия и протоиерея Тихона Мышевского, старосты Михаила Голубева в епархиальное управление. – № 488, 489. – 28 сентября 1948 г. Вместо Л.И. Говорухина старостой гимназической церкви был назначен преподаватель гимназии и бывший псаломщик Владимир Семенович Грабовой – см.: Указ митрополита Серафима № 1150 от 19 ноября 1948 г., данный настоятелю гимназической церкви протоиерею Василию Бощановскому // Там же.

22. Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Серафиму Митрополиту Берлинскому и Германскому Приходского совета Архангело-Михайловского храма в лагере Шляйсгайме прошение от 2 февраля 1948 г. // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Ф. 24. – Д. 3. Мюнхен–Шляйсгайм. – Ходатайства американским властям о праздновании православных праздников.

23. Список религиозных праздников, особо чтимых православными христианами // Там же. Этот список был переведен на английский язык и передан в Главную Квартиру IRO (International Refugees Organization) и командованию американской армии.

24. Письмо П.А. Уртьева А.А. Корнилову. – Сан-Франциско. – 2009. – 4 января. Сам Павел Андреевич попал в Шляйсгайм только в конце 1948 г., к началу гимназического учебного года. В Шляйсгайме П.А. Уртьев проучился в 7 и 8-м классах, сдал матуру и получил аттестат зрелости. До Шляйсгайма он жил в г. Мюнхене и учился в гимназии при Доме «Милосердный самарянин». В Шляйсгайме П.А. Уртьев читал и прислуживал в гимназической церкви, а по большим праздникам помогал на богослужениях в главном лагерном храме – исполнял обязанности иподиакона. Он также активно участвовал в скаутской жизни. В Соединенных Штатах Павел Андреевич получил прекрасное образование и получил степень доктора инженерных наук.

25. Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биогр. словарь / Под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. – Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); СПб. (Россия), 2005. – С. 457.

26. Лызлова-Корэн Н. Страницы воспоминаний. – С. 62.

27. Письмо П.А. Уртьева А.А. Корнилову. – Сан-Франциско. – 2009. – 4 января.

28. Письмо Л.А. Фоминой А.А. Корнилову. – Оттенхофен. – 2010. – 19 февраля.

29. См.: архив Германской епархии РПЦЗ. – Ф. 24. – Д. 3. Мюнхен–Шляйсгайм. Переписка по делу конфликта прот. Василия Бощановского – настоятеля гимназической церкви лагеря Шляйсгайм – с архиепископом Пантелеимоном.

ГЛАВА 2
АРХИПАСТЫРИ ШЛЯЙСГАЙМА

Архипастырь – то же, что архиерей, начальник иереев, называемых пастырями словесных овец, – вообще эпитет, приуроченный сану епископа. Так пишет магистр богословия, священник Григорий Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» за 1900 г. (с. 23). Мы можем сказать, таким образом, что архипастырь – это главный или первый пастырь словесных овец.

Как уже говорилось ранее, лагерь Шляйсгайм жил бурной, насыщенной русской жизнью во всех отношениях: политическом, творческом, молодежно-спортивном, издательском. Многочисленная паства имела и множество архипастырей и пастырей, которые трудились над воспитанием душ русских беженцев, в скором времени покинувших Германию и выехавших в различные страны Европы, Африки, а главным образом Западного полушария. Прихожане филадельфийского храма называют 3 митрополитов и 2 архиепископов, которые служили в лагере Шляйсгайм. Кто же они и какой вклад внесли в развитие церковной и вообще православной жизни лагеря?

Опираясь на различные материалы, имевшиеся в нашем распоряжении, мы пришли к выводу, что речь идет об архипастырях двух лагерей, Большого и Малого Шляйсгайма. Поскольку жизнь двух лагерей, расположенных друг близ друга, была взаимосвязана, следует проводить историческое исследование всего шляйсгаймского лагерного комплекса, то есть брать духовенство, в данном случае – архиереев, двух лагерей вкупе.

Изучив архивные документы, официальные сообщения изданий Русской Православной Церкви Заграницей, воспоминания эмигрантов, биографии архиереев РПЦЗ и Американской Православной Церкви, свидетельства эмигрантской прессы, мы полагаем, что в лагере Шляйсгайм служили или проживали следующие архипастыри:

Большой Шляйсгайм

1. Митрополит Анастасий (Грибановский), председатель Архиерейского Синода РПЦЗ.
2. Митрополит Серафим (Ляде), управляющий Германской епархии РПЦЗ.
3. Архиепископ Пантелеимон (Рудык), Украинская Православная Церковь.
4. Епископ Димитрий (Маган), Украинская Православная Церковь.
5. Епископ Григорий (Боришкевич), Белорусская Православная Церковь.

Малый Шляйсгайм

1. Митрополит Пантелеимон (Рожновский), Белорусская Православная Церковь.
2. Архиепископ Венедикт (Бобковский), член Архиерейского Синода РПЦЗ.

К перечисленным архиереям следует добавить епископа Александра (Ловчего), который периодически приезжал в Большой Шляйсгайм для сослужения на храмовый праздник, на день Архистратига Михаила.

Самым авторитетным и широко уважаемым архиереем являлся митрополит Анастасий, председатель Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви. Его биография – часть не только церковной, но и общероссийской истории XX века.

Митрополит Анастасий (Грибановский)

В миру – Александр Алексеевич Грибановский. Он родился на праздник Преображения Господня, 6 августа по ст. ст. 1873 г. в селе Братки Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, в семье священника. После Тамбовского духовного училища и духовной семинарии он с успехом окончил Московскую духовную академию (МДА). Ректором МДА тогда был архимандрит Антоний (Храповицкий), впоследствии митрополит и председатель Синода РПЦЗ. В 1898 г. Александр был пострижен епископом Тамбовским Александром в монашество с именем Анастасия в честь преподобного Ана-

стасия Синаита. Постриг состоялся в Тамбовском Казанско-Богородицком монастыре.

Преподобный Анастасий был игуменом Синайской горы после преподобного Иоанна Лествичника и брата его Георгия. Святой Анастасий был монахом великого благочестия, о чем, в частности, свидетельствуют его собственные слова: «Видевшие Христа во плоти считали Его за пророка; но мы, хотя и не видали Его телесными очами, тем не менее с ранних лет, будучи еще младенцами и отроками, всегда признавали Его за Бога, всесильного Владыку, Создателя веков и научились исповедывать Его, как сияние славы Отчей. Святое же Его Евангелие мы выслушиваем с такой любовью, как будто видим перед собой Самого обращающегося к нам Христа; принимая же непорочную жемчужину пречистого тела Его, веруем, что принимаем Самого Христа. А когда видим на иконе только лишь изображение Его, то поклоняемся, припадаем и почитаем Его, как бы видя Его Самого, взирающего на нас с небес» [1]. Во всей своей монашеской и архиерейской жизни владыка Анастасий стремился подражать горячей вере своего небесного покровителя.

Тогда же, в апреле 1898 г., он был посвящен в сан иеродиакона и вскоре – во иеромонаха. Занимал должность помощника инспектора в МДА. В 1900 г. назначен инспектором Вифанской духовной семинарии близ Троице-Сергиевой лавры. В июле 1901 г. стал ректором Московской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита.

Епископская хиротония в сан епископа Серпуховского, викария Московской епархии, состоялась на праздник первоверховных апостолов Петра и Павла 1906 г. в Московском Успенском соборе. В годы Первой мировой войны владыка Анастасий служил на Холмской кафедре, Кишиневской кафедре. В 1916 г. был возведен в сан архиепископа. Интересно отметить, что владыка часто посещал русские воинские части на румынском фронте.

Митрополит Анастасий – участник Поместного Собора РПЦ 1917–1918 гг. Он состоял председателем хозяйственного отдела Собора. Он также был кандидатом в Патриархи и получил 77 голосов из общего числа 309. В марте 1918 г. архиепископ был награжден правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Он был избран членом Священного Синода и членом Высшего Церковного Совета. Затем, в годы Гражданской войны, владыка оказался на юге России, по благословению Святейшего Патриарха Тихона пытался наладить из Одессы свя-

зи с православными общинами Бессарабии. Последовала эмиграция в Константинополь.

В ноябре 1921 г. принял участие в Первом Русском Всезаграничном Церковном Соборе, состоявшемся в Сремских Карловцах (Королевство сербов, хорватов и словенцев). С 1924 по 1934 г. управлял делами Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, благодаря чему очень хорошо узнал православный Восток. В 1935 г. был возведен в сан митрополита. После кончины в 1936 г. митрополита Антония (Храповицкого) митрополит Анастасий был избран собором архиереев на пост председателя Архиерейского Синода и Собора РПЦЗ.

Новый Первоиерарх разделил РПЦЗ на 4 митрополичьих округа – Ближневосточный, Дальневосточный, Западноевропейский и Североамериканский. Позднее, в годы Второй мировой войны, был создан пятый округ – Среднеевропейский, который возглавил часто служивший в Шляйсгайме митрополит Серафим (Ляде). В августе 1938 г. владыка Анастасий руководил работой Второго Всезарубежного Церковного Собора епископов, клириков и мирян. После этого Синод РПЦЗ переехал из Сремских Карловцев в Белград. В годы немецкой оккупации владыка поддерживал православных русских белградцев, разделял с ними все тяготы военной жизни. Он часто служил, в том числе под бомбежкой, в Свято-Троицкой церкви в Белграде, где находилась чудотворная Курско-Коренная икона Божией Матери – Одигитрия русского зарубежья.

Осенью 1944 г., в связи с приближением Красной Армии к Белграду, митрополит Анастасий, Архиерейский Синод и канцелярия эвакуировались из Белграда в Вену, затем в Карлсбад, а летом 1945 г. – в Мюнхен, где в то время собралось огромное число русских беженцев из разных стран Европы. В Мюнхене и его окрестностях образовалось 14 русских приходов, которые необходимо было окормлять. Нужны были хиротонии. Так, летом 1945 г. митрополит Анастасий и митрополит Серафим (Ляде) совершили хиротонию архимандрита Александра (Ловчего) во епископа Киссингенского, викария Германской епархии.

В сентябре 1945 г. владыка выехал в Швейцарию, чтобы наладить прерванную войной связь с другими церковными центрами РПЦЗ. Там же он совершал хиротонии, в том числе епископские. Вместе с прибывшим из США епископом Детройтским Иеронимом митрополит Анастасий совершил две архиерейские хиротонии – архимандрита

Серафима (Иванова) во епископа Сантьягского и архимандрита Нафанаила (Львова) во епископа Брюссельского и Западноевропейского [2].

К Пасхе 1946 г. митрополит Анастасий возвратился в Мюнхен, где в течение следующих пяти лет находилась его резиденция. На Донауштрассе, дом 5, была оборудована Синодальная домовая церковь во имя святого равноапостольного князя Владимира. Само же помещение, где находилась церковь, стало местом проживания владыки митрополита. Каждый воскресный и праздничный день митрополит совершал богослужения, так же как он это делал в Белграде, и неизменно произносил проповеди [3]. Именно отсюда, из Мюнхена, владыка выезжал в многочисленные лагеря перемещенных лиц, ближайшим из которых был лагерь Шляйсгайм.

Проповеди главы РПЦЗ в период ДиПи – очень важное и примечательное явление. С одной стороны, проповедь за богослужением традиционна, постоянна, обязательна. С другой стороны, проповедь владыки Анастасия в этот период содержала оценку происходящего в церковной (РПЦЗ) и эмигрантской жизни, намечала основные направления деятельности зарубежного духовенства и мирян, объясняла смысл и предназначение русского зарубежья, русского православного рассеяния по странам всех континентов. В этом смысле речи и проповеди митрополита Анастасия были настоящим утешением, помогающим словом тысячам русских беженцев, переживших ужасы Второй мировой войны и трагические моменты выдач в СССР.

Прежде всего отметим, что митрополит Анастасий являлся живым свидетельством и участником строительства исторической России, и потому имел представление, какой должна быть будущая, освобожденная от власти партии большевиков православная Россия. «Считаю себя счастливым, – писал владыка в мае 1948 г., – что я видел нашу дорогую Родину в расцвете ее величия и могущества, коих она достигла к началу первой войны, после чего она пережила на наших глазах великое крушение, из которого не может восстать до сих пор. В постигшей ее судьбе я воочию увидел исполнение вечного исторического закона, утверждающегося на непреложном определении Божием: «правда возвышает язык (народ); умаляют племена грехи». Я видел время, когда процветали у нас дворы Господни, когда Церковь жила в мире и благоденствии, будучи оплотом для всего Православия; видел, как она увенчана была восстановленным патриаршеством и как, поруганная и униженная, стала потом гонимой странницей в собственной стране, терпя лютые гонения от безбожной власти» [4].

Владыка митрополит лично знал многих подвижников Церкви, и этот ни с чем несравнимый опыт вдохновлял его на ревностное служение Богу и яркую проповедь на далекой чужбине. «Радуюсь, – признавался владыка, – что мне суждено было встретить на своем жизненном пути многих достойных архипастырей и пастырей, на которых почивала еще печать древней Святой Руси, сиявшей особенно яркими лучами в пасхальном образе приснопамятного о. Иоанна Кронштадтского, а также многих доблестных священномучеников и мучеников, которые мужественно шли на смерть за свидетельство истины, и скорблю, что был свидетелем того, как во мраке революции родилась церковь лукавнующих пастырей, корчемствующих истиной и предававших своих братьев в руки врагов Христова Евангелия» [5]. Много полезных пастырских и жизненных уроков владыка почерпнул из общения с участниками Всероссийского Поместного Собора РПЦ 1917–1918 гг. и в течение 30 лет странствования по стогнам эмиграции.

Полезно будет здесь привести и другую характеристику митрополита Анастасия. Эту характеристику дал святой жизни человек, Божий угодник, архиепископ Шанхайский и Сан-францисский Иоанн (Максимович). Владыка Иоанн причислен Русской Зарубежной Церковью к лику святых в 1994 г. и широко почитается как в эмиграции, так и в Отечестве. Святитель Иоанн лично знал митрополита Анастасия и написал о нем в 1956 г. следующие слова:

«Родившийся на Преображенье Господне, он как бы самим днем рождения был призван к восхождению на высоту духовную... Глубокое благочестие, ученость, красноречие, всесторонняя деятельность и чуткость в обхождении с каждым привлекли к нему внимание как церковной власти, так и паствы первопрестольной Москвы... Архиепископ Анастасий после крушения Добровольческих военных сил покинул Россию. С тех пор он делит с русскими изгнанниками их скорби и беды, не отделяясь сердцем, помыслами и всеми действиями от страждущего Отечества и с ним страждущей и гонимой Русской Церкви, одновременно являя свою ревность о распространении и укреплении православия во всем мире». Святитель Иоанн, которого невозможно заподозрить в какой-либо лести или человекоугодии, прямо написал о поведении митрополита в период существования лагерей перемещенных лиц: «В скорбные дни российских беженцев, когда их выдавали на расправу власти, от которой они спасались, он явился их утешителем и защитником, делая все возможное для их сохранения, лично посещая и духовно укрепляя их» [6].

Все вышеназванные обстоятельства придавали особую силу проповедям митрополита, и он твердо ощущал свое призвание вести зарубежный корабль по волнам лукавого житейского моря.

Обращаясь к братьям и сестрам по изгнанию, владыка Анастасий начинал с самооценки и покаяния. Так, в Рождественском послании 1948 г. он писал:

«Медленно и томительно тянутся дни нашего изгнания. Утомленные и чуждые всем странники, вместе с нуждой и лишениями принужденные часто пить чашу незаслуженного нравственного унижения, мы ищем места отдыха и покоя. «Ты развеял нас веялом за ворота земли», – готовы мы жаловаться Богу вместе с пророком. «Ты рассеял нас по всем народам до края земли, но и между ними мы не успокоились, и нет покоя для ноги нашей» (Иер. XV, 7). Преследуемые на чужбине теми же злыми силами, какие заставили покинуть Отечество, русские изгнанники действительно стремятся удалиться от них как бы «за ворота земли», в те неведомые им заокеанские страны, где они надеются найти для себя если не полный покой, то, по крайней мере, безопасное убежище». Ссылаясь на пример Святого Семейства, бежавшего от рук Ирода в Египет, митрополит указывал: «Нам не запрещено спасаться от опасности, откуда бы она ни исходила, и особенно от рук жестоких гонителей, преследующих нас без всякой вины с нашей стороны». Выход из угнетенного положения митрополит Анастасий видел в покаянии: «Если мы покаемся и обратимся к Богу всем сердцем, Он Сам обратит к нам Свое лице. Преклоненный нашими молитвами и нашими скорбями, Он сжалится над нами и наречет, наконец, для нас лето приятно, исполненное мира и отрады, ибо могущество Его неизреченно, любовь Его неистощима и правда Его пребывает вовеки» [7].

Кто повинен в этих бедствиях, задавал вопрос митрополит Анастасий в Рождественском послании 1950 г. Покаяние владыки достигло в этом послании убедительной силы:

«Мы сами «своенравной властью» вызвали зло из темной бездны и не можем уже связать его. Мы все отравлены плодами древа познания добра и зла, к которому не престаем протягивать дерзновенную руку. Страшный искусительный голос: «будете яко бози, ведающие доброе и лукавое» – не престает звучать в нашей душе.

Мы утратили детскую простоту пастырей и не приобрели глубокой мудрости ученых волхвов, приведшей их к Спасителю мира, в Котором одном заключается источник жизни и счастья для всего человече-

ства. Стоя на краю бездны, мы легкомысленно, подобно неразумным детям, закрываем глаза перед опасностью или стараемся заглушить тревогу сердца шумными удовольствиями, которые мгновенно могут рассеяться, как призрак» [8].

В условиях материальной нужды, лишений, духовного голода, постоянной угрозы выдачи в Советский Союз русская эмиграция пыталась осмыслить свою роль, свое предназначение в странах обитания. Эта роль вмещала широту мысли и деятельности – от элементарного выживания, бытоустройства и организации церковной и общественно-политической работы до высоких форм самоорганизации и благотворного влияния на окружающий православный мир и коммунистическую Россию.

Предназначение послевоенной эмиграции – постоянная тема мюнхенских проповедей владыки Анастасия. Он размышляет о том, где, в какой деятельности лучше всего найти оправдание русской эмиграции. Для верующего русского человека, конечно, все события происходят по благому промыслу Божьему. Наблюдая за отбытием сотен русских перемещенных лиц из Германии, Австрии, Бельгии и других западноевропейских стран за океан, митрополит Анастасий все более приходил к мысли, что Провидение посылает эмиграцию во все концы земли. В Рождественском послании 1948 г. владыка убежден: «Мы посланы Провидением в разные и часто самые отдаленные концы земли для того, чтобы не только сохранить сокровище нашей православной культуры, но и разнести ее семена повсюду, где она оставалась неведомой до сих пор. Если такая миссия действительно указана нам Промыслителем мира, то она возлагает на нас сугубую ответственность».

Со смирением обозревает владыка эту высокую задачу. Эмигранты должны не только провозглашать истины православия, но и явиться примером для подражания, вести достойный образ жизни. «Всюду, где бы мы ни находились, – писал Председатель Архиерейского Синода РПЦЗ, – мы должны показать себя верными сынами своей Церкви, бывшей искони Матерью-воспитательницей нашего народа, хранителями не буквы только, а духа православия, людьми честными, трудолюбивыми и миролюбивыми, исполненными не только хороших чувств и добрых намерений, но имеющими крепкую волю для того, чтобы осуществлять их самым делом жизни. Сверх этих качеств, мы должны обладать духовным трезвением, т. е. иметь дар трезвого здра-

вого рассуждения, без которого самая добродетель часто теряет свою цену или обращается в свою противоположность» [9].

Поистине в этих проникновенных словах мы видим и призыв, и завет святителя всей послевоенной русской эмиграции, оправдание и действительное предназначение многотысячного православного русского зарубежья.

Свои рассуждения о цели эмиграции митрополит развивает в другой сфере – политической деятельности. В Пасхальном послании 1949 г. владыка достаточно реалистично оценивал современное ему международное антикоммунистическое движение. Это движение не могло ни уничтожить коммунизм, ни тем более освободить Россию от власти большевиков, поскольку оно «бессильно искоренить его (коммунизм. – *А. К.*) из человеческой души, куда нельзя проникнуть не только с каким-нибудь вещественным оружием, но часто даже и словом разумного убеждения». У православной эмиграции «есть только одна истинная победа, победившая и побеждающая мир, вера наша, утверждающаяся на Воскресении Христовом из мертвых. Поэтому Церковь не перестает хвалиться Крестом и Воскресением Христовым, в коих она почерпает свою несокрушимую силу в борьбе с сатанинскими силами». Эмиграция призывалась не столько к военной или политической победе над коммунистическим противником, сколько к победе духовной, к преодолению собственных недугов и страстей силой Креста и Воскресения Христова, к сохранению Пасхальной благодати, ибо Пасха обнимает весь мир, снисходит в преисподняя земли, утешает самых последних жителей планеты. Благодать Воскресения, верил митрополит Анастасий, «проникает сквозь стены темниц и ту мрачную железную завесу, которой большевистская власть, всегда боящаяся света, хотела отделить от нас и от остального мира наших страждущих братий в России» [10].

Помимо опасности коммунистической идеологии для эмиграции, митрополит Анастасий указывал на другую угрозу – потерю самоидентичности, потерю «русскости». Живущий на чужбине, считал владыка, легко подвергается опасности утратить свой родной язык, свою национальную культуру и, что особенно печально, саму свою веру, образовавшую душу нашего народа и ведущую его к вечному спасению. Человек, растерявший достояние своих отцов на чужбине, уподобится блудному сыну и превратится в жалкого безродного скитальца, подобного растению, вырванному из почвы, которое легко вздымает и переносит проходящий ветер. В подобных условиях «Цер-

ковь одна только может быть нам верной наставницей и путеводительницей и собрать нас, сынов русского рассеяния, воедино, – убеждал соотечественников глава РПЦЗ. – Объединяйтесь же теснее вокруг нее как вашей общей Матери везде, куда ни приведет вас Господь. Да будет она первой духовной воспитательницей и для ваших юных детей. Если вы с колыбели будете приносить их в храм Божий и утвердите их сердце в правилах веры и благочестия, это будет самый драгоценный для них капитал, которым вы обогатите их на всю жизнь» [11].

Эмиграция будет жить и давать плод во благо время, потому что она сильна церковной правдой. «Мы сильны в своей немощи, – восклицал крепко веровавший митрополит РПЦЗ, – потому что имеем в руках своих непобедимое оружие веры и правды, пред которым ничтожна всякая сопротивная сила. Как драгоценное миро, мы храним в своих скудельных сердцах сокровища русской православной культуры… Нищие, мы обогащаем этим сокровищем других» [12].

Опытный архипастырь уже видел примеры горячей веры, открывшейся в душах послевоенных беженцев, жителей лагерей перемещенных лиц. Он говорил об этом для того, чтобы ободрить, поддержать сотни наших эмигрантов, путешествующих в неизвестные страны своего будущего проживания. Он вдохновенно говорил об этом, в частности, при вручении жезла новопоставленному епископу Женевскому Леонтию 11/24 сентября 1950 г. в Женеве: «Живя на чужбине и оглядываясь вокруг себя, мы со скорбью видим целые страны со старой христианской культурой, высушенные и опустошенные холодным безверием; но среди этой мертвой пустыни наш взор радуют полные жизни цветущие оазисы, представленные по преимуществу подрастающими поколениями. Бог оставил Себе и среди нашего родного русского юношества, не только воспитанного за границей, но и пришедшего к нам из подъяремной России, много чистых горящих душ, которые с радостным упованием взирают на Небо и сами влекутся к Нему, как растения к солнцу. Это явление нельзя назвать иначе как чудом. Оно утешает сердце пастыря, утверждая его веру в несокрушимую победную силу Церкви и живущей в ней благодати Христовой» [13].

Историк Русской Зарубежной Церкви, исследователь послевоенной русской эмиграции, читая проповеди владыки Анастасия, вероятно, сделает вывод о реалистичности заветов и планов, помещенных в эти проповеди. Многое из сказанного в Мюнхене, Женеве, Брюсселе, ла-

герях перемещенных лиц, сбылось и подтвердилось. Действительно, русская эмиграция выжила и расцвела благодаря прежде всего хорошо организованной церковной жизни. Церковь, ее храмы играли роль объединяющего эмигрантов центра – центра духовного и в значительной степени центра социальной поддержки. Действительно, эмиграция не потеряла главное свое сокровище – православную веру и культуру православия. Действительно, в лоне Церкви возросли глубоко верующие священнослужители и миряне. Действительно, главным своим сокровищем русские эмигранты делились с окружающим инославным миром. Некоторые представители этого инославного мира сподобились подвига за веру, так что о них молятся и к ним обращаются с мольбами во многих православных странах. Назовем здесь о. Серафима (Роуза) и мученика брата Иосифа (Муньоса). И вот безверие в СССР сменилось периодом глубокого покаяния и обращения к православной вере миллионов граждан новой России, и Русская Зарубежная Церковь, на наш взгляд, оказалась готовой к периоду возрождения. В ней сохранились вера, богослужения, кадры и представления об исторической России, в ней обрелись святые угодники.

Владыка Анастасий, безусловно, верил в становление новой православной России. Как многие подвижники Церкви советского периода, митрополит часто обращался к памяти новомучеников и исповедников, особенно почитая царя-мученика Николая II и Святейшего Патриарха Тихона. «Настанет день, – верил владыка, – когда, быть может, воздвигнутся храмы и в честь их самих, т. е. тех из них, кого сам Господь захочет прославить еще на земле. В веселии духа, с ликующими победными песнями в устах мы будем собираться в эти храмы в дни кончины наших страстотерпцев, как в дни наших других светлых торжественных праздников. И как на крови, пролитой первыми христианскими мучениками, утвердилась Церковь, так и на костях наших нынешних страстотерпцев утвердится вновь Святая Русь, чтобы служить Господу в преподобии и правде и возносить Ему хвалу, всегда победители нас творящему и дивному и славному во святых своих. Аминь» [14].

Как уже было сказано, митрополит Анастасий посещал и служил в лагере Шляйсгайм, ближайшем к Мюнхену. Он служил также и в Малом Шляйсгайме. Хроника визитов, отраженная на страницах журнала «Православная Русь» (Джорданвилль, США) и синодального журнала «Церковная жизнь» (Мюнхен), показывает, что приезды святителя в лагерь были крупным событием. Рассмотрим эти приезды по го-

дам, исходя, разумеется, из имеющихся в нашем распоряжении материалов.

1947 год. 8/21 ноября этого года, в праздник Архистратига Божьего Михаила, в Большом Шляйсгайме состоялось исключительное по своей торжественности богослужение. Лагерный храм был освящен в честь Архангела Михаила, так что на храмовый праздник прибыл сонм духовенства и стеклось множество мирян. Возглавил богослужение митрополит Анастасий, ему сослужили, по сообщениям прессы, еще один митрополит, «три архиерея» (епископы и/или архиепископы?) при 5 протодиаконах и диаконах, 16 священников. Владыка митрополит произнес вдохновенную проповедь о разделившемся в самом себе сатане и о неизбежной близкой гибели его. Молящиеся были потрясены огненными словами Первосвятителя, для многих эта проповедь звучала пророчески, сообщал репортер. Многие плакали. Полагаем, что для одних это «разделение в самом себе» означало безбожную власть в СССР и сатанинский, бесчеловечный режим Третьего рейха, которые столкнулись в мировом конфликте. Для других это «разделение», может быть, возвещало возникновение двух полюсов вражды – Востока и Запада.

На богослужении пели два архиерейских хора, каждый – почти по 50 певчих, молитвенный подъем был исключительный [15].

1948 год. 8/21 ноября Большой Шляйсгайм вновь торжественно отметил свой престольный праздник – день святого Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных. На торжество были приглашены Первосвященник Русской Зарубежной Церкви митрополит Анастасий с чудотворной Курско-Коренной иконой Божией Матери «Знамение» и епархиальный архиерей Германской епархии митрополит Серафим (Ляде). Около 9 часов утра владыка Анастасий прибыл в лагерь на автомобиле в сопровождении архимандрита Аверкия (Таушева), везя с собой великую святыню, Одигитрию русского зарубежья – чудотворную икону Божией Матери. Корреспондент «Православной Руси» и участник торжества сообщал: «Тысячная толпа обитателей лагеря собралась перед просторным храмом и встретила святыню крестным ходом с многочисленным духовенством во главе. Шпалерами стояли казаки в черкесках, соколы и скауты в форменной одежде. Святыня была принята на руки двумя митрофорными протоиереями в полном облачении и внесена в храм, после чего началась Божественная литургия. Литургию совершали три архиерея: митрополит Анастасий, митрополит Серафим и епископ Димитрий (настоя-

тель) лагерного храма в сослужении архимандритов Аверкия и Гермогена и 14 священников. Громадный барачный храм, по праздничному украшенный, был переполнен молящимися до отказа. Многие стояли снаружи...»

Праздник действительно оказался большим и торжественным. В течение пяти дней лагерное духовенство обносило святыню по всем жилищам, совершая в каждом бараке молебен. Исстрадавшиеся за годы войны, измученные послевоенной нуждой и нелегкой лагерной жизнью русские люди с любовью встречали святыню, святой образ Небесной Заступницы, Небесной Царицы, Предстательницы странствующих. Буквально каждая комната каждого барака была чисто прибрана, украшена зеленью, всюду горели свечи. Богомольцы встречали икону коленопреклоненно, проливая во время молебна горячие слезы о спасении страждущей России, русского народа и о самих себе [16].

Следует представлять, что значила и до сих пор значит Курская-Коренная икона Божией Матери «Знамение» для русской эмиграции, в особенности в период Второй мировой войны.

Курская-Коренная («Знамение») икона, ушедшая с белой эмиграцией после Гражданской войны, считается Одигитрией русского зарубежья. В годы Второй мировой войны через эту чудотворную икону Царица Небесная явила русским людям множество чудес.

В 1944 г. Белград, где проживала значительная часть послереволюционной эмиграции и находилась икона, подвергался сильным бомбардировкам. «Ковровые налеты» методично разрушали квартал за кварталом. Под развалинами гибли сербы и русские. Однако было замечено, что все три русских храма в Белграде, а также дома, куда приносилась для молебнов святая икона, от бомб не пострадали вообще или почти не пострадали. Один свидетель отмечал, что вся их улица была целиком разрушена, и сохранились только те два дома, в которых побывала икона.

Другой очевидец рассказывал, что буквально у самого их дома, где недавно побывала икона, упали три огромные бомбы, и ни одна не взорвалась. После этих случаев русские белградцы, а затем нередко и сербы, начали приглашать в свои дома Курско-Коренной образ Божией Матери. Наши батюшки переносили икону даже во время бомбежек. Чудеса продолжались.

Чудотворная икона своим постоянным местом пребывания имела русскую Троицкую церковь. Там ежедневно совершались богослужения во главе с высшим зарубежным духовенством. Нередко во время

служб происходили авианалеты, но богослужения не прекращались, и большинство прихожан церковь не покидали. «Необоримая Стена», Пресвятая Богородица не оставила молившихся к Ней русских страдальцев.

В связи с военными обстоятельствами духовенство и чудотворная икона оставили Белград 8 сентября 1944 г. и прибыли в Вену, где пробыли несколько месяцев. Вена подвергалась ужасным бомбардировкам. И вот в этом неправославном городе повторились чудеса, происходившие в Белграде. Царица Небесная, Надежда ненадеемых, сохраняла русских беженцев на всем их скорбном пути. Те квартиры, куда звали икону, и те люди, которые ее приглашали, оставались целыми и невредимыми, несмотря на то, что находились в центре обстрела.

Одна из свидетельниц вспоминала Божественную литургию в Вене. «Был пасмурный день. Шел снег. Несмотря на утро, было серо, как в сумерки. Но на душе у нас было легко и радостно: с нами Чудотворная икона, с нами наш любимый Первосвятитель» (митрополит РПЦЗ Анастасий. – *А. К.*).

«Глаза молящихся впиваются в потемневший от времени лик Владычицы. У обоих клиросов стоят толпы исповедывающихся. «Белые» беженцы (послереволюционная эмиграция. – *А.К.*) перемешались с «остами» (угнанные из СССР на принудительный труд в фашистскую Германию. – *А. К.*), находившимися на работах в Вене. Я думаю, что почти все, пришедшие в этот день в церковь, исповедались и приняли Святые Тайны».

Молившиеся в храме тихо перешептывались, надеясь, что в такой вьюжный день авианалета не будет. Однако внезапно завыли сирены, и очень скоро началась страшная бомбардировка.

«Далекий гул взрывов, – вспоминала наша соотечественница, – бомбили Флорисдорф, рабочую часть миллионного города – не прерывал литургии. Спокойно подавали возгласы Первосвятитель и священники. Торжественно пел хор. Даже самые пугливые и слабые духом не покидали церковь. С нами был Бог. Глаза всех с упованием взирали на икону и на кроткий лик владыки. Разрывы бомб приближались. Сотрясалась церковь, дребезжали стекла. У всех молящихся были торжественно спокойные лица. Люди принимали Святое Причастие, подходили приложиться к Чудотворной иконе и под благословение кроткого старца – владыки митрополита. Служба окончилась, и одновременно был дан отбой. В руках выходящих были иконки-копии Чудотворной нашей Заступницы и просфорки».

Вышедшие из храма увидели страшную картину. Рядом пылали дома. От сброшенных зажигательных бомб все кругом горело. Улицы были завалены битым стеклом. Горели все дома, расположенные справа, слева, спереди и сзади русского собора. В соборе же не выпало ни единого стеклышка [17].

Так Заступница, перефразируя тропарь иконе, низложила сопротивных ополчения и оказала душам русских страдальцев велию милость. Многих из тех богомольцев, кто спасся в Белграде и Вене в 1944–1945 гг., уже нет в живых. Судьба их сложилась по-разному: кто, может быть, оказался в СССР, а кто уехал в США или остался в центре Европы. Но все они до конца своей земной жизни не могли забыть милости, какую оказала им Божия Матерь.

Размышляя об уроках событий 1944–1945 гг., невольно переносишься мыслию на бомбы и взрывы 1999 г., столь безжалостно уничтожившие сотни человеческих жизней в русских городах. Чем занимались погибшие в роковой вечер и ночью, в которую внезапно призвал Господь их души? Один, может быть, читал вечернее правило, а другой наслаждался чтением душеполезной книги, третий мог творить блуд, а четвертый беспечно радовался получению неимоверной прибыли. Было страшно. После взрывов страна находилась в состоянии шока и растерянности. Власти, которым дан меч для наказания преступников, спешно вынимали его из ножен.

И вот смотрели на нас, в страхе прижавшихся друг к другу, русские «остовцы» и беженцы времен войны. Смотрели оттуда, где, веруем, несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, и просили нас: «Обратитесь к Божией Матери, Кто есть Гора каменная, Которую никто никогда не одолеет. Поднимите иконы Заступницы, совершите молебны, обнесите иконы крестным ходом вокруг дома, вокруг города, пригласите иконы Владычицы в свои квартиры, исповедывайтесь и причащайтесь. И тогда исполнятся на вас слова Псалмопевца: «Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста». И тогда меч властей будет точно поражать всех, кто посмеет приблизиться к вам».

И мы думаем так же, говоря: «Сии на колесницах, сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем». Никогда еще не оставляла Божия Матерь наш многострадальный народ, не оставит и ныне.

Теперь мы можем себе представлять, какую встречу и какое теплое, молитвенное отношение встречала Владычица, посещавшая лагерь Шляйсгайм через Свой чудотворный образ. В лагере икону

встречали те люди, которые обращались к ней все годы войны, кто просил о спасении от смерти.

1949 год. Репортаж о посещении в этом году митрополитом Анастасием лагеря Малый Шляйсгайм, расположенного недалеко от железнодорожной станции Фельдмохинг. 22 июля/4 августа в лагерную церковь к Божественной литургии прибыла великая русская святыня – чудотворная икона Божией Матери Курская-Коренная, а с ней Высокопреосвященнейший митрополит Анастасий. Его сопровождал настоятель синодальной (мюнхенской во имя святого князя Владимира) церкви архимандрит Аверкий. Святыня и митрополит были встречены крестным ходом, который возглавили проживавшие в лагере архипастыри Белорусской Православной Церкви митрополит Пантелеимон (Рожновский) и архиепископ Венедикт (Бобковский), член Архиерейского Синода РПЦЗ, и настоятель храма протоиерей о. Иосиф Гринкевич. Оставшуюся после литургии часть дня Чудотворную икону обносили по баракам с молебным пением [18].

По традиции 8/21 ноября митрополит Анастасий служил Божественную литургию в Большом Шляйсгайме. Это был храмовый праздник лагеря, день Архистратига Михаила. Курская-Коренная икона Божией Матери прибыла в лагерь накануне, ко всенощному бдению, в сопровождении настоятеля монастыря во имя преп. Иова Почаевского о. архимандрита Иова. Лагерный храм на литургии был переполнен молящимися. Митрополит Анастасий в сослужении с митрополитом Серафимом и епископами Григорием (Боришкевичем) и Александром (Ловчим) при громадном сонме сослужащего духовенства (два архимандрита, 16 протоиереев и иереев, 2 диакона) совершил Божественную литургию.

«Умилительное зрелище представляли собой первые ряды молящихся – типичные простые лица верующих русских людей, какие можно было видеть прежде в наших сельских церквах: настоящая Святая Русь! – сообщал о событии синодальный журнал «Церковная жизнь», издававшийся в Мюнхене. – С горящими бесхитростной пламенной верой глазами, слезами умиления и молитвенным восторгом простояли они всю эту продолжительную службу и прослушали поучительное слово Первосвятителя, ободрявшего их в их скорбной безрадостной лагерной жизни. После Божественной литургии перед чудотворной иконой был совершен при общем всенародном пении молебен Пресвятой Богородице и святому Архистратигу Михаилу» [19]. Религиозный подъем жителей лагеря оказался впечатляющим и про-

явился, в частности, в том, что чудотворная икона долгое время продвигалась от храма (аналоя) до автомобиля на улице лагеря – все молящиеся хотели приложиться к святыне. Невозможно было за один день обнести икону по баракам с молебнами, если учесть, что в лагере проживало тогда до 4800 человек.

1950 год. В Фомину неделю, 3/16 апреля, в 5 часов вечера, митрополит Анастасий в сопровождении архимандрита Аверкия и протоиерея Георгия Грабе посетил акт русской гимназии в Шляйсгайме – самой большой и самой благоустроенной беженской русской гимназии в Германии. На праздник прибыли также митрополиты Серафим и Пантелеимон, архиепископ Венедикт и епископ Григорий. Выпускников гимназии приветствовал своей назидательной речью митрополит Анастасий, раздавший им по книге Нового Завета на церковнославянском и русском языках. Были розданы аттестаты зрелости, премии и награды лучшим учащимся. Директор гимназии, полковник Генерального штаба императорской армии, Борис Николаевич Сергеевский сказал теплые слова в адрес выпускников [20]. К сожалению, наши эмигранты не оставили воспоминаний о гимназии Шляйсгайма, тогда как, например, о русской реальной гимназии Регенсбурга Аста Аристова (Терских) написала прекрасную, интересную и очень ценную книгу воспоминаний.

31 июля/13 августа Большой Шляйсгайм вновь посетила святыня русского зарубежья, чудотворная Курская-Коренная икона Божией Матери. В течение последующих трех дней лагерь прощался с дорогой святыней, такой родной помощницей, в связи с предстоящим отъездом иконы, митрополита Анастасия и Архиерейского Синода РПЦЗ из Германии в Соединенные Штаты Америки. Божественную литургию совершили митрополиты Анастасий и Серафим, архиепископ Венедикт в сослужении архимандрита Аверкия, игумена Георгия и 8 протоиереев и иереев при 3 диаконах. Заметим, что для владыки Серафима (Ляде) это была последняя литургия в лагере, через несколько недель он скончался. После литургии был отслужен молебен перед чудотворным образом Богоматери. После литургии состоялся также обед для всего духовенства и множества приглашенных с представителями лагерных властей. Вслед за трапезой состоялся крестный ход с иконой по всему лагерю [21].

Журнал Архиерейского Синода «Церковная жизнь», редакция которого также переезжала из Мюнхена в США, сообщал: «В течение целых четырех суток святая икона оставалась в лагере на попечении

архимандрита о. Аверкия. Утром и вечером перед ней служились в храме общие молебны при большом количестве молящихся, а в течение целого дня святыня обносилась духовенством по баракам с совершением кратких молебных пений в каждой квартире. Во время обнесения святыни ее сопровождала всегда многолюдная толпа молящихся, подлинно едиными усты и единым сердцем воспевавшая хвалу «Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим». Радость насельников лагеря была неописуема: чувствовалось праздничное настроение, какой-то совершенно исключительный подъем духа. «Прямо как будто Пасха», говорили многие» [22].

Не случайно владыка Анастасий упоминал «много чистых горячих душ» в своих проповедях. Он воочию видел и общался с горячо верующими эмигрантами в лагере Шляйсгайм. Безусловно, архиерейские богослужения в присутствии Заступницы Усердной оставляли неизгладимое впечатление на всех верующих шляйсгаймовцев. Владыка и сам воспринимал от лагерников дух постоянной горячей молитвы и обращения к Богу. Он верил, что, уехав за океан, беженцы будут продолжать славить Христа, давшего им избавление от смерти и голода. Поэтому владыка искренне призывал соотечественников в Пасхальном послании 1950 г.:

«Где бы Христов день ни застал нас – под небом знойной Африки, в широких просторах Северной и Южной Америки, в Европе, Азии, Австралии или в отдаленных островах, «сущих в море далече», будем везде освящать и благословлять его, сохраняя, по возможности, все дорогие нам символы и обряды Светлого Праздника… при свете Воскресения Христова нам не страшны никакие преследования наших противников и никакие стихийные бедствия и другие опасности, исходящие от видимых или невидимых врагов. – И далее в словах владыки звучит непреодолимая вера: – Пусть под нашими ногами колеблется земля и горы сходят в сердце морей, пусть смерть, попранная смертью Спасителя, снова пытается возвратить свою власть над миром, угрожая не только отдельным людям, не только городам и селам, но целым странам и народам и даже всей нашей планете. Воскресший Спаситель приобрел для нас такую полноту и богатство жизни, которой у нас отнять никто и ничто не может: она проходит в вечность» [23].

Вера творила чудеса, и с этой живой верой шляйсгаймовцы устремились из Германии в новые страны жительства. Митрополит Анастасий внес свою замечательную лепту в обретение и сохранение этой веры: его богослужения, его проповеди, его заботы по устройству и

переселению беженцев, его труды по оказанию социальной помощи спасли многих «перемещенных эмигрантов» от голода, отчаяния и направили на созидание православного образа жизни на чужбине.

Митрополит Серафим (Ляде)

Особое место в ряду архиереев периода ДиПи занимает митрополит Серафим (Ляде). Господь определил владыке служить и окормлять православных людей в Третьем рейхе и в германских лагерях перемещенных лиц вплоть до его кончины в 1950 г.

Известно, что будущий архиерей родился в 1883 г. в Лейпциге в лютеранской семье Оскара Ляде. Окончил реальную гимназию в Дрездене (1900 г.). В 1904 г. принял православие, а в следующем году поступил в богословские классы Санкт-Петербургской духовной семинарии. Нет данных, кто именно (духовное лицо или мирянин) способствовали его обращению в православную веру. По окончании семинарии был рукоположен архиепископом Волынским Антонием в сан диакона, а затем в сан иерея. В 1916 г. окончил Московскую духовную академию со званием кандидата богословия. Служил на приходах Харьковской епархии. В ряде учебных заведений преподавал Закон Божий, немецкий язык и литературу. В 1920 г. овдовел, в 1924 г. принял монашество и был возведен в сан архимандрита. В том же году хиротонисан во епископа Змиевского, так как был избран на эту должность Синодом Украинской Православной Церкви. В 1930 г. владыка, оставаясь немецким подданным, был уволен в заграничный отпуск, из которого он уже никогда не вернулся в Россию. Вполне вероятно, что отъезд епископа в Германию спас ему жизнь в период, когда в СССР катились кровавые волны репрессий против православного духовенства.

Вполне возможно, что какой-то период заштатный епископ Серафим не служил. Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви вскоре принял владыку в молитвенное общение. Об этом свидетельствует тот факт, что с 1931 по 1937 г. владыка управлял Австрийской епархией, а затем был переведен на Берлинскую кафедру. Очевидно, что правительство Гитлера благосклонно относилось к тому, чтобы именно немец возглавлял православные приходы и епархии в рейхе. Учитывая это, а также иные обстоятельства, Синод РПЦЗ возвел владыку Серафима в сан архиепископа (1939 г.), а в 1942-м – в сан митрополита с титулом Берлинского и Германского и Среднеевропейско-

го митрополичьего округа. В годы Второй мировой войны и в период ДиПи митрополит очень много сделал, чтобы организовать духовное окормление тысяч русских людей, оказавшихся в Германии: беженцев, остарбайтеров, эмигрантов и, вопреки нацистской политике, военнопленных. Митрополит уже после войны неоднократно посещал лагеря перемещенных лиц, оказывал им всяческую помощь [24].

Как мы видели, владыка часто сослужил с митрополитом Анастасием в лагере Шляйсгайм. Именно в Большом Шляйсгайме состоялось одно из событий, посвященных 40-летию служения в священном сане митрополита Серафима. Митрополит возглавил крестный ход, встречавший Курскую-Коренную икону Божией Матери 9 августа 1947 г., в день святого великомученика и целителя Пантелеимона. Литургию служил сонм 7 архиереев: митрополит Анастасий, митрополит Серафим, митрополит Пантелеимон, епископ Афанасий (Мартос), Димитрий (Маган), Феодор и Александр, в сослужении 2 архимандритов Аверкия и Димитрия, 16 протоиереев и священников при 6 протодиаконах. На два клироса пело поочередно два хора по 30 человек в каждом [25].

Пока в нашем распоряжении не оказалось проповедей и письменных трудов митрополита Серафима. Слова и проповеди могли бы существенно дополнить образ владыки, который положил много сил для поддержки, для спасения десятков тысяч русских людей, оторванных от Отечества в результате Второй мировой войны.

Архиепископ Пантелеимон (Рудык)

В миру Петр Рудык, родился 16 июня 1898 г. в селе Липовцы Львовской области Австро-Венгерской империи в крестьянской семье. Ребенком показал свою решительность и твердый характер. Это проявилось в том, что в возрасте десяти лет Петр перешел русско-австрийскую границу, чтобы поступить в начальную школу при Почаевской лавре. Первая мировая война перемещала не только войска и беженцев, но и монашествующих. В 1915 г. вместе с братией Почаевской лавры Петр уехал в Святогорский монастырь, поступив послушником.

Однако после революции и Гражданской войны он вновь возвратился в Почаевский монастырь, где был пострижен в монашество с именем Пантелеимон (1920 г.), а затем и в священный сан: 13 декабря 1920 г. – в сан иеродиакона, 26 июля 1922 г. – иеромонаха. Вплоть до Второй мировой войны о. Пантелеимон состоял в клире Польской

Православной Церкви. Он окончил православное отделение богословского факультета Варшавского университета. О. Пантелеимон служил как на приходах, так и в монастыре. Вот послужной список его назначений: настоятель Свято-Георгиевской церкви Львова, благочинных приходов во Львове и его окрестностях с возведением в сан игумена, настоятель Загаецкого монастыря с возведением в сан архимандрита, наместник Почаевской лавры (1933–1934 гг.), начальник монастырской школы при Почаевской лавре (1935–1941 гг.).

Как известно, в 1939 г. Западная Украина была присоединена к Советскому Союзу. О. Пантелеимон был принят в клир Московской Патриархии. Архиерейская хиротония его в сан епископа Львовского была совершена 16 марта 1941 г. в Москве. Хиротонию возглавил митрополит Сергий (Старгородский). В период немецкой оккупации владыка служил в Украинской Автономной Православной Церкви и к автокефалистам не примкнул. Возглавлявший Автономную Церковь архиепископ Алексий (Громадский) был убит в 1942 г., и владыка Пантелеимон временно возглавил Киевскую епархию (1942–1944 гг.). Затем последовал беженский путь на Запад, в Германию. В клир РПЦЗ владыка был принят в 1945 г., и вскоре после этого он проживал в лагере Шляйсгайм и руководил приходом святого Архистратига Михаила.

Как мы знаем из предыдущей главы, владыка Пантелеимон уехал из Шляйсгайма в 1948 г., он получил назначение в Аргентину с титулом Архиепископ Буэнос-айресский и Аргентинский. Два года владыка управлял этой южноамериканской епархией, но в 1950 г. был назначен в другое место концентрации православных беженцев, в Северную Африку. Его титул был – администратор приходов РПЦЗ в Северной Африке с местопребыванием в Тунисе. В 1952 г. архиепископ Пантелеимон был уволен на покой, но вновь был призван к церковному управлению в 1954 году, на кафедру Монреальскую и Восточно-Канадскую. Вновь уволен на покой в 1957 г., и в 1957 г. довольно неожиданно (мы не знаем мотивов его решения) перешел в юрисдикцию Московской патриархии. Там же, в Канаде, владыка Пантелеимон управлял Эдмонтонской и Канадской епархией РПЦ МП. Скончался бывший настоятель прихода Шляйсгайм в Эдмонтоне 2 октября 1968 г., о чем был напечатан некролог в «Журнале Московской патриархии» [26]. К сожалению, мы не нашли текстов обращений или, что более ценно, проповедей архиепископа Пантелеимона в лагере Шляйсгайм.

Епископ Димитрий (Маган)

В Большом Шляйсгайме жил епископ Димитрий (Маган), который называется в источниках настоятелем лагерного храма в честь Архистратига Михаила. В миру это был Евгений Митрофанович Маган. Он родился 25 июня 1899 г. в Чернигове. Окончил Черниговскую духовную семинарию. В городе Гродно 17 июня 1924 г. епископ Алексий постриг Евгения в монашество. 22 июня того же года рукоположен в сан иеродиакона, 20 июля – иеромонаха. С сентября 1924 г. служил священником в г. Калши. В 1927 г. назначен настоятелем прихода в г. Замх на Холмщине. С 1929 по 1931 г. – настоятель прихода в г. Быдгощ. Он также настоятельствовал в приходе местечка Новый Почаев при Почаевской лавре. Важным этапом в его духовной и монашеской биографии стало руководство Свято-Успенским Жировицким монастырем Слонимского уезда (1935–1937 гг.).

25 ноября 1941 г. Собор епископов Украинской Автономной Православной Церкви (УАПЦ) избрал архимандрита Димитрия во епископа Новогрудского, викария Черниговской епархии. Хиротония же состоялась только 11 июня 1942 г. Так, в нелегких условиях немецкой оккупации владыка окормлял сотни православных людей. Он затем служил первым викарием Волынской епархии как епископ Ровенский. В августе 1942 г. Собор епископов УАПЦ назначил владыку правящим архиереем Екатеринославской епархии с титулом Екатеринославский и Мелитопольский. В декабре 1942 г. Собор епископов переменил его титул на епископ Екатеринославский и Запорожский. С января до 21 сентября 1943 г., дня эвакуации, управлял Донецкой епархией. Собор епископов избрал владыку секретарем Собора епископов и Правителем дел Синода Украины [27].

После войны владыка оказался в Баварии, жил и служил в лагере Большой Шляйсгайм до 1949 г., затем эмигрировал в США и служил в юрисдикции Американской митрополии. О периоде служения владыки в лагере рассказывают архивные документы, которые мы привели в первой главе. По свидетельству бывших жителей Шляйсгайма, с которыми беседовал автор, владыку очень любили «за его эрудицию, дар слова, красивую архиерейскую службу, за его прекрасное знание православия» [28]. Иподиакон Григорий Иванович Ярый, который находился при владыке с 1938 г., вспоминал: «Годы беженства не были сладкими. Сопастыри все еще жили какими-то идеями «местничест-

ва», люди, не попробовавшие во всей полноте «вкуса» войны, слабо разбирались в сложности проблемы беженства. В послевоенной Германии владыке вновь пришлось окормлять православное население лагеря, по количеству равное населению небольшого города (имеется в виду лагерь Шляйсгайм. – *А. К.*). Неопределенность судьбы приблизила людей к Богу, и понадобилась личность Владыки с его качествами доброты и искренности, чтобы суметь направить чувства людей в правильное русло» [29].

Находясь уже в США, в штате Американской митрополии в сане архиепископа, владыка Димитрий держался как-то особняком. По словам хорошо знавшего владыку Бориса Михайловича Рыбалка, тот сознательно отвергал английский язык как средство общения и тем более как язык церковной службы. Владыка, оставаясь по духу русским архиереем, постепенно отошел от участия в заседаниях Синода митрополии, купил домик близ Владимирского храма в Фарма РООВА (Русское объединенное общество в Америке), штат Нью-Джерси, и молитвенно жил там. «Огромное число писем поступало к нему с вопросами, с просьбой дать совет, за помощью, – вспоминал Б. Рыбалка. – Я с ним часто беседовал. Архиепископ говорил: «Я никому не могу отказать, всем отвечаю» [30]. К сожалению, более или менее полная история жизни архиепископа Димитрия (Магана) до сих пор не написана ни в документальном жанре, ни в жанре описания или комментария.

Епископ Григорий (Боришкевич)

После отъезда о. Василия Бощановского осенью 1949 г. в США настоятелем гимназической церкви преподобного Иова Почаевского в Шляйсгайме стал епископ Белорусской Автономной Православной Церкви Григорий (Боришкевич). Это был опытный священнослужитель, прошедший тяжелые испытания войны и беженства.

В миру Георгий Иоаннович Боришкевич, будущий владыка родился 18 апреля 1889 г. в городке Межиринске Ровенского района на Волыни. В 1910 г. окончил Волынскую епархиальную семинарию, в 1914 г. – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. После женитьбы на Ангелине Васильевне Загоровской был возведен 30 января 1916 г. епископом Владимиро-Волынским Фаддеем в сан диакона, а 2 февраля 1916 г. архиепископом Житомирско-

Волынским Евлогием (Георгиевским) – в сан пресвитера. В феврале 1920 г. о. Георгий был назначен настоятелем церкви св. Иоанна Богослова в Борисовичах. Одновременно он преподавал в епархиальных учебных заведениях. В 1920 г. Бог посетил молодого священника скорбью: внезапно скончалась его молодая супруга.

Вдовый священник оказался под другой юрисдикцией. Житомирско-Волынская кафедра после Гражданской войны оказалась в составе независимой Польши. Православные приходы попали под юрисдикцию автокефальной Польской Православной Церкви. В 1927 г. отец Георгий назначен настоятелем Владимиро-Волынского собора, в 1932 г. – Кременецкого собора, в 1939 г. – настоятелем Покровского собора в Гродно.

В 1942 г. архиепископ Гродненский Венедикт рекомендовал митрофорного протоиерея Георгия Боришкевича кандидатом в епископы. В октябре 1943 г. в Вене архимандрит Григорий, постриженный в монашество еще в 1942 г., был возведен в сан епископа Гомельского и Мозырского Белорусской Автономной Церкви. В хиротонии епископа Григория приняли участие митрополит РПЦЗ Анастасий (Грибановский), митрополит Парижский Серафим (Лукьянов), митрополит Берлинский Серафим (Ляде), архиепископ Гродненский и Белостокский Венедикт, епископ Венский Василий (Павловский), епископ Пражский Сергий (Королев) и епископ Потсдамский Филипп (Гарднер).

С приближением Красной Армии к Белоруссии весь епископат Белорусской Церкви в июне 1944 г. эвакуировался на Запад. В Германии архиереи Белоруссии окормляли беженцев вместе с РПЦЗ. В 1946 г. белорусский епископат, за некоторыми исключениями, присоединился к РПЦЗ. После этого присоединения владыка Григорий служил викарным епископом Бамбергским Берлинской и Германской епархии. Одновременно владыка окормлял жителей лагеря Шляйсгайм (Фельдмохинг) на должности настоятеля гимназической церкви преп. Иова Почаевского. С 1950 г. он стал членом Архиерейского Синода РПЦЗ. В 1952 г. был возведен в сан архиепископа. В 1947 г. назначен на Монреальскую и Восточно-Канадскую кафедру, в 1954 г. – на вновь образованную Чикагско-Кливлендскую кафедру.

В период своего управления кафедрой владыка основал и освятил несколько приходов в разных штатах: в Денвере, штат Колорадо, Кливленде, Гошене, Форт-Вэйне, штат Индиана. Владыка помог также епископу Иоанну Урмийскому, архиерею перешедших в правосла-

вие несториан, поселиться на покой в Ново-Дивеевском монастыре. В 1957 г. Детройтская и Флинтская епархия, состоявшая всего из четырех приходов, была присоединена к Чикагской епархии. Архиепископ Григорий получил титул Чикагский, Детройтский и Среднеамериканский. В том же году обнаружился рак у владыки.

13/26 октября 1957 г. архиепископ Григорий скончался в Чикаго. Он был погребен на монастырском кладбище за алтарем Свято-Троицкого собора в Джорданвилле [31].

В лагере Малый Шляйсгайм, как уже было сказано, проживали два архиерея. Оба они на большие праздники по мере сил приходили на богослужения в Большой Шляйсгайм. Многие жители лагеря видели, как митрополит Пантелеимон и архиепископ Венедикт пешком, как паломники, направляются в храм Архистратига Михаила. Обычно их сопровождали иподиаконы и близкие им миряне, иногда священники. Фотоприложения к книге как раз показывают один из эпизодов пешего прихода двух архиереев в Большой Шляйсгайм.

Митрополит Пантелеимон (Рожновский)

В лагере Малый Шляйсгайм проживал и служил митрополит Пантелеимон (Рожновский). Это был заслуженный и авторитетный архипастырь, имевший за плечами богатый опыт борьбы за православие в условиях польской и немецко-фашистской оккупации.

Будущий владыка – в миру Павел Рожновский – родился 21 октября 1867 г. в Костроме в дворянской семье. Отец был поляком, католиком, мать – русской, православной. Павел окончил реальное и военно-техническое училища. Затем он учился на миссионерских курсах при Казанской духовной академии, по завершении которых принял монашество с именем Пантелеимон. Служил архимандритом Витебского Свято-Троицкого монастыря. В 1913 г. хиротонисан во епископа Двинского, викария Витебской епархии. Как и владыка Анастасий, он принимал участие в Поместном Соборе Церкви 1917–1918 гг. Известно, что в 1921 г. патриарх Тихон назначил епископа Пантелеимона правящим Пинско-Новогрудской епархии, находившейся тогда уже в составе независимой Польши. Польское правительство репрессировало епископа за его твердое стояние в православии и за отказ подчиниться «Временным правилам для Православной Церкви в Польше». Под надзором полиции, фактически заточенный в монастырь, владыка

провел в общей сложности 18 лет. В связи с разгромом Польши и началом советско-германской войны архиепископ Пантелеимон (этого сана он удостоился еще при патриархе Тихоне) возглавил Белорусскую Автономную Православную Церковь (БАПЦ), всячески поддерживая каноническое общение с Матерью-Церковью. Собор БАПЦ дал ему титул митрополита Минского и Белорусского. В условиях немецкой оккупации митрополит вел себя мужественно: он отказался от настойчивых предложений немецких властей и местных белорусских националистов (радикалов) провозгласить автокефалию Белорусской Церкви. За этот отказ владыка был сослан в деревушку Ляды под надзор гестапо или, возможно, службы СД [32].

Таким образом, жизнь и служение митрополита Пантелеимона в период польской и германской власти представляются настоящим исповедничеством православной веры. Это был страдалец за Христа, и Господь сохранил владыку до периода ДиПи, когда необходимо было окормлять русских беженцев. Вместе с белорусским епископатом митрополит в 1946 г. вошел в состав клира РПЦЗ, как и все духовенство БАПЦ. Правда, некоторые издания современной Белорусской Церкви отрицают факт присоединения владыки митрополита к РПЦЗ. Он проживал в лагере Малый Шляйсгайм и скончался 17 (30) декабря 1950 г., ненамного пережив митрополита Серафима (Ляде). Погребен был 20 декабря (2 января) 1951 г., в день святого Иоанна Кронштадтского, на кладбище села Фельдмохинг около Мюнхена.

До нас дошло послание владыки Пантелеимона, составленное им в августе 1950 г., незадолго до кончины. В этом послании отражены тревоги и беспокойство митрополита за единство Церкви, за верность ее чад, прежде всего за верность духовенства тем основам веры, которые были переданы от святых апостолов, от самого Христа. Послание было опубликовано эмигрантским журналом «Белая Русь», называвшим себя печатным органом антисоветского Национально-освободительного комитета. Вот текст этого последнего послания владыки Пантелеимона:

«Возлюбленные чада Христовы!

От времен святого Владимира на Руси существовала Православная Церковь. Будучи основанной святыми апостолами, она имела своим Главой Возлюбленного Господа нашего Иисуса Христа.

Ныне за границей имеется часть этой Церкви; на Родине, в начале революции она возглавлялась патриархом Тихоном, и к ней принадлежали

наши отцы и деды. Те, которые откалывались от этой Церкви, назывались раскольниками или сектантами. Теперь часть этой Церкви, находящаяся за границей, возглавляется Собором епископов, из которых некоторые были епископами еще в царское время.

Нужно радоваться и благодарить Господа за то, что при православных, оторванных от Родины и находящихся в тяжелом состоянии, оказалась и Православная Церковь, могущая быть для них в утешение и помощь.

Но – о ужас, – вместо того чтобы за границей быть примером в мудрости, единении и благочестии перед инославными и, в особенности теперь, когда по всем признакам приближается время воцарения антихриста, о котором предупреждает Священное Писание и Святые Отцы Церкви, – к общему стыду и несчастью, множатся враги Церкви – разные автокефалисты, баптисты и подобия их. Писатель Гоголь в комедии изображает ничтожного проходимца самозванца Хлестакова, обманывавшего глупых и испорченных людей, которые, к стыду своему, поверили ему. Но подобная хлестаковщина в религии есть верх кощунства. Она подобна тому, как Диавол, прикинувшись доброжелательным, соблазнил первых людей, и они, нарушив заповедь Божию, погубили себя и весь род человеческий.

Да не будет этого здесь. Умоляю вас, возлюбленные, бойтесь новшеств в религии нашей, не поддавайтесь соблазнам, не идите за подражателями Иуды Искариотского и тех евреев, которые из-за воображаемых национальных выгод отверглись Христа. Но покайтесь, пока есть время, и по примеру своих отцов и дедов будьте в неразрывном единении с Единой Святой Соборной и Апостольской Церковью. И тех, которые всегда стойки в православии, умоляю: вразумляйте колеблющихся или даже отпавших. И знайте, что «обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иаков, 5, 20).

Благодать и мир Господа нашего Иисуса Христа да будет с Вами!

Митрополит Пантелеимон
Август 1950 г.
Мюнхен–Фельдмохинг [33].

Священник РПЦЗ о. Алексий Наумов (скончался в 1980 г.) в своих воспоминаниях живописал митрополита Пантелеимона, представил его таким, каким он был, проживая в Малом Шляйсгайме. В конце

октября 1947 г. митрополит Пантелеимон и его духовный друг, архиепископ Гродненский Венедикт (Бобковский) прибыли в Малый Шляйсгайм. Алексей Наумов в то время служил лагерным полицейским. Владыка Пантелеимон имел обширную переписку с русскими беженцами, находившимися в разных лагерях ДиПи и на частных квартирах у немцев. Многие из них были в бедственном положении. Владыка помогал им, так как получал деньги от разных лиц, которые имели возможность помогать бедным. «Он был добр, милосерден, жалостлив к обездоленным людям и нестяжателен, – вспоминал о. Алексий. – Одна рука его принимала, а другая тут же раздавала. Я был при владыке его ближайшим помощником, он мне поручал делать денежные переводы по почте многим нуждающимся людям».

По словам о. Алексия, митрополит был великий молитвенник и прозорливец. Однажды, это было в первый день Рождественского поста 1950 г., пришла к владыке одна знакомая и принесла ему миску печеной картошки: «Вот я вам, владыка святый, принесла печеной картошки. Ведь сегодня начало Рождественского поста». Владыка благодарит ее: «Знаем, знаем, что начало поста, вот мы с Алексеем Михайловичем и покушаем, большое спасибо». Знакомая стоит и внимательно осматривает всю келью митрополита. Когда вышла, владыка говорит мне: «Видишь ли, пришла специально проверить, не ест ли владыка мясо». После этого случая встречаю я эту знакомую в лагере и спрашиваю, не приносила ли она картошку с намерением проверить, не ест ли в пост владыка скоромное? «Да, именно такая мысль у меня была. Но откуда вы об этом знаете?» – удивилась она. Я ей ответил, что после ее ухода об этом мне сказал сам владыка.

Перед своей кончиной митрополит Пантелеимон переехал жить в Мюнхен на Мауеркирхенштрассе к владыке Венедикту, который в то время был управляющим Германской епархией. Митрополит Пантелеимон, предчувствуя свой близкий уход из жизни, начал обходить всех своих знакомых, которые были близки его сердцу. Он прощался с ними, говоря, что в этой жизни с ними больше не увидится, а в будущей – зависит от Господа. Последние годы, как уже говорилось, у него сильно опухали ноги. Однако ни одного дня святитель не провел в постели. До последних дней он совершал Божественную литургию. Последнюю литургию владыка совершил 11/24 декабря в лагерной церкви Архангела Михаила. Тогда же он навестил А. Наумова, дал ему духовные наставления и предсказал, что тот будет священником, но не скоро. На прощание владыка сказал: «Я всегда за вас молюсь

пред Господом, а если буду иметь дерзновение предстать пред Ним в будущей жизни, не оставлю вас и там в своих молитвах, вы очень близки моему сердцу». 30 декабря 1950 г. владыка Пантелеимон скончался. Отходную по владыке читал архиепископ Венедикт (Бобковский). Он же возглавил отпевание митрополита, которое состоялось в день памяти святого Иоанна Кронштадтского 2 января 1951 г. и на которое приехало множество русских священников из лагерей перемещенных лиц [34].

Архиепископ Венедикт (Бобковский)

Очень близким по духу к митрополиту Пантелеимону был архиепископ Венедикт (Бобковский). Он также проживал в лагере Малый Шляйсгайм, а до этого какое-то время – в лагере ДиПи Байрот. Мирское имя владыки – Василий. Он родился 13 марта 1876 г. в г. Заволочь Псковской губернии. Окончил Псковскую духовную семинарию и прослушал два курса Юрьевского университета. В 1905 г. рукоположен в сан иерея и служил в селе Старосельно Минской губернии. О. Василий был мужественным и храбрым человеком. Эти качества он проявил на фронте Первой мировой войны, когда служил военным священником и за свое служение награжден был боевыми наградами. С 1918 г. отец Василий – настоятель кафедрального собора в Новогрудке, благочинный и уездный протоиерей.

После кончины супруги о. Василий принял монашеский постриг. 22 марта 1937 г., в день Сорока мучеников Севастийских, принял монашество с именем Венедикта. Символично, что именно в день мучеников, пострадавших от язычников, о. Василий принял монашеский постриг в период самых лютых гонений на православных. Исследователь гродненских архиереев Наталия Дорош сообщает также, что о. Венедикт был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Успенского мужского монастыря в Жировицах. В конце 1930-х гг. архимандрит близко познакомился с тогда опальным белорусским архиереем, архиепископом Пантелеимоном (Рожновским).

В сентябре 1939 г. Западная Беларусь, после советско-германских соглашений и военных мероприятий, была присоединена к СССР. В марте 1941 г. в Москве о. Венедикт был хиротонисан во епископа Брестского и назначен викарием к митрополиту Минскому и Белорусскому Пантелеимону. В 1942 г., в условиях немецкой оккупации, вла-

дыка был назначен на Гродненскую и Белостокскую кафедру Белорусской Автономной Православной Церкви; был возведен в сан архиепископа. Владыка Венедикт активно способствовал возрождению православной жизни в Белоруссии в годы оккупации. Как уже говорилось, митрополит Пантелеимон выступал за сохранение Белорусской Церкви в лоне Матери-Церкви, что явилось вызовом официальной политике Третьего рейха на оккупированной территории Белоруссии. Точно так же вел себя и архиепископ Венедикт, ставший открытым противником объявления автокефалии БАПЦ. Еще одно крупное событие в его официальной архиерейской деятельности – участие в Венском совещании епископов РПЦЗ 1943 г., которое не признало, в силу разных причин, избрания митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси.

По окончании Второй мировой войны владыка Венедикт вошел в состав клира РПЦЗ, служил в лагерях ДиПи, прежде всего в Малом Шляйсгайме. В 1950 г. скончался митрополит Серафим (Ляде), и архиепископ Венедикт был назначен на Берлинскую и Германскую кафедру. Владыка отказался эмигрировать в США и остался в Германии за послушание [35].

Мы привели подробную биографию владыки Венедикта для того, чтобы показать, что в Малом Шляйсгайме проживал и служил стойкий защитник Православия, сторонник Единой Русской Православной Церкви. Следует вдуматься в те обстоятельства, которые окружали служение архиепископа: польская власть с католическим влиянием, советская власть с ее безбожной политикой, затем германская оккупация с антиславянской политикой геноцида, после войны – вынужденное беженство, угроза насильственного возвращения в СССР, лагерная жизнь с сотнями православных изгнанников и служение в Шляйсгайме. Тяжело больной раком печени владыка соборовался и причастился Божественных, Святых, Пречистых, Бессмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Тайн за 2 дня до кончины. 3 сентября 1951 г. он скончался и был погребен рядом с могилой митрополита Пантелеимона (Рожновского) на кладбище Фельдмохинг близ Мюнхена.

В 2002 г. православная журналист и писатель матушка Наталия Дорош опубликовала воспоминания внучки архиепископа Венедикта, Нины Борисовны Которовской. У о. Василия Бобковского (будущего владыки Венедикта) было три дочери и сын Борис. Борис стал священником и в 1943 г. был убит подпольщиками, может быть, за то,

что служил при немецкой оккупационной власти, или за то, что был сыном «врага народа». Служил о. Борис в приходском храме местечка Скидель, рядом с г. Гродно, и был погребен за алтарем своего приходского кладбищенского храма. У о. Бориса осталась дочь Нина, внучка владыки Венедикта. Почти все семейные фотографии из-за страха репрессий в ее семье были уничтожены. Семья архиепископа Венедикта преследовалась богоборческой властью, которая объявила всех белорусских епископов, вынужденных эвакуироваться из Белоруссии в 1944 г. за границу, врагами народа. В советское время Нина Борисовна, внучка архиепископа и дочь убитого священника, состояла на контроле у органов.

В своих воспоминаниях Н.Б. Которовская описывает трудности советского и оккупационного времени. О владыке она сообщает: «Помню двух своих дедушек – епископа Венедикта и протоиерея Иулиана. Они были большими молитвенниками, дедушка Венедикт готовился к службе, простаивая дома на коленях по несколько часов. Когда дедушка молился, нас просили не шуметь, но однажды через щель в двери подглядела, как он молится – мне это хорошо запомнилось. Помню еще, как мы приезжали в Жировицы, чтобы навестить дедушку-монаха. Мне надоело быть в скучной келье, и я стремилась выбежать на улицу, но меня не отпускали. Дедушка Венедикт иногда нас баловал сладостями, он очень любил своих внуков». И далее Нина Борисовна кратко сообщает о периоде перемещенных лиц: «Из Германии он нам не писал, потому что боялся за нас, не общался он и с дочерьми, которые после войны проживали в Вильнюсе, а в 1947 г. оттуда перебрались сначала в Польшу, а потом в Канаду. Тетя Зина в 1967 г. прислала мне письмо из Канады, в письме она сообщала о смерти дедушки Венедикта. Когда я ей в 1993 г. смогла отправить письмо в Монреаль, то ответа уже не получила. Наверное, она умерла. Ее имя и фамилия Зинаида Васильевна Шпаковская, она работала в банке» [36].

Таким же стойким защитником Православия, молитвенником, уповающим на милость Божью, предстает владыка Венедикт и в своем послании 1951 г. православным Германии. Послание датировано 25 февраля/10 марта 1951 г. (это было начало Великого поста) и начинается словами трогательного покаянного канона св. Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши: конец приближается, и имаше смутитися; воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый, и вся исполняяй».

Владыка Венедикт обращал внимание пасомых на страшную опасность, угрожающую всему миру – опасность безбожного коммунистического режима. Он приводил такое сравнение: «Есть в глубине морей страшные чудища – осьминогие спруты: они обхватывают свою жертву лапами, извивающимися как змеи, снабженными присосками, и засасывают ее. Вы можете рубить и отрубать обвившие вас щупальца, и это не поможет: на месте одного отрубленного вас захватывает другое, на месте другого – третье и т. д. Головоногое, с ужасными глазами среди лап, малоплавающее, оно отвратительно и по своей внешности, и по стремлению захватить все живое на своем пути, чтобы уже не выпустить свою жертву. И вот оно – это животное – являет собой наиболее подходящий образ для представления о богоборческом коммунизме. Неуклонно, по сатанински обдуманному плану, ведется борьба за ниспровержение Креста, борьба против Спасителя и Его дела в мире, борьба за власть над телами и душами человечества и с собою несет ужас и страх за будущее».

Архипастырь напоминал своей пастве, что единственным непобедимым оружием против богоборчества является помощь Божия, «дающая и физическому вооружению силу и слову дипломатии убедительность». Напрасно, считает владыка, многие эмигранты тешат себя надеждой, что тьма безбожия минует их или что за оружием западных стран они укроются от опасности. Нет таких мест на земле, где можно было бы укрыться, поскольку борьбу ведут не земные силы, а силы адовы. Потому просил владыка своих чад Германской епархии: «К Богу зову вас! К Нему зову вас и я – ваш грешный Архипастырь. Опустите очи ваши к земле, зовуще: «Боже, милостив буди нам грешным», а потом смело подымите свой взор к небу со слезами и с дерзновением взывайте к Спасителю: «Твой есмь аз, Спасе, спаси мя» (Пс. 118, 94). И с этого начинайте подвиг своего спасения чрез очищение плоти своей – постом, души своей – покаянием, а всего себя и мира Божия – молитвой о пощаде нас, безмерно согрешивших и далеко отошедших от Бога» [37].

Так, мы видим, какова была вера архиепископа Венедикта в силу молитвы русских эмигрантов. Его послание приобретало характер заботы о всем человечестве, становилось призывом к соборной, всеобщей молитве об избавлении мира от тьмы безбожия. Не военной силой, не политической пропагандой, но горячей молитвой должен был спасать себя русский человек, оказавшийся «за воротами земли».

Обозревая деятельность архипастырей лагеря Шляйсгайм, мы видим, что это были сильные от Духа Святого епископы. Они жили молитвой. Они строго держались Слова Божьего, умело наставляли паству в здравом учении и обличали пороки, укоряли в отступлении от спасительной христианской жизни. Архипастыри организовали церковные богослужения, всячески поощряли развитие церковной жизни, помогали молитвой и мудрым советом созидать православный образ жизни, созидать ту самую малую церковь (православные семьи), которая могла с Божьей помощью уехать из послевоенной Германии в новую страну. Они не угасили, но сохранили в себе дух Святой Руси, сохранили обычаи и традиции исторической России, что помогло всей Русской Зарубежной Церкви пережить страшное военное время и дать Богу плод покаяния во второй половине XX столетия.

Примечания

1. Память преподобного отца нашего Анастасия, игумена Синайской горы // Жития святых. Месяц апрель: Репринт. – М.: Введенская Оптина Пустынь; изд. отдел Моск. патриархии, 1992. – С. 300–301.

2. Архипастырские послания, слова и речи Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Юбилейный сборник ко дню 50-летия архиерейского служения. 1906–1956. – Джорданвилль, 1956; Архиепископ Аверкий. Блаженнейший митрополит Анастасий. К столетию со дня рождения. 1873–1973 // Православная Русь. – 1973. – № 15. – С. 2–8; Архиепископ Аверкий. Пятидесятилетие архиерейского служения митрополита Анастасия // Он же. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Т. 1. 1951–1960. – Джорданвилль, 1975. – С. 176–180; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц: Биогр. словарь. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское зарубежье», 2002. – С. 20–23.

3. Архипастырские послания, слова и речи... Указ. соч. – С. 23.

4. Митрополит Анастасий. Мой ответ на юбилейные приветствия, полученные мной ко дню 23 апреля/6 мая 1948 года // Там же. – С. 58.

5. Там же.

6. К 50-летию архиерейского служения Блаженнейшего митрополита Анастасия // Слова Иже во святых отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-франциcского Чудотворца: Сб. проповедей, поучений, посланий, наставлений и указов / Сост. протоиерей Петр Перекрестов с прославления святителя Иоанна. – Сан-Франциско: Русский пастырь, 1994. – С. 275–276.

7. Митрополит Анастасий. Рождественское послание 1948 г. // Там же. – С. 61, 67.

8. Он же. Рождественское послание 1950 г. // Там же. – С. 118.

9. Он же. Рождественское послание 1948 г. // Там же. – С. 65.

10. Он же. Пасхальное послание 1949 г. // Там же. – С. 71, 73.

11. Он же. Рождественское послание 1949 г. // Там же. – С. 92–93.

12. Там же.

13. Он же. Слово при вручении жезла новопоставленному епископу Женевскому Леонтию в Женевском Крестовоздвиженском храме. 11/24 сентября 1950 г. // Там же. – С. 109–110.

14. Слово, произнесенное митрополитом Анастасием 6/19 июня 1949 г. в Храме-памятнике, сооруженном в Брюсселе для увековечения памяти мученически скончавшегося государя императора Николая II // Там же. – С. 79.

15. Православная Русь: Церковно-общественный орган. – Джорданвилль (шт. Нью-Йорк, США). – 1947, 4/17 декабря. – № 4.

16. Православная Русь. – 1948, 5/18 декабря. – № 23.

17. О чудесах, исходивших от иконы «Знамение» в годы войны, подробно см. в кн.: Икона Божией Матери Курская-Коренная «Знамение». К 700-летию обретения иконы Богоматери. – Джорданвилль, Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1995. – С. 19–20.

18. Чудотворная икона в Малом Шляйсгайме // Православная Русь. – 1949, 1/14 октября. – № 19.

19. Чудотворная икона в Большом Шляйсгаймском лагере // Церковная жизнь. – Мюнхен: Изд. при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей. – 1949. – № 10–12. – С. 50–51.

20. Митрополит Анастасий на акте русской гимназии в Шляйсгайме // Православная Русь. 1950, 1/14 мая. – № 9. – С. 14.

21. Чудотворная икона в Шляйсгайме // Православная Русь. – 1950, 1/14 сентября. – № 17. – С. 16.

22. Чудотворная икона в Шляйсгайме // Церковная жизнь. – 1950, июль-август. – № 7–8. – С. 69–70.

23. Митрополит Анастасий. Пасхальное послание 1950 года // Архипастырские послания, слова и речи… Указ. соч. – С. 102–103.

24. 40-летие служения в священном сане Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского // Православная Русь. – 1947. – № 14. – С. 14; Кончина митрополита Серафима // Православная Русь. – 1950. – № 18. – С. 4; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. – С. 99–100. О деятельности владыки Серафима красноречиво свидетельствуют его письма протоиерею о. Адриану Рымаренко, настоятелю Берлинского кафедрального собора в 1943–1945 гг. См.: Корнилов А.А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944): Моногр. – Н. Новгород: ИФ ННГУ, 2000. – С. 83–88. Активность митрополита Серафима в 1942–1945 гг. документально исследована в кн.: Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Право-

славной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: Сб. докум. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2003. – С. 113–171.

25. 40-летие служения в священном сане Высокопреосвященнейшего Серафима митрополита Берлинского и Германского // Православная Русь. – 1947, 5/18 сентября. – № 14. – С. 14.

26. Нивьер А. Православные священнослужители... Указ. соч. – С. 363; Религиозные деятели и писатели русского зарубежья // URL: // http: //zarubezhje.ru/mp/; Колупаев, Ростислав, игумен. Русские в Северной Африке // http://mirrors.russible.ru/pagez.ru.

27. Архиепископ Димитрий. 1942–1967. – Джексон, Нью-Джерси, 1967.

28. Рыбалка Б.М. Записки о церковной жизни // Корнилов А.А. Пропавшие без вести. Жизнь и творчество прихожан храма во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», г. Филадельфия (США). Материалы к 50-летию основания храма. – Н. Новгород: Нижегор. отд. Императ. Правосл. палест. об-ва, 1999. – С. 36–37, 65–66.

29. Архиепископ Димитрий. 1942–1967. – С. 2. Упоминаемая брошюра о владыке Димитрии оказалась очень ценной для нашего исследования. Она содержит нигде более не публиковавшиеся факты о жизни и священнослужении архиепископа Димитрия, а также ценнейшие (черно-белые) фотографии церковной жизни лагеря Шляйсгайм. Так, напечатаны фотографии «Общий вид барачной церкви», «Владыка Димитрий во время богослужения», «Крестный ход на Пасху», «Владыка Димитрий с хором барачной церкви». Эти и другие фотоснимки существенно дополняют и украшают новыми деталями картину жизни православного духовенства и мирян в Большом Шляйсгайме.

30. Корнилов А.А. Интервью с Б.М. Рыбалка. – Филадельфия, шт. Пенсильвания (США), 1997, 6 декабря.

31. Верл М. Добрый пастырь. К 40-й годовщине блаженной кончины архиепископа Чикагского Григория (Боришкевича) // Православная Русь. – 1997. – № 24. – С. 6–10.

32. Белая Русь. – Норден, Германия, 1953. – № 11. – С. 2–5; Корнилов А.А. Преображение России. – С. 31–35, 139–144; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. – С. 96–97.

33. Последнее предсмертное послание Высокопреосвященнейшего митрополита Пантелеимона // Белая Русь. – 1953. – № 11. – С. 4–5.

34. Материалы воспоминаний о. Алексея Наумова приводятся по кн.: Владыка Пантелеимон был великий молитвенник и прозорливец // Православный Гродно. Сб. очерков, фотографий, воспоминаний, духовного наследия, архивных документов об истории Гродненской епархии / Авт. и сост. Н. Дорош. – Гродно, 2000. – С. 188–195. См. также: Митрополит Пантелеимон (Рожновский) // Жировицкая обитель: Богословско-лит.-худож. листок. Издание Свято-Успенского Жировицкого монастыря. – Слоним (Беларусь). – 2000. – № 15 (18). – С. 20.

35. Православный Гродно. – С. 196–203; Архиепископ Афанасий (Мартос). Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. – Минск: Изд-во Белорус. экзархата, 2000. – С. 320–338; Архиепискап Афанасий (Мартас). Матэрыялы да Гисторыи Праваслаунай Беларускай Царквы. Перыяд савецкай и нямецкай акупацыи Беларуси (на белорус. яз.). – Жыровицы, 2004. – С. 64–133; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. – С. 34.

36. Письмо м. Наталии Дорош (г. Гродно, Беларусь) А.А. Корнилову. – 2001, Светлый понедельник; Неизвестная страница из личной жизни Гродненского святителя открывается для нас его внучкой в ее воспоминаниях детства // Православный вестник: Духовно-просветит. газ. – Гродно: правосл. община «Усекновения честныя главы честнаго славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна», 2002, июнь–август. – № 6–8 (53). – С. 26–27.

37. Архиепископ Венедикт. Архипастырское послание православным христианам в Германии // Православный Гродно. – Мюнхен, 1951, 25 февраля/10 марта. – С. 200–202.

ГЛАВА 3
БЕЛОЕ ДУХОВЕНСТВО ЛАГЕРЯ ШЛЯЙСГАЙМ

Как уже говорилось, Шляйсгайм был крупнейшим лагерем перемещенных лиц в послевоенной Германии. Понятие «Шляйсгайм» фактически вместило в себя два лагеря, Большой Шляйсгайм и Малый Шляйсгайм. Малый лагерь был расформирован в 1950 г., и оставшиеся жители лагеря переехали в Большой Шляйсгайм. Шляйсгайм жил очень насыщенной русской жизнью во всех отношениях этого слова: церковной, политической, культурной, скаутской и прочей. Лагерь давал возможность тем, кто решил не возвращаться в СССР или же пребывать и далее в эмиграции, оставаться русскими православными людьми. Значительную роль в этом процессе сыграли священнослужители РПЦЗ – архипастыри и пастыри.

Следует подчеркнуть, что православное духовенство было одним из «сословий» населения лагерей ДиПи. Архиереям и священникам пришлось не только совершать богослужения, вести миссионерскую работу, но и в определенный период времени, в особенности в период насильственной репатриации 1945–1947 гг., выступить в роли единственных защитников бесправных беженцев или, как говорили в кругах Синода Русской Православной Церкви Заграницей, «православных бесподданных». Многие русские беженские общины стремились зарегистрироваться у оккупационных властей именно как православные общины, поскольку лица, называвшие себя просто «русскими», относились к советским гражданам и должны были быть возвращены в СССР. Поэтому сотни русских беженцев, не желавших возвращаться в Советский Союз, обращали все свои проблемы к Русской Церкви (РПЦЗ), оказавшейся единственной их защитницей перед угрозой насильственной выдачи советским репатриационным органам.

Священники РПЦЗ шли нередко на смертельный риск, когда отправлялись в лагеря бывших «остовцев» (восточных рабочих) или военнопленных и добивались перевода лиц, не желавших возвращать-

ся в СССР, в другие лагеря. Так, например, было в Гамбурге, когда отцы Нафанаил Львов и Виталий Устинов добились вывоза невозвращенцев в польский лагерь. Они же стояли у истоков создания православной жизни и прихода в лагере ДиПи Фишбек. Ныне только узким специалистам-историкам известно, что при массовых выдачах в лагерях Пеггец 1 июня 1945 г. (выдача казаков в Советский Союз), Кемптен 12 августа 1945 г., Дахау и других лагерях священники буквально с крестом в руках вставали впереди своей паствы. Они стояли перед британскими танками или солдатами американской военной полиции, беззащитные, но уповавшие на милость Божию. Многие священники были избиты, кто-то был насильно взят и увезен в СССР. Были зафиксированы случаи массовых самоубийств русских беженцев, которые не хотели репатриации в Советский Союз и не подчинялись решениям Ялтинской и Потсдамской конференций. Это был их личный выбор. Столь же малоизвестно, что Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий разрешил совершать отпевание самоубийц – небывалое в истории Церкви событие. При этом владыка Анастасий, объясняя свое решение, сказал: «Их действия ближе к подвигу святой Пелагеи Антиохийской, выбросившейся из высокой башни, чтобы избежать поругания, нежели к преступлению Иуды». Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви предпринял целый ряд усилий по организации выезда тысяч русских перемещенных лиц за океан. Синод обращался к правительствам государств Западного полушария и Австралии, образовал Переселенческий комитет, осуществлял сбор финансовых и иных средств по оказанию помощи беженцам. Все это делали священнослужители – от архиерея до приходского или даже заштатного священника и диакона.

В лагере Шляйсгайм проживали и служили священники разных поколений, разного периода хиротонии. Одни прошли через горнило советских атеистических гонений, они же вместе с иными пережили суровую немецкую оккупацию, третьи выжили в безрадостных условиях эмиграции в чужие страны. Кто были эти священники, маститые протоиереи и более молодые энергичные пастыри Божии? Что они могли предложить истерзанной душе русского беженца, пришедшего «от восток солнца до запад»?

Изучив вначале официальные сообщения изданий Русской Православной Церкви Заграницей, воспоминания эмигрантов, биографии пресвитеров РПЦЗ и Американской Православной Церкви, свидетельства эмигрантской прессы, мы полагали, что в лагере Шляйсгайм по-

стоянно служили и проживали следующие представители белого духовенства:

Большой Шляйсгайм
(лагерный храм во имя Архистратига Михаила
и гимназическая церковь)

1. Протоиерей Владимир Востоков.
2. Протоиерей Василий Бощановский.
3. Протоиерей Антоний Юнак. Однако служение о. Антония именно в лагере Шляйсгайм пока не подтверждено разными источниками, независимыми друг от друга.
4. Протоиерей Евгений Лызлов.
5. Протоиерей Владимир Григорович.
6. Протоиерей Михаил Помазанский.
7. Протоиерей Константин Каминский.

Малый Шляйсгайм
(храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы)

1. Протоиерей Иосиф Гринкевич.

К сему списку следует добавить имя архимандрита Аверкия (Таушева), будущего архиепископа Сиракузско-Троицкого. Он регулярно приезжал в Шляйсгайм с митрополитом Анастасием (Грибановским), председателем Архиерейского Синода РПЦЗ, другими архиереями РПЦЗ. Они привозили жителям лагеря (Большого и Малого) чудотворную икону Божией Матери Курско-Коренную «Знамение», которая считается Одигитрией русского зарубежья. Под вопросом остается имя о. Георгия Горского, который помогал в Шляйсгайме о. Василию Бощановскому в лагерной гимназии Большого лагеря и сам преподавал в гимназии. О. Георгий, возможно, был рукоположен в самом Шляйсгайме и некоторое время служил там. Однако точными данными мы не располагаем. Затем его служение проходило в церкви Дома «Милосердный самарянин», в городе Мюнхен. Этот Дом основал известный священнослужитель русской эмиграции протоиерей о. Александр Киселев.

Протоиерей Владимир Востоков

Старейшим по хиротонии среди священников лагеря был протоиерей о. Владимир Востоков [1]. Он родился 11/24 июля 1868 г. в погосте Голочеловский Коломенского уезда Московской губернии в семье священника Игнатия Матвеевича Востокова. Известно, что о. Владимир окончил Московскую духовную академию. 30 мая старого стиля 1891 г. он был рукоположен в сан иерея. Активно публиковался в православной печати. В 1911–1917 гг. о. Владимир редактировал и издавал Московский духовно-литературный журнал «Отклики на жизнь». Издавал до революции 1917 г. московскую газету «Рассвет» (последнее название «Славянофил»).

Очевидно, батюшка вел активную общественную деятельность. В его биографии укажем на такой факт. За свое выступление против Распутина он был выслан из Москвы и до 1917 г. служил в Уфимской епархии. От этой епархии о. Владимир стал делегатом на Поместном Соборе РПЦ 1917–1918 гг. По своим убеждениям ревностный монархист, он не ждал милости от власти большевиков и уехал в Екатериноград, где открыто призывал Белую армию бороться с богоборческой властью. Эвакуировался из Крыма с армией генерала П.Н. Врангеля в Галлиполи. Затем служил на различных приходах в Сербии: Эрдут, Сибница, Великий Бечкерек (Петровград-Зренянин), Панчево. Был членом Высшего Зарубежного Церковного Управления. Сотрудничал с эмигрантской прессой. О югославском периоде жизни о. Владимира сообщает русский историк из Нови Сада Алексей Борисович Арсеньев.

В 1944 г. о. Владимир эвакуировался с другими русскими беженцами в Австрию, затем в Германию. Он уходил от приближавшейся Красной Армии. Служил в лагерях перемещенных лиц Кемптен, Фюссен, Шляйсгайм. Вместе с отцами Василием Бощановским и Евгением Лызловым и мирянами пережил выдачу американскими военными властями 12 августа 1945 г. советским репатриационным органам жителей лагеря Кемптен. В 1951 г. эмигрировал в США, в Калифорнию, где служил, несмотря на глубокую старость, настоятелем церкви Святителя Тихона Задонского при одноименном детском приюте в г. Сан-Франциско. 6 сентября 1950 г. протоиерей Владимир был награжден правом ношения митры.

За многолетнее служение Матери-Церкви 17/30 декабря 1954 г. Архиерейский Синод РПЦЗ постановил присвоить о. Владимиру звание протопресвитера. В 1955 г. батюшка ушел на покой. Скончался

5 августа 1957 г. на день Почаевской иконы Божией Матери и был похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

В одной из книг, посвященных русскому зарубежному духовенству, есть ссылка на второй том книги о. Владимира «Розы и шипы». Этот том или часть были посвящены как раз «дипийскому», то есть лагерному, периоду жизни. Однако попытки найти эту часть книги не увенчались успехом. Хорошо информированный протоиерей из Сан-Франциско о. Петр Перекрестов сообщил, что эта часть книги так и не вышла в свет. Знакомые автору миряне Русской Зарубежной Церкви также ничего не смогли прояснить на этот счет. Полагаем, что разыскиваемая часть книги представляет собой воспоминания о. Владимира о лагерях перемещенных лиц и могла бы сообщить новые фактические данные о православной жизни в лагере Шляйсгайм.

Протоиерей Василий Бощановский

Протоиерей Василий Бощановский был вторым по дате хиротонии священником лагеря Шляйсгайм. Он так же, как и о. Владимир Востоков, относился к старому, дореволюционному поколению духовенства, во многом жил представлениями той славной, исторической России.

О. Василий родился 1 марта 1872 г. в селе Самбек Таганрогского округа Российской империи. Происходил из семьи духовенства, сын священника. В возрасте 15 лет он окончил Мариупольское духовное училище, а через 6 лет, в 1893 г. – Екатеринославскую духовную семинарию. В 1897 г. он успешно окончил Киевскую духовную академию. Таким образом, о. Василий получил прекрасное богословское образование, которое дало ему возможность впоследствии помогать становлению кадров священнослужителей в эмиграции периода между двумя мировыми войнами, а еще позже – активно участвовать в развитии духовной школы в Джорданвилле, штат Нью-Йорк.

По окончании академии Василий Бощановский встал на путь священнослужения. 29 августа 1897 г. он был рукоположен в сан диакона, 30 августа 1897 г. – в сан иерея с назначением ключарем кафедрального Спасо-Преображенского собора в Житомире. 29 января 1899 г. его назначили быть законоучителем в женскую и мужскую гимназии в Евпатории. В 1903 г. участвовал в торжествах обретения мощей и прославления преп. Серафима Саровского. Воспоминания о. Василия

об этом великом событии были опубликованы уже после Второй мировой войны в журнале РПЦЗ «Православная Русь».

Монархист по убеждениям, сторонник легитимной императорской власти, о. Василий не принял советскую власть и присоединился к первой «волне» русской эмиграции. Известно, что в 1920 г. он был законоучителем Донского кадетского корпуса имени императора Александра III. 30 октября 1920 г. эвакуировался в Сербию, где состоял законоучителем русских кадетских корпусов и Донского русского девичьего института. Церковные историки В.И. Косик и А. Нивьер называют 1927–1939 гг. периодом служения о. Василия в церкви названного института.

12 сентября 1944 г. о. Василий был эвакуирован в Германию. В лагерях перемещенных лиц Кемптен, Фюссен и Шляйсгайм с июня 1945 по август 1949 г. состоял законоучителем лагерной гимназии. Он также пережил трагические события августа 1945 г. в лагере Кемптен.

22 сентября 1949 г. о. Василий переехал в США. С 1 октября 1949 г. он был назначен настоятелем храма святого благоверного князя Александра Невского в Лейквуде, штат Нью-Джерси. В 1947 г. бывший священник Шляйсгайма был награжден митрой. За многолетнее служение Церкви и выдающиеся труды он был возведен в 1955 г. в сан протопресвитера.

Протопресвитер о. Василий скончался в Лейквуде 22 апреля 1961 г. и похоронен на местном кладбище [2].

О. Василий – автор целого ряда трудов по нравственному и пастырскому богословию. Регулярно публиковал статьи в монастырском журнале «Православная Русь» (Джорданвилль, шт. Нью-Йорк). В 1999 г. Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле издал его «Уроки по христианскому православному нравоучению» и «Уроки по пастырскому богословию для лиц, желающих принять священство, с приложениями» под общим названием «Жизнь во Христе».

Протоиерей Антоний Юнак

Протоиерей Антоний Юнак также относился к поколению священнослужителей, хиротония которых состоялась еще в Российской империи. О. Антоний родился в 1880 г. на Холмщине. Отец его был военным врачом, защитником Севастополя в Крымской войне. Окончил духовное училище, Холмскую семинарию. В 1903 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Одни источники сообща-

ют, что незадолго до Первой мировой войны он был рукоположен в иереи. Однако А. Нивьер, автор объемного биографического справочника «Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995», приводит другие данные. Он утверждает, что хиротония о. Антония произошла в 1903 г., а именно 17 августа. Священник о. Антоний был духовником Туровецкого женского монастыря Холмской епархии, настоятелем Киевской Троицкой церкви.

После революции служил при Советской власти, затем в Польше. В годы немецкой оккупации служил в Киеве, в храме св. Андрея Первозванного. В 1942–1943 гг., при немецкой оккупации, о. Антоний был благочинным Печерского района Киева. Вместе с тысячами беженцев он в 1943 г. эвакуировался на Запад. В 1945 г. о. Антоний был принят в клир Русской Зарубежной Церкви. Остается под вопросом, служил ли о. Антоний в лагере Шляйсгайм? Профессор А. Нивьер указывает, что о. Антоний был настоятелем Свято-Сергиевской церкви в Бад-Киссингене с 1946 по 1950 г. В то же время некоторые бывшие шляйсгаймовцы говорят, что были близки с батюшкой со времени ДиПи. Поэтому служение о. Антония именно в Шляйсгайме (Большом или Малом) остается до сих пор под вопросом.

В архиве Германской епархии РПЦЗ, фонд 6, отложились документы личного дела о. Антония. Из этих документов следует, что о. Антоний еще 24 июля 1945 г. направил митрополиту Серафиму (Ляде) как епархиальному архиерею прошение:

«Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Серафиму
Митрополиту Берлинскому и Германскому
м[итрофорного] протоиерея
Антония Юнака

Прошение.

Почтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство зачислить меня в клир вверенной Вашему Высокопреосвященству епархии с представлением мне священнослужительного места.

Если предоставление прихода сейчас невозможно, то разрешите мне и благословите открыть православную общину в одной из местностей, где имеется значительное число православных, с выдачей антиминса и святого мира.

Я принадлежу к Автономной Церкви Украины, возглавляемой ныне Архиепископом Пантелеимоном. Увольнительную грамоту представлю при первой возможности. Краткие сведения о себе представляю на обороте.

г. Мюнхен 24 июля 1945 г.

м. протоиерей Антоний Юнак».

На данном прошении, написанном от руки, имеется резолюция митрополита Серафима «24.VII.45. Ходатайство удовлетворить. М.С.» [3].

Профессор А. Нивьер совершенно прав. О. Антоний Юнак согласно тем же архивным документам был назначен в Бад-Киссинген. В то же время архив в Бухендорфе хранит ряд других документов, имеющих отношение к о. Антонию. В 1948 г. протоиерей Антоний просил владыку Серафима дать ему канонический отпуск, чтобы эмигрировать в США. Но уже в 1949 г. он просил владыку назначить его в лагерь Шляйсгайм. В прошении от 4.VII.1949 он просит назначить его с начала учебного года законоучителем гимназии в Шляйсгайме. На прошении есть надпись митрополита Серафима «Утвердить». В том же прошении о. Антоний просит одновременно оставить его на служении в Бад-Киссингене. Вполне возможно, что положение о. Антония было не очень устойчивым. Наконец, в рапорте от 10 августа 1949 г. о. Антоний просит освободить его от просимой должности, «так как по многим очень важным для семьи причинам я не могу перейти в лагерь и остаюсь пока в прежнем положении, т. е. в Киссингене» [4]. Лишь 23 мая 1950 г. ему был дан канонический отпуск, о. Антоний прошел комиссию для выезда в США.

С 1950 г. митрофорный протоиерей о. Антоний – настоятель Свято-Владимирского храма в Филадельфии. В 1964 г. он вышел за штат. О. Антоний был пастырем старой, дореволюционной школы. Великий патриот России был выдержанным, спокойным и в то же время скромным священником. 14/27 июля 1968 г., в субботу, в 7.30 утра, прочитав молитву «Отче наш», скончался. О. Антоний был погребен на кладбище Свято-Троицкой обители в Джорданвилле [5].

Протоиерей Евгений Лызлов

Яркой личностью в стане духовенства Большого Шляйсгайма был протоиерей о. Евгений Лызлов. Протоиерей о. Евгений был призван к священническому служению в очень скорбный для Русской Православной Церкви период 1920-х гг. Это был период самых страшных гонений, которые организовала атеистическая власть.

О. Евгений родился 14 января 1901 г., на праздник Обрезания Господа нашего Иисуса Христа и святителя Василия Великого, в семье священника села Козулино Смоленского края о. Фотия Лызлова. Его бабушка по линии матери была родной сестрой Иоанна Касаткина (в монашестве Николая), в будущем архиепископа Японского, просветителя Японии и святителя Русской Православной Церкви, память которого совершается Церковью 16 февраля по новому стилю.

В 1917 г. Евгений Фотиевич окончил гимназию в г. Белом, осенью 1918 г. был мобилизован в Красную Армию. По свидетельству его родственников, будущий протоиерей окончил Смоленскую духовную семинарию, однако в светский вуз поступить не мог из-за своего социального происхождения. 27 января 1923 г. Е.Ф. Лызлов венчался с дочерью крестьянина Наталией Михеевной Смирновой. В Смоленске был рукоположен в диаконы, а в день святого Алексия человека Божьего в 1925 г. – в сан иерея [6]. В тяжелые 1920–1930-е гг. о. Евгений служил в селах Козулино, Третьяково, Хмелита Смоленской области, затем в г. Осташкове Тверской области. Последнее его служение до войны 1941–1945 гг. было в г. Великие Луки, где он настоятельствовал в кладбищенской церкви (1935–1937 гг.). Неоднократно преследовался органами Советской власти, подвергался аресту и несправедливому налогообложению. Последние годы перед войной преподавал в Гжатске математику, работал дирижером городского оркестра и хора льнозавода. В церкви не служил, но от сана не отказался. С 1938 г. работал в разных учреждениях в Ржеве.

С приходом немецкой власти о. Евгений служил вплоть до отъезда (угона в качестве «остарбайтера») в Германию священником кладбищенской церкви святых Гурия, Саммона и Авива и окормлял военнопленных. Крестьяне отдавали ему за требы онучи и разные вещи, а о. Евгений выменивал их на продукты и на санках вез в лагерь военнопленных. Этот деятельный и милостивый священник, воистину добрый пастырь, родственник святителя Николая Японского, вместе с семьей был угнан на работы в Германию.

После Второй мировой войны о. Евгений служил священником в лагерях перемещенных лиц Кемптен, Фюссен, Шляйсгайм. В лагере Кемптен он пережил трагическую «кемптенскую выдачу» в СССР 12 августа 1945 г.

Отец Евгений занимался настоящим душепопечением о прихожанах церкви Большого Шляйсгайма. Известен случай, когда по молитвам о. Евгения выздоровела дочь одного лагерника. В Большом Шляйсгайме историю в церковной гимназии преподавал Евгений Игнатьевич Комаревич, человек необычайной эрудиции, активный прихожанин. У него заболела дочь, буквально умирала от туберкулеза. Е.И. Комаревич просил причастить больную и помолиться о ней. После причастия Святых Христовых Тайн – полагаем, за молитвы пастыря, родителей – дело пошло на поправку. Дочь Е.И. Комаревича выздоровела и жила затем в Соединенных Штатах.

О. Евгений в Шляйсгайме был также известен тем, что не брал деньги за требы, говоря: «Как мы можем брать деньги за требы у измученных людей? У них самих ничего нет». За это его некоторые лагерные священники не понимали. Дочь батюшки, З.Е. Питерс, позднее вспоминала о лагерной жизни: «Мы жили так бедно, но своей бедности мы как бы не замечали».

Общественные организации лагеря Большой Шляйсгайм тепло благодарили о. Евгения за искреннее отношение к людям. Так, Объединение русских художников в своем благодарственном письме от 30 ноября 1947 г. писало о. Евгению: «Правление приносит свою глубокую благодарность Вам, глубокоуважаемый о. Евгений, за Ваше отношение к объединению. Ваша честность, бескорыстное и поистине христианское отношение к делу характеризуют Вас как редкой души человека, какие в наши времена встречаются нечасто. Да поможет Вам Господь Бог в Ваших путях и начинаниях и даст сил и здравия Вам и Вашей уважаемой семье пережить настоящее лихолетье».

Другая организация – Союз русских военных инвалидов Первой мировой войны – в декабре 1947 г. писала: «Глубокоуважаемый о. Евгений! Фельдмохингский Отдел Союза русских военных инвалидов Первой мировой войны приносит Вам искреннюю благодарность за Ваше любезное содействие в устройстве нашего благотворительного вечера» [7].

Согласно архивным документам в Шляйсгайме о. Евгений занимал должность священника гимназической во имя преп. Иова Почаевского церкви лагеря и одновременно законоучителя лагерной гимназии. Начиная с 1947 г., о. Евгений просит у епархиального начальства канонический отпуск для перехода (точнее переезда) в другую епархию, очевидно, в Соединенные Штаты.

Красивым почерком 4 октября 1947 г. о. Евгений пишет прошение:

«Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Серафиму
Митрополиту Берлинскому и Германскому
Законоучителя гимназии
в лагере Шляйсгайм
протоиерея Евгения Лызлова

Прошение.

Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокопреосвященство о предоставлении канонического отпуска и о Вашем разрешении для переезда на службу в другую епархию.

Вашего Высокопреосвященства покорный послушник и молитвенник прот. Евгений Лызлов.

4.10.47 г. Шляйсгайм».

На полях сего прошения протоиерей Александр Самойлович, секретарь епархиального управления, написал, что в делах управления нет документов о прохождении о. Евгением службы в Германской епархии. Эта приписка епархиального секретаря весьма странна. Отец Евгений служил в лагерях Кемптен, Фюссен и был хорошо знаком владыке Серафиму, да и председателю Архиерейского Синода РПЦЗ митрополиту Анастасию. Об этом свидетельствует документ, выданный из Синодальной канцелярии, располагавшейся в то время в Мюнхене:

«Архиерейский Синод
Русской Православной Церкви
Заграницей
Munchen, 27
Donaustrasse, 5

24 сентября/7 октября 1947 г.

Справка.

Настоящим подтверждаю, что отпускная грамота о. прот. Евгения Лызлова из Латвийской епархии была последним представлена Высокопреосвященнейшему Председателю Синода (т. е. митрополиту Анастасию. – *А. К.*) и возвращена ему при сношении канцелярии Архиерейского Синода отправленным заказным письмом 3 октября с. г.

Правитель дел
Синодальной канцелярии прот. Георгий Граббе» [8].

В тот же день, 7 октября 1947 г., так как Мюнхен и Шляйсгайм находились довольно близко (ныне территория бывшего лагеря является

частью современного Мюнхена) и о. Евгений смог доставить в епархиальное управление все необходимые документы, член-секретарь управления о. А. Самойлович напечатал на машинке следующий документ:

«1780. 7 октября 1947 г.

Удостоверение.

По благословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Серафима, Митрополита Берлинского и Германского, Епархиальное управление удостоверяет, что протоиерей Евгений Лызлов состоит в числе священнослужителей Православной Епархии в Германии, в настоящее время исполняет должность законоучителя в младших классах Русской гимназии лагеря Шляйсгайм.

Под судом, следствием и запрещением в священнослужении протоиерей Евгений Лызлов во время прохождения службы в Германской Епархии не состоял и не состоит.

На переход его, протоиерея Евгения Лызлова, в иную епархию резолюцией Его Высокопреосвященства от 6-го сего октября, согласно прошению, преподано Архипастырское благословение.

Член-Секретарь
Епархиального Управления Православной Епархии в Германии
Прот. А. Самойлович» [9].

О. Евгений оформлял свой выезд с помощью Толстовского фонда, представителем которого в странах Западной Европы, а значит и в лагерях перемещенных лиц, была Татьяна Алексеевна Шауфус [10]. Она направила специальный письменный запрос митрополиту Серафиму о личности о. Евгения. Некая мадам Т. Клинтенберг от имени Т.А. Шауфус просила владыку прислать справку об отце Евгении о том, «что он в течение последних 2 лет был на приходе или вообще активным священником. Справка эта нужна для его эмиграции в Северную Америку». На запрос Толстовского фонда владыка Серафим сообщал:

«Мюнхен, 7 декабря 1948 г.

Высокочтимая Татьяна Алексеевна,

На Ваш запрос относительно о. протоиерея Евгения Лызлова я не мог ответить вам немедленно, так как на него поступили жалобы, в которых его обвиняли в том, будто бы он называл сотрудников продовольственного лагерного склада «ворами и мошенниками». По этим жалобам я назначил расследование, производство которого мной было

поручено о. протоиерею Павлу Калиновичу, человеку вполне объективному и не заинтересованному в этом деле. Следствие не подтвердило вышеуказанных обвинений, как пишет следователь о. протоиерей Павел Калинович: «Протоиерей Евгений Лызлов не только никого не призывал к убийству, но и не называл наличный состав лагерной администрации ворами и мошенниками».

Протоиерей о. Евгений Лызлов состоит на служении в моей епархии с 1945 г. Он, по моему убеждению, энергичный служитель Церкви, всегда исполнял свои обязанности добросовестно. Кроме того, он проявлял небесполезную деятельность в общественной жизни и на литературном поприще.

Поэтому я могу о нем дать только хороший отзыв» [11].

Письмо митрополита Серафима, отложившееся в епархиальном архиве Бухендорфа, было написано не на бланке, не имело подписи и печати.

Только в 1949 г. о. Евгению был предоставлен канонический отпуск, оформленный специальным документом от 15 марта 1949 г., подписанным митрополитом Серафимом и секретарем епархиального управления игуменом Георгием. Документ «Канонический отпуск» гласил:

«Дан настоящий Епархиальным Управлением Православной Епархии в Германии протоиерею Лызлову Евгению Фотиевичу во свидетельство того, что он находился на служении в Православной Епархии в Германии с 1945 года и уволен по причине выезда из Германии.

Под следствием, судом и запрещением протоиерей Евгений Лызлов не находился и не находится, и препятствий к его переходу на служение в другую епархию Православной Русской Церкви Заграницей со стороны Епархиального Управления не встречается» [12].

Так, о. Евгений начал собираться с семьей в Соединенные Штаты. Дочь о. Евгения Нина Евгеньевна Лызлова вспоминала:

«Примерно за неделю до нашего отъезда в церкви отслужили молебен о нашем здравии и благополучии. Церковь была полна народа. Отец в своей речи (не проповеди) обещал помочь всем, кому сможет, переехать в США, как только устроится, что он и исполнил, выписав примерно 350 семейств. Находил им квартиры, давал взаймы деньги на первое время до устройства на работу. А потом приехавшие семьи помогали следующим. Мой отец находил им также квартиры, но многие жили у нас до тех пор, пока не устраивались на работу. Все это делалось отцом совершенно бескорыстно» [13].

Приехав в США в апреле 1949 г., о. Евгений действительно добился выписки более 300 русских семей из лагеря Шляйсгайм. Большая часть их приехала в Филадельфию, штат Пенсильвания, где о. Евгений основал приход и построил храм в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». Преодолевая различные болезни и недуги, о. Евгений служил в родном храме до августа 1980 г. После тяжелого паралича осенью 1980 г. находился дома у дочери Зои (Питерс) в местечке Фоллс Черч (Falls Church), штат Мэриленд. 10 августа 1982 г., на праздник Смоленской иконы Божией Матери, скончался. Пастырь Шляйсгайма погребен на русском Свято-Владимирском кладбище в Джексоне, штат Нью-Джерси [14].

Протоиерей Владимир Григорович

Протоиерей Владимир Григорович также служил в храме Большого Шляйсгайма в честь Святого Архистратига Михаила. О. Владимир родился 3 декабря 1902 г. в Санкт-Петербурге. Вскоре его отец с семьей переехал на родину в Вильно и там скончался в возрасте 35 лет. Так Владимир с братьями остался сиротой. На него обратил внимание сельский священник о. Евстафий Недельский, служивший близ Вильны. По благословению о. Евстафия Володя поступил в Виленскую духовную семинарию. В последнем классе женился, был посвящен в диаконы, а в 1928 г. – в священники.

О. Владимир вначале служил на сельских приходах в Полесье, там же его застала война и немецкая оккупация. По окончании Второй мировой войны окормлял беженцев в лагерях Германии и в Бельгии. О том, что о. Владимир служил именно в лагере Шляйсгайм, мы вначале узнали из журнала «Православная Русь» (№ 23 за 1959 г.). В указанном номере было опубликовано письмо в редакцию. Письмо призывало русских эмигрантов помочь старикам Соболевым. У них внезапно скончался 28-летний сын Николай. Соболевы жили в Сан-Пауло (Бразилия). Старики оказались в долгах, так как сын был единственной их опорой. Письмо с просьбой о помощи было подписано так: «Бывшее лагерное духовенство (Шляйсгайм): прот. О. Евгений Лызлов, прот. О. Владимир Григорович, бывший преподаватель гимназии в Шляйсгайме – Е. Комаревич, бывший начальник лагеря Шляйсгайм – П. Шишкевич, бывший сотрудник лагерного Управления лагеря Шляйсгайм – П. Арлиевский» [15].

Затем, когда автору удалось познакомиться с документами епархиального Бухендорфа, появились надежные документальные свидетельства служения о. Владимира в Шляйсгайме.

В августе 1945 г. о. Владимир находился в Мюнхене. 27 числа того же месяца, называя себя священником-беженцем, он пишет прошение митрополиту Серафиму:

«Покорно прошу Ваше Высокопреосвященство о принятии меня в число клириков вверенной Вашему Высокопреосвященству епархии и предоставлении места священника в городе Ульме для обслуживания православного населения в вышеупомянутом городе» [16]. На документе сделана надпись «Назначить», правда, без обычной для владыки Серафима подписи «М.С.».

В 1947 г. о. Владимир уже служит в Шляйсгайме. Об этом сообщает Указ Архиерейского Синода митрополиту Серафиму от 2/15 сентября 1947 г., в котором священники Архангело-Михайловской церкви лагеря Шляйсгайм протоиереи Владимир Григорович и Константин Каминский награждаются палицей «за усердное и ревностное служение их Церкви Христовой» [17]. Обратим внимание на то, что о. Владимир называется протоиереем, тогда как в прошении 1945 г. он был еще в сане иерея. В сан протоиерея о. Владимир был возведен митрополитом Серафимом в том же 1947 г., о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве анкета, заполненная самим о. Владимиром [18].

Архивные документы, посвященные о. Владимиру, достаточно скупы. Известно, что на квартире у о. Владимира хранился святой антиминс, который в свое время был выдан митрополитом Серафимом для лагерной церкви в Фюссене. Это обстоятельство наводит на предположение, что о. Владимир служил в баварском лагере Фюссен, в котором советские репатриационные комиссии также вели поиски бывших граждан СССР для насильственной репатриации. Один выдающийся деятель послевоенной политической эмиграции, прошедший Фюссен, уже упоминавшийся И.Д. Корниенко, в интервью вспоминал, как он и многие другие фюссеновцы бежали в горы, покрытые густым лесом, и скрывались от выдач в СССР. Значительная часть жителей Фюссена затем переехала в Шляйсгайм, и, вероятно, лагерники хорошо знали о. Владимира. Что касается святого антиминса, без которого невозможно совершать литургию, то владыка Серафим через секретаря епархиального управления настоятельно рекомендовал хранить сей антиминс не на квартире, а в храме, то есть в церкви Архангела Михаила [19]. Случай с антиминсом сообщает еще один

интересный факт, о котором вряд ли где теперь можно узнать. О. Владимир Григорович в 1948 г. пишет в епархиальное управление, что литургии в лагерной церкви Архангела Михаила «совершаются на собственном Святом Антиминсе Владыки Пантелеимона» [20].

10 августа 1948 г. епархиальное управление Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене выдало о. Владимиру удостоверение, в котором говорилось:

«Дано настоящее протоиерею Владимиру Григоровичу, священнику Свято-Михайло-Архангельской церкви в Мюнхене–Шляйсгайме, во свидетельство того, что он находился на служении в Православной Епархии в Германии с 27 августа 1945 г. и уволен согласно его прошению ввиду выезда из Германии 10 августа 1948 г. Под следствием, судом и запрещением протоиерей Владимир Григорович не состоял и не состоит и препятствий к его переходу на служение в другую епархию со стороны Епархиального Управления Православной Епархии в Германии не встречается.

Митрополит Берлинский и Германский Серафим

И.д. Секретаря Епархиального Управления Игумен Георгий» [21].

В 1951 г. о. Владимир прибыл в США и был назначен настоятелем церкви в г. Пассеике, а 15 сентября 1962 г. переведен настоятелем церкви св. Александра Невского в г. Лейквуд, штат Нью-Джерси. Состоял благочинным 2-го округа и в 1966 г. был награжден правом ношения митры.

О. Владимир был известен как ревностный пастырь, строго соблюдал церковные правила, усерден был в совершении богослужений. Перед кончиной над о. Владимиром было совершено таинство елеосвящения настоятелем Свято-Владимирского храма-памятника игуменом Василием. О. Владимир скончался 28 октября 1968 г. в госпитале в Лонг Бренче, штат Нью-Джерси, на четвертый день после операции от кровотечения и паралича почек. Отпевание совершили 31 октября архиепископ Никон (Рклицкий) и епископ Лавр (Шкурла) с сонмом духовенства [22].

Протоиерей Михаил Помазанский

Протоиерей Михаил Помазанский первое время после Второй мировой войны служил в Менхегофе, а затем, вероятно, с 1947 г. – в Шляйсгайме. Это был заслуженный священник, также прошедший революционные потрясения и узнавший, что такое удел православного беженца, беженца-священника.

Михаил Иванович Помазанский родился 6 (19) ноября 1888 г., накануне дня Святого Архистратига Михаила, в селе Корысть Ровенского уезда Волынской губернии в священнической семье многих поколений. Окончил Клеванское духовное училище, Волынскую духовную семинарию, Киевскую духовную академию, получив диплом кандидата богословия.

В 1912 г. М.И. Помазанский был назначен противосектантским миссионером в г. Тирасполь. В 1913 г. после женитьбы на дочери священника Вере Федоровне Шумской он стал преподавателем Калужской духовной семинарии. В 1916 г. вернулся на Волынь и стал преподавать русскую словесность при женской гимназии в г. Ровно. С 1920 по 1934 г. был преподавателем Ровенской русской гимназии.

В 1936 г. после аудиенции у митрополита Варшавского Дионисия был рукоположен во священники, назначен редактором еженедельной церковной газеты «Слово» и зачислен в клир Св. Марие-Магдалинского Варшавского собора первым помощником протопресвитера Терентия Теодоровича, где прослужил до июня 1944 г. Таким образом, несмотря на многолетнюю деятельность еще в дореволюционный период, М.И. Помазанский довольно поздно, но зато в очень зрелом возрасте принял сан пресвитера.

После эвакуации из Варшавы о. Михаил проездом был в Братиславе, затем четыре года жил в лагерях ДиПи в Германии, сначала в Менхегофе, затем в Шляйсгайме. В Мюнхене о. Михаил редактировал орган Синода РПЦЗ «Церковная жизнь» и был секретарем Миссионерского комитета Синода.

В 1949 г. семья Помазанских эмигрировала в США и поселилась в селении Джорданвилль. Архиепископ Виталий (Максименко) назначил о. Михаила преподавателем Свято-Троицкой семинарии. О. Михаил преподавал греческий, церковно-славянский языки и догматическое богословие. Активно участвовал в периодических изданиях РПЦЗ – писал статьи, трактаты, брошюры, книги. Он является автором учебника для семинарий «Православное догматическое богосло-

вие» (1963 г.). Этот учебник был переиздан в современной России в 1990-е гг.

5/18 марта 1982 г. скончалась его супруга Вера Федоровна. А сам о. Михаил скончался 22 октября/4 октября 1988 г. на праздник Казанской иконы Божией Матери [23].

Протоиерей Константин Каминский

По свидетельствам бывших шляйсгаймовцев и архивным документам, в лагере служил протоиерей о. Константин Каминский. Хотя дата его рождения неизвестна, есть сведения, что в 1931 г. он окончил православное отделение богословского факультета Варшавского университета, священнический сан принял в лоне Польской Православной Церкви. Во время Второй мировой войны состоял в клире Белорусской Православной Церкви. Эмигрировал в Германию и был принят в юрисдикцию РПЦЗ. Профессор А. Нивьер пишет, что о. Константин был настоятелем церкви при лагере перемещенных лиц в Фельдмохинге под Мюнхеном, а это значит, в лагере Большой Шляйсгайм. Но возникает вопрос, настоятелем какой церкви служил о. Константин – общей лагерной или гимназической? Из воспоминаний П.А. Уртьева известно, что о. Константин был духовником скаутской дружины лагеря Шляйсгайм и его сын был скаутом [24].

Сохранились воспоминания бывших лагерников, хорошо знавших батюшку. По их словам, о. Константин после приезда в 1950 г. в США оказался в юрисдикции Американской митрополии (Американской Православной Церкви). Причина перехода батюшки из РПЦЗ в АПЦ была проста. В тот период состоялся огромный «наплыв» священнослужителей РПЦЗ из Европы в США. «Избыточные» священники получали гроши от тарелочного сбора. Малые приходы были не в состоянии содержать сразу несколько священников, а в большие приходы было попасть уже непросто. Кроме того, о. Константин должен был кормить семью – матушку и троих детей (сыновей). В то же время Американская митрополия остро нуждалась в русских пастырях, и о. Константин поступил туда священником в храм святителя Николая в Филадельфии. По словам настоятеля местного храма, основание церкви Святителя Николая в свое время благословил сам епископ Тихон, будущий Патриарх Московский.

Знавшие о. Константина шляйсгаймовцы передают, что в США протоиерей Константин был уже митрофорным, однако по смирению никогда не служил в митре. Он надевал митру только на особо праздничные службы. О. Константин глубоко знал историю России и Церкви, наизусть помнил все казачьи станицы на Дону, интересовался политикой и философией. Батюшка очень любил петь русские и украинские народные песни, обладал талантом регента. По характеру своему был вспыльчив, как «спичка».

О. Константин пострадал от сталинских репрессий. Его папа, о. Симеон Каминский, служил протоиереем в восточной Польше и был расстрелян большевиками после прихода туда Красной Армии в сентябре 1939 г., после раздела Польши рейхом и СССР по пакту Молотова–Риббентропа. О. Симеон расстрелян только за то, что был священником.

О. Константин был священником «старой школы», поклонником императорской России. Он любил старый строй, безумно любил старую Россию. Плакал, когда смотрел в американском кино голливудский фильм «Николай и Александра» по книге Роберта Масси. Батюшка считал, что только в Святой Руси, которую воплощала императорская Россия, русский народ мог жить достойно, по-человечески. О. Константин говорил, что Бог наказал Россию за то, что народ не защитил своего Царя – Помазанника Божьего, а отдал Царя и его семью во власть большевикам.

О. Константин служил настоятелем церкви Казанской Божией Матери в Си-Клиффе, штат Нью-Йорк, и Покровского кафедрального собора в самом Нью-Йорке. В последнем соборе он прослужил с 1971 г. до своей кончины в 1984 г. [25].

Таков состав белого духовенства, служившего в Большом Шляйсгайме (Фельдмохинг). Однако для историка, изучающего деятельность духовенства в лагерях перемещенных лиц, вопросы остаются. Хроника церковных событий, отраженных на страницах журнала «Православная Русь», свидетельствует, что на больших богослужениях в Большом лагере архиереям сослужило до 14 священников. Кто они были: приезжие или жившие в лагере?

В какой-то мере на эти вопросы помогают ответить документальные материалы архива в Бухендорфе и Оберменцинге.

Временно исполняющий дела секретаря Епархиального управления игумен Георгий в письме от 10 февраля 1948 г. писал управляю-

щему лагерным приходом в Шляйсгайме архиепископу Пантелеимону:

«Имею честь почтительнейше препроводить вашему Высокопреосвященству бланки для заполнения сведениями о приходах и священноцерковнослужителях, разосланные всем приходам Германской Православной Епархии согласно запросу американских властей.

Бланки препровождаются в количестве 17 экз. для Вас лично, Высокопреосвященнейший Владыко, и для священников, проживающих в лагере Шляйсгайм, а именно: 1) протоиерей Григорович В., 2) протоиерей Каминский К., 3) протоиерей Легкий И., 4) протоиерей Стрекозов И., 5) протоиерей Помазанский М., 6) протоиерей Бинецкий К., 7) протоиерей Сахновский П., 8) протоиерей Мышевский Т., 9) священник Степанов Н., 10) протодиакон Шкурин С., 11) диакон Смирнов В., 12) иеродиакон Геласий, 13) протоиерей Лызлов Е., 14) диакон Гришаев, 15) диакон Николаев П., 16) священник Патеюк К., 17) протоиерей Мартинсон В.

По заполнении бланки почтительнейше прошу возвратить в Епархиальное Управление для препровождения американским властям» [26]. Как видно, в этом списке нет о. Владимира Востокова.

Священник Николай Степанов

О священнике Николае Степанове сохранилось несколько документов из канцелярии Германской епархии. Прежде всего анкета, заполненная о. Николаем. Анкета сообщает, что о. Николай родился в 1896 г., в 1926 г. окончил медицинский факультет Минского государственного университета, «владеет немецким и немного польским» языками. По статье 58/10 находился в лагере НКВД. Далее жизнь беженца приводит Николая на должность псаломщика в Германской епархии. 23 апреля 1946 г. митрополит Серафим рукоположил Николая Степанова в диаконы, хиротония состоялась в церкви лагеря ДиПи Лоенгрин [27].

2 февраля 1948 г. о. Николай пишет рукописное прошение секретарю епархиального управления игумену Георгию по вопросу получения ставленнической грамоты:

«Я рукоположен Высокопреосвященнейшим Митрополитом Серафимом в иерея 21 сентября 1947 г. в гимназическом храме лагеря Шляйсгайм.

По получении уведомления от канцелярии Его Высокопреосвященства мною 22.10.47 внесена установленная пошлина в размере 50 RM (рейхсмарок до денежной реформы 1948 г. в ФРГ. – *А. К.*) на текущий счет Епархиального управления по почтовому переводу. Ввиду того, что до сих пор еще мною не получена ставленническая грамота, прошу Вас не отказать выдать мне таковую» [28].

Следовательно, о. Николай Степанов был рукоположен в сан иерея на праздник Рождества Богородицы, 21 сентября 1947 г., но в январе 1948 г. еще не имел ставленнической грамоты. Значит, все это время он служил в храме Архангела Михаила. Его никуда не назначали. Однако о. Николай все же хотел какого-либо назначения. На следующий день после своей хиротонии о. Николай обратился к митрополиту Серафиму с просьбой зачислить его сверхштатным священником храма преподобного Иова Почаевского. Это был, как известно, храм гимназии лагеря Шляйсгайм. О. Николай указывал, что «имея жительство в том же лагере, мне удобнее будет проходить обучение пастырско-священническому делу на месте, а тем более под руководством старейшего, опытного и высокочтимого священнослужителя и пастыря о. Василия (Бощановского, который был настоятелем гимназической церкви. – *А. К.*). Согласие же со стороны о. Василия принять меня под свое руководство имеется» [29].

Следует подчеркнуть, что данное прошение было составлено «через голову» архиепископа Пантелеимона, который был управляющим приходом в Шляйсгайме. Возможно, что о. Василий Бощановский как настоятель гимназической церкви напрямую подчинялся епархиальному архиерею митрополиту Серафиму, а не владыке Пантелеимону. Вообще чтение архивных документов оставляет впечатление о довольно непростых отношениях о. Василия с владыкой Пантелеимоном. Так или иначе, на прошении о. Николая митрополит Серафим начертал рукой: «Отказать». А через неделю, 29 сентября 1947 г., член-секретарь епархиального управления протоиерей Александр Самойлович направил официальное письмо о. Николаю Степанову, в котором объяснил причину отказа следующим образом:

«По благословению Его Высокопреосвященства епархиальное Управление имеет честь сообщить, что … митрополитом Серафимом 26-го сего сентября положена следующая резолюция: «Отказать, так как проситель не имеет никакого отношения к гимназии, и гимназическая церковь – не приходская церковь» [30].

Протоиерей Иоанн Легкий

Протоиерей о. Иоанн Легкий – выдающийся, очень известный священнослужитель русской эмиграции. О нем известно довольно много, несмотря на то, что в архивной коробке «Священники. А–Щ» нет о нем подробных сведений. В начале данного исследования и не предполагалось, что о. Иоанн служил в лагере Шляйсгайм (Фельдмохинг). Поскольку документ епархиального управления свидетельствует о служении о. Иоанна в лагере Шляйсгайм, следует рассказать об удивительной судьбе этого человека.

Иоанн Саввич Легкий родился 29 апреля/12 мая 1907 г. в г. Двинске Витебской губернии в благочестивой духовной семье. Его отец Савва и старший брат Иаков были священниками. Окончив Двинскую Русскую гимназию и Рижскую духовную семинарию, Иоанн изучал богословские науки на православном отделении богословского факультета Рижского университета. 1/14 сентября 1931 г. архиепископ Рижский Иоанн (Поммер), будущий священномученик, рукоположил Иоанна во диакона, а 8/21 сентября в праздник Рождества Богородицы – в сан священника. В 1936 г. о. Иоанн был назначен в Рижский Свято-Троице-Сергиевский женский монастырь и законоучителем местных школ. В 1936–1944 гг. был членом Епархиального совета.

В 1941–1944 гг. о. Иоанн был членом Псковской духовной миссии и активно миссионерствовал на оккупированных вермахтом территориях. В частности, он служил благочинным в Гдове. С августа 1941 по июнь 1943 г. – миссионер Псково-Гдовского округа. Он был также председателем гдовского отделения добровольной благотворительной организации Народная помощь. О. Иоанн стал пламенным проповедником и обличителем безбожной коммунистической власти. В 1943 г. о. Иоанна возвели в сан протоиерея и назначили ключарем Рижского кафедрального собора.

Клириком Русской Зарубежной Церкви о. Иоанн стал в 1944 г. (по другим данным в 1945 г.). В 1946–1949 гг. был синодальным миссионером и наблюдателем за преподаванием Закона Божия в русских школах Германии. Окормлял русских беженцев в лагерях перемещенных лиц и, как видно из вышеприведенного документа, в лагере Шляйсгайм. Какое именно время он служил в лагерной церкви, остается неизвестным. В 1948 г. митрополит РПЦЗ владыка Анастасий наградил о. Иоанна крестом с украшениями.

В 1949 г. о. Иоанн переехал в США. В 1949–1959 гг. служил священником Вознесенского кафедрального собора на Бронксе, в

Нью-Йорке. В 1959–1987 гг. был настоятелем собора Архангела Михаила в г. Паттерсон, штат Нью-Джерси. В 1949–1987 гг. – член Епархиального совета, в 1961–1987 гг. – благочинный епархии. О. Иоанн обладал прекрасной памятью и обширными познаниями в святоотеческих и богослужебных вопросах. Полагаем, что всю свою священническую квалификацию, если так можно сказать, он с успехом проявил в лагере Шляйсгайм. В храме Божием он требовал точного исполнения богослужебного устава, был незаурядным проповедником и любил проповедовать. Он был постоянным сотрудником газеты «Епархиальный листок Восточноамериканской епархии».

Подходил к закату его земной путь. В 1987 г. в возрасте 80 лет о. Иоанн в сане протопресвитера вышел на покой. 1/14 января 1989 г. скончалась его матушка Екатерина Яковлевна (урожденная Перминова). Но Церковь вновь призвала его к служению – епископскому. В августе 1990 г. о. Иоанн был пострижен в монашество с именем Иоанн в память рижского священномученика архиепископа Иоанна, поставлен в архимандриты.

15/28 августа 1990 г., на праздник Успения Божией Матери, он был хиротонисан во епископа и назначен в Аргентину, где прослужил четыре года, несмотря на физические недомогания и болезни. Незадолго до кончины указом Архиерейского Синода епископ Иоанн был назначен епископом Рокландским. Этот титул носил его духовник, глубоко почитаемый архиепископ Андрей (Рымаренко). Владыка как будто предчувствовал наступающую кончину. 20 февраля/5 марта 1995 г., в Прощеное воскресение, он прибыл на вечерню в собор Архистратига Михаила в г. Паттерсон, в котором нес крест настоятельского послушания в течение 28 лет, попросил у всех прощения и призвал к взаимной любви. В Чистый понедельник Владыка служил в своем храме Покрова Пресвятой Богородицы в Наяке.

25 февраля/10 марта 1995 г., в Чистый пяток, епископ Рокландский Иоанн мирно скончался. Владыка был погребен 28 февраля/13 марта 1995 г. на кладбище женского монастыря Новое Дивеево, рядом с могилой матушки Екатерины [31].

Неполные сведения о других священниках Большого Шляйсгайма

Не имея на руках архивных документов, касающихся иных священнослужителей, названных в списке на анкеты, мы обращаемся к словарю Антуана Нивьера. Он дает разные по информативности, подчас очень скупые, неполные, а иногда довольно интересные и конкретные данные о следующих священнослужителях.

Протоиерей Константин Бинецкий. Состоял в клире Германской епархии РПЦЗ в сане протоиерея с 1945 по 1950 г. Протоиерей Сергий Бобров, скончавшийся, как установил А. Нивьер, в 1987 г., состоял в клире Германской епархии той же Русской Зарубежной Церкви с 1947 по 1949 г. в сане священника. Затем переехал в Калифорнию, служил настоятелем Троицкой церкви в Лос-Анджелесе с 1949 по 1978 г. Однако в архивных документах Бухендорфа о. Сергий Бобров упоминается не как служащий священник, но как священник, проживающий в Шляйсгайме [32].

В списке на анкеты упоминается служащий в Шляйсгайме монашествующий иеродиакон Геласий. Мы полагаем, что это о. Геласий (Майборода). Данные о нем мы обнаружили не только в словаре А. Нивьера, но и в журнале Джорданвилльского монастыря «Православная Русь». О. Геласий родился 25 января 1904 г. в селе Низы Сыроватской волости Сумского уезда Харьковской губернии. Мирское имя его Григорий Иванович Майборода. В восемь лет он поступил в Свято-Троицкий монастырь в Киеве. Эта обитель славилась благочестивой жизнью старца архимандрита Ионы. В 1923 г. Григорий был пострижен в малую схиму с именем Геласия. Это были тяжелые времена гонений на Церковь. Через четыре года о. Геласий был рукоположен в диаконский сан архиепископом Георгием Киевским, а в 1933 г. его возвел в сан архидиакона другой киевский архиерей, архиепископ Сергий. Буквально через год, в 1934 г., монастырь был закрыт, и о. Геласий должен был жить вне монастыря, как и многие его собратья. Отметим, что в запросе Германской епархии прислать анкеты о. Геласий называется иеродиаконом, а не архидиаконом.

С началом немецкой оккупации церковная жизнь возобновилась, и о. Геласий паки подвизался в своем родном монастыре. Архидиакон попал в Шляйсгайм по очень простой причине: с 1943 г. он постоянно находился при архиепископе Пантелеимоне (Рудыке) и сослужил ему.

Правда, «Православная Русь» указывает 1948-й годом начала служения о. Геласия в Шляйсгайме, тогда как владыка Пантелеимон служил в лагере как раз до 1948 г. Вполне возможно, что архидиакон Геласий попал в Шляйсгайм чуть позднее своего владыки. Известно также, что в США о. Геласий попал лишь в 1950 г. и много лет служил в синодальном соборе в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы при митрополите Анастасии (Грибановском). В 1965 г. при новом Первоиерархе РПЦЗ, митрополите Филарете (Вознесенском), о. Геласий был рукоположен в сан иеромонаха и, ввиду его многолетнего достойного служения, возведен в сан архимандрита. Почти 67 лет он служил Русской Церкви и оказался одним из старейших священнослужителей РПЦЗ.

Об о. Геласии сохранились воспоминания знавших его лиц. Владыка епископ Манхэттенский Иларион (ныне Первоиерарх РПЦЗ митрополит Иларион) вспоминал: «О. Геласий отличался удивительной кротостью, смирением и незлобием. Он никогда ни с кем не спорил, не гневался, всех принимал с радушием и с улыбкой. Он постоянно сохранял чувство жизнерадостности, и когда кто-нибудь приходил к нему со своими скорбями и с тяжелым чувством, он непременно уходил облегченным и окрыленным одним добрым словом о. Геласия и общением с ним» [33].

Протоиерей Василий Мартинсон. А. Нивьер пишет, что митрофорный протоиерей Василий до Второй мировой войны состоял в клире Польской Православной Церкви, в 1945 г. эмигрировал в Германию и был принят в клир РПЦЗ. Служил настоятелем церкви ДиПи, но какой церкви, автор словаря не уточняет. В 1949 г. о. Василий уехал в США, где служил в храмах Североамериканской Русской митрополии (ныне Православная Церковь в Америке) и преподавал в Свято-Тихоновской духовной семинарии. Скончался о. Василий 7 февраля 1955 г. в Суф-Канаане, штат Пенсильвания. Однако вновь, как и в случае с многими другими священниками Шляйсгайма, не осталось никаких проповедей, документальных свидетельств о жизни и служении.

То же самое можно сказать об о. Тихоне Мышевском, который в словаре А. Нивьера назван протоиереем Тихоном Мыщевским. Мы думаем, что это одно и то же лицо. Биография о. Тихона напоминает биографию о. Василия Мартинсона. До Второй мировой войны – служение в Польской Автокефальной Православной Церкви, затем бегство в Третий рейх от наступающей Красной Армии, служение в клире РПЦЗ и в лагерях ДиПи, переезд в США, служение в Православной

церкви в Америке. О. Тихон был настоятелем церкви в Джэксоне, штат Нью-Джерси, где расположено большое русское кладбище. В Джэксоне же о. Тихон и скончался 26 декабря 1974 г.

Епархиальное управление Германской епархии запрашивало Шляйсгаймский приход и о священнике по имени о. Карп Патеюк. Биография почти идентична кратким биографиям предыдущих двух священников. Скончался о. Карп, протоиерей Православной Церкви в Америке, в Миннеаполисе, штат Миннесота, 11 июля 1976 г.

Протоиерей Павел Сахновский состоял священником Германской епархии РПЦЗ. Настоятель церкви в Штутгарте (1940-е – 20 июля 1951 г.), в 1951-м он уехал в США, сообщает А. Нивьер. Однако странно, что о. Павел жил в Шляйсгайме, здесь какая-то неточность с послужным списком, которая пока не поддается разрешению.

Протоиерей Иоанн Стрекозов родился в 1890 г. в Воронеже. Окончил Волынскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, рукоположен в сан священника в 1920 г. После Гражданской войны и до 1944 г. – клирик Польской Православной Церкви. Эмигрировал в Германию и в 1945 г. принят в клир РПЦЗ, обслуживал перемещенных лиц. По данным А. Нивьера, о. Иоанн служил настоятелем церкви лагеря Фрайманн (т. е. бывшие «Казармы СС») в 1947–1948 гг., а затем настоятелем церкви в Ашафенбурге. Тогда возникает вопрос, как о. Иоанн попал в Ашафенбург, если жил в Шляйсгайме, как и другие бывшие жители Фраймана, и анкета на него поступила именно в приход Святого Архистратига Михаила? В Соединенных Штатах о. Иоанн служил в храмах Североамериканской митрополии. Скончался 28 июля 1967 г. в Бронксе, штат Нью-Йорк [34].

Тем не менее остаются совершенно неизученными биографии и послужные списки следующих священнослужителей Большого Шляйсгайма: протодиакон С. Шкурин, диакон В. Смирнов, диакон Гришаев, диакон П. Николаев.

Протоиерей Иосиф Гринкевич в Малом Шляйсгайме

Неясность «окутывает» вопрос о белом духовенстве, служившем в Малом Шляйсгайме. У нас есть сведения только об одном тамошнем священнике. Это протоиерей о. Иосиф Гринкевич [33]. «Православная Русь» в № 19 за 1949 г. сообщает, что 22 июля/4 августа в лагерь Малый Шляйсгайм прибыла великая русская святыня – чудо-

творная икона Знамения Божьей Матери Курская-Коренная. Ее сопровождали Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий и архимандрит Аверкий (Таушев). «Святыня и Первосвятитель были встречены крестным ходом, – передавал журнал, – который возглавляли проживающие в лагере архипастыри Белорусской Православной Церкви Высокопреосвященнейшие митрополит Пантелеимон, маститый старец 83 лет, и архиепископ Венедикт, член нашего Синода». А далее в репортаже упоминается настоятель храма протоиерей о. Иосиф Гринкевич.

Протоиерей о. Иосиф Гринкевич родился в 1897 г. в селе Шлапы Виленской губернии. Известно, что в 1922 г. он окончил Виленскую духовную семинарию. Хиротония во диакона состоялась в 1922 г., а на следующий год состоялась хиротония во иерея. Причем хиротония во диакона состоялась на день 40 мучеников Севастийских, и это совпадение дат собой предзнаменовало будущий, полный скорбей и беженского удела, путь служения. О. Иосиф был клириком Виленской епархии Польской Православной Церкви, служил настоятелем церкви в с. Радевичи, в с. Сватки, в с. Сутково, в г. Заславье. Именно в Заславье его застала Вторая мировая, а затем и советско-германская война. С 1941 по 1945 г. о. Иосиф состоял в клире Белорусской Православной Церкви. В 1944 г. он был возведен в сан протоиерея, так что в лагерь Малый Шляйсгайм он прибыл уже в сане протоиерея.

По всей видимости, он не сразу оказался в Шляйсгайме. А. Нивьер пишет, что в 1945 г. о. Иосиф эмигрировал вначале в Австрию и был принят в клир РПЦЗ. В 1945–1946 гг. он служил в церкви при лагере перемещенных лиц в Менхегофе под Касселем, где он, вероятно, познакомился с о. Михаилом Помазанским. Затем об о. Иосифе Гринкевиче сообщаются противоречивые данные. А. Нивьер пишет, что батюшка с 1946 по 1951 г. был помощником настоятеля и ключарем Свято-Михайловской церкви в Мюнхене и уехал в США в 1951 г. Свято-Михайловская церковь в пределах Мюнхена могла быть только одна, а именно в лагере Шляйсгайм (Фельдмохинг). Однако журнал «Православная Русь», как уже было видно, все-таки называет о. Иосифа настоятелем храма в Малом Шляйсгайме. А это уже не церковь Архангела Михаила в Фельдмохинге (Большом Шляйсгайме), а церковь Благовещения. Мы более доверяем «Православной Руси», но только применительно к тому конкретному событию, к 1949 г. Остальной же период служения о. Иосифа в Мюнхене или Шляйсгайме заслуживает дальнейшего исследования.

Найдено еще одно упоминание об о. Иосифе Гринкевиче в том же журнале «Православная Русь». Оно чуть более раннее и относится к июлю 1949 г. В № 13 за 1949 г. «Православная Русь» сообщала:

«Лагерь Шляйсгайм...

Сюда совсем недавно прибыла группа русских людей из расформированного лагеря под Касселем. Таким образом, нас, русских людей, стало более 300, и мы с Божьей помощью на Страстной неделе (когда и прибыла упомянутая группа) соорудили очень благолепную маленькую церковь Благовещения. 26/VI-49 нашу маленькую общину посетил Владыка митрополит Германский и Берлинский Серафим. Владыку торжественно встретил настоятель протоиерей о. Иосиф Гринкевич с церковным советом и мирянами. После отслуженной литургии Владыка обратился [к пастве] ...просил в будущем держаться Матери Церкви, поскорбел, что все мы скоро покинем Германию, и опустеют храмы, которые мы с такой любовью созидали». Следовательно, в 1949 г. о. Иосиф, без сомнений, был настоятелем церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в лагере Малый Шляйсгайм. Упоминавшийся лагерь под Касселем, который был расформирован, есть не что иное, как лагерь Менхегоф. Из этого же лагеря, правда, раньше, чем о. Иосиф, уехал в Большой Шляйсгайм протоиерей о. Михаил Помазанский.

В Соединенных Штатах о. Иосиф служил в Нью-Йорке, в Бруклине, в Короне, во Флошинге. Он также был настоятелем Скорбященской церкви в Филадельфии, штат Пенсильвания, когда на четыре года сменил уже болевшего основателя прихода о. Евгения Лызлова, также шляйсгаймовца. Однако в 1970 г. о. Иосиф вновь был переведен и назначен настоятелем церкви во имя святого Александра Невского в Ричмонде, где и служил до своей кончины 30 декабря 1972 г.

Документы епархиального архива в Бухендорфе уточняют обстоятельства послевоенного служения о. Иосифа.

12 ноября 1946 г. о. Иосиф обращается к епархиальному архиерею митрополиту Серафиму из лагеря Менхегоф в Касселе:

«Привезенный мною с родины антиминс уничтожен во время бомбардировки города Касселя 22.IX.1944 г.

Посему всепокорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство выдать для меня антиминс, чтобы на будущее время я имел возможность совершать Божественную литургию для вверенной мне паствы и славы Божией» [33].

В той же архивной коробке отложилась докладная записка архиепископа Стефана (Севбо), управлявшего Австрийской епархией

РПЦЗ, в которой владыка Стефан положительно характеризует о. Иосифа и просит митрополита Серафима выдать антиминс [34].

Настоятелем Благовещенской церкви в лагере Малый Шляйсгайм о. Иосиф был назначен указом правящего архиерея от 2 мая 1949 г. [35]. Видимо, период с 1945 по 1949 или по 1948 г. о. Иосиф служил в лагере Менхегоф. Ведь большая группа менхегофских жителей прибыла в Большой Шляйсгайм в 1948 г. Чуть позже, очевидно, в связи с массовым выездом духовенства из Большого Шляйсгайма за океан, о. Иосиф получает новое назначение. Указом от 11 июля 1949 г. о. Иосиф назначен законоучителем в параллельных классах Фельдмохингской начальной школы [36]. Эту должность до него исполнял о. Евгений Лызлов.

Наступил 1950 г. Множество жителей лагеря Малый Шляйсгайм, включая духовенство, как, впрочем, и лагеря Большой Шляйсгайм, уехало из Германии. Поэтому 28 февраля 1950 г. митрополит Серафим издал указ:

«Ввиду расформирования лагеря Малый Шляйсгайм храм указанного лагеря, все церковное имущество, утварь, святые иконы, облачение перевести в Свято-Михайло-Архангельский храм в лагере Шляйсгайм–Фельдмохинг с причислением к указанному храму причта:
1) настоятеля протоиерея Иосифа Гринкевича,
2) псаломщика Петришина Ивана,
3) регента Беляева Владимира,
4) сторожа Есакова Захария.
Митрополит Берлинский и Германский Серафим
Секретарь Епархиального Управления (игумен Георгий)» [37].

Указом от 16 мая 1950 г. о. Иосиф назначен настоятелем храма в больнице Мюнхен-Швабинг, так как его предшественник о. Павел Сахновский перешел служить в Шляйсгайм [38]. Здесь тоже возникает сомнение: может быть, о. Павел Сахновский в 1948 г. служил в лагере, а затем перешел окормлять православных в больнице Швабинг? После кончины 14 сентября 1950 г. митрополита Серафима правящим архиереем стал архиепископ Венедикт (Бобковский), который указом от 26 сентября назначил о. Иосифа вторым священником в церковь Архангела Михаила лагеря Шляйсгайм [39]. Последнее назначение в Германии, которое нам удалось найти, относится к январю 1951 г. и к храму Святителя Николая на Сальватор-плац в Мюнхене, куда о. Иосиф был назначен вторым священником. Действительно, в 1951 г. о. Иосиф переехал в США, где и служил в вышеназванных храмах.

Архимандрит Аверкий (Таушев)

В истории деятельности духовенства Шляйсгайма необходимо назвать архимандрита о. Аверкия (Таушева), хотя он относится к иноческому и монашескому чину. Однако он не архиерей и служил обычным чином в храмах комплекса Шляйсгайм. О. Аверкия часто вспоминают бывшие шляйсгаймовцы, с которыми общался и общается автор монографии. О. Аверкий часто сопровождал Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия и одновременно был настоятелем домовой церкви в Мюнхене, законоучителем мюнхенских гимназий «Милосердный самарянин» и «Гимназии бесподданных» бывших «Казарм СС».

В миру Александр Павлович Таушев, о. Аверкий родился 19 октября 1906 г. по старому стилю в Казани в семье дворянина Симбирской губернии Павла Сергеевича Таушева и его жены Марии Владимировны [40].

После многочисленных мытарств, связанных с революцией, семья Таушевых в начале 1920 г. покинула Россию. Семья остановилась в г. Варна, в Болгарии. Александр окончил там русскую гимназию. Встреча с архиепископом Феофаном Полтавским и Переяславским побудила юношу встать на путь иночества. Он поступил на богословский факультет Державного университета в Софии, который окончил в 1930 г.

17 мая 1931 г. Александр Таушев был пострижен в монашество в Свято-Николаевском монастыре при селе Иза Хусткаго округа (Подкарпатская Русь, Чехословакия) с именем Аверкий. Епископ Битольский Иосиф на следующий день рукоположил Аверкия в сан иеродиакона. В 1932 г., на Благовещение, в Девичьем монастыре на Домбеках близ с. Черленева, Мукачевского округа, иеродиакон Аверкий был возведен в сан иеромонаха. Хиротонию совершал епископ Дамаскин Мукачевско-Пряшевский. В июне 1932 г. он был переведен в Свято-Николаевский монастырь для обслуживания приходов Нанкова и Боронявы, а в сентябре – помощником настоятеля прихода в Ужгороде. После смерти настоятеля о. Аверкий исполнял его обязанности.

7 августа 1935 г. иеромонах Аверкий распоряжением епископа Дамаскина назначен ответственным редактором и издателем епархиального журнала «Православный Карпаторусский вестник», а через год – преподавателем Закона Божия в Державной реальной гимназии и в Русских и Чешских державных гражданских и народных школах г. Ужгорода. В день праздника Пасхи 1937 г. о. Аверкий возведен в сан

игумена. В декабре 1938 г. назначен настоятелем прихода в Мукачеве и администратором части Мукачевско-Пряшевской епархии на территории Королевства Венгрии. Одновременно ему поручили заведовать архиерейской резиденцией со всем епархиальным имуществом. 27 апреля 1939 г. о. Аверкий был назначен первым референтом епархиального управления.

В связи с венгерской оккупацией Карпатской Руси о. Аверкий в 1940 г. прибыл в Белград. Служил при митрополите Анастасии, преподавал пастырское богословие и гомилетику на миссионерско-пастырских курсах, читал систематический курс лекций на духовные темы в Русском Доме, был председателем просветительного отдела Белградского приходского совета и организовывал религиозно-просветительские собрания.

В Белграде и Австрии о. Аверкий пережил ужасы войны, оккупации и бомбардировок. В эти годы при нем находилась Одигитрия русского зарубежья – Чудотворная икона Знамения Богоматери Курская-Коренная, с которой о. Аверкий бесстрашно посещал дома русских белградцев и служил молебны, рискуя попасть под взрыв бомбы.

В 1945 г. о. Аверкий оказался в Мюнхене вместе с Архиерейским Синодом РПЦЗ. В течение шести лет состоял законоучителем старших классов гимназии «Милосердный самарянин» (Мюнхен) и «Гимназии бесподданных» в лагере ДиПи в «Казармах СС», а также на курсах сестер милосердия в Доме «Милосердный самарянин». Неоднократно выступал с докладами на духовные темы в кружках молодежи и лагерях для перемещенных лиц. В лагеря Большой и Малый Шляйсгайм о. Аверкий приезжал всякий раз, сопровождая великую святыню – чудотворную Курскую-Коренную икону Божией Матери Знамение и председателя Архиерейского Синода РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского). Со многими жителями лагерей о. Аверкий поддерживал духовную и молитвенную связь, когда переехал в США, в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле. Шляйсгаймовцы в беседах с автором вспоминали о. Аверкия с любовью, отмечая, что это был духовный, добрый, внимательный к людям пастырь. Архимандрит и позднее архиепископ Аверкий обладал ярким даром слова, был замечательным проповедником. Находясь уже в США, владыка Аверкий в своих проповедях, статьях неоднократно обращался к периоду лагерей перемещенных лиц, пытался осмыслить это время, благоприятное для спасения души христианской.

В 1950 г. архимандрит Аверкий назначен Архиерейским Синодом РПЦЗ на должность председателя Миссионерско-Просветительного Комитета при Архиерейском Синоде. В начале 1951 г. он прибыл в

США. По приглашению архиепископа Виталия (Максименко) стал преподавать Священное Писание, литургику и гомилетику в Свято-Троицкой духовной семинарии.

17 февраля 1952 г. архимандрит Аверкий определением Синода утвержден был в должности ректора семинарии, на которой оставался до самой кончины. 10 мая 1953 г. состоялось наречение, а в Духов День – хиротония о. Аверкия во епископа Сиракузско-Троицкого. 12 мая 1960 г., по истечении 40 дней со дня кончины Преосвященного Виталия, на общем собрании монастырской братии Владыка Аверкий был избран настоятелем Свято-Троицкого монастыря. Владыка был также председателем Фонда имени св. прав. Иоанна Кронштадтского при Храме-памятнике в г. Ютика. В 1961 г. был возведен в сан архиепископа.

Труды владыки были неустанными, прежде всего в области просветительской и педагогической. Он вел большую педагогическую работу в семинарии и до последнего дня земной своей жизни принимал участие в издании журнала «Православная Русь».

Архиепископ Аверкий оставил после себя целый ряд трудов, среди них: «Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета» (в двух книгах); «Руководство по гомилетике», «Истинное православие и современный мир» (сборник статей и речей); «Архиепископ Феофан Полтавский и Переяславский»; «Современность в свете слова Божия. Слова и речи» (в четырех томах), а также брошюры на религиозно-нравственные темы. Он оставил нам глубокие размышления о духовном смысле русской эмиграции, проповеди о прошлом и будущем России, которые носят покаянный и пророческий характер.

Архиепископ Аверкий скончался 31 марта/13 апреля 1976 г. в больнице святого Луки в г. Ютика, штат Нью-Йорк.

Качественные характеристики лагерного духовенства

Белое духовенство лагерного комплекса Шляйсгайм непосредственным образом отражало ситуацию, сложившуюся в Русской Православной Церкви после революции 1917 г. и Второй мировой войны.

По возрасту духовенство можно было разделить на два поколения. Старшее поколение представляли протоиереи о. Владимир Востоков (1868 г. р.), о. Василий Бощановский (1872), о. Антоний Юнак (1880), о. Михаил Помазанский (1888). Это были священнослужители в почтенном возрасте от 60 до 80 лет. О. Николай Степанов также мог быть отнесен к старшему поколению, но лишь по возрасту, потому что его священническая хиротония состоялась уже по-

сле Второй мировой войны, в лагере перемещенных лиц. К более молодому поколению относились протоиереи о. Иосиф Гринкевич (1897 г.р.), о. Евгений Лызлов (1901), о. Владимир Григорович (1902), о. Константин Каминский, о. Иоанн Легкий (1907). К этой же возрастной группе относился и о. Аверкий (Таушев). Они были молодыми, полными сил священниками в возрасте примерно от 40 до 55 лет.

Другая важная характеристика – место рождения. Примечательно, что часть духовенства происходила из собственно русских губерний, другая – из окраин Российской империи. Отец Владимир Востоков родился в Московской губернии, о. Василий Бощановский родом из Таганрогского края. Отец Евгений Лызлов был коренным жителем Смоленской губернии (области), а о. Владимир Григорович – из Санкт-Петербурга. Горожанином был и казанец о. Аверкий. В «окраинной» группе мы видим о. Иосифа Гринкевича – родом из Виленской губернии, о. Антоний Юнака – с Холмщины, о. Михаила Помазанского – из Волынской губернии. О. Иоанн Легкий родился в Витебской губернии. Точное место рождения о. Константина неизвестно, но его отец служил в довоенной Польше (Западной Украине или Западной Белоруссии). «Окраинными» священниками были о. Василий Мартинсон, о. Тихон Мышевский, о. Карп Патеюк, о. Иоанн Стрекозов.

Место рождения, конечно, влияло на умонастроения духовенства, которое служило в Шляйсгайме. Те, кто служил после революции при Советской власти, на себе испытали всю мощь гонений на Церковь. Другие же только слышали о репрессиях против духовенства, но также предпочли уйти после войны на Запад.

Интересны сведения о полученном духовном образовании. Большая часть духовенства лагеря Шляйсгайм была высокообразованной. Из 14 протоиереев 8, включая монашествующего о. Аверкия, получили высшее образование – либо в духовных академиях, либо на богословских факультетах университетов. О. Константин Каминский окончил Варшавский университет, о. Иоанн Легкий – Рижский университет, а о. Аверкий – Державный университет Софии в Болгарии. О. Иоанн Стрекозов окончил Варшавский университет.

Год хиротонии также показателен. Три лагерных протоиерея были рукоположены в сан еще в Российской империи, соответственно в 1891, 1897 и 1903 гг. Это были о. Владимир Востоков, о. Василий Бощановский и о. Антоний Юнак. Они в полном смысле слова представляли старое духовенство исторической России, Российской империи и не понаслышке знали и видели Святую Русь. Не менее достойно выглядели те, кто был рукоположен в сан иерея после революции 1917 г. Особенно чувствительной оказалась революционная атеистическая

волна для о. Евгения Лызлова и о. Владимира Григоровича, которые были рукоположены соответственно в 1925 и 1928 гг. Монашествующий Геласий также много претерпел испытаний в советский период. Священники, которые были рукоположены в 1920–1930-е гг., прибыли в лагерь Шляйсгайм со стажем 10–20 лет пастырской деятельности.

Старшее поколение протоиереев в основном относилось к «первой волне» эмигрантов – отцы Владимир Востоков, Василий Бощановский. Все они были горячими поклонниками последнего императора России, святого мученика Николая. Вместе с о. Аверкием и о. Константином они были монархистами. Однако большая часть духовенства Шляйсгайма относилась ко «второй волне». Они пришли в Шляйсгайм в результате событий Второй мировой войны. Священники «второй волны» по своим симпатиям скорее относились к антисоветской эмиграции, нежели просто к монархически настроенной эмиграции. О. Евгений Лызлов, например, относился к лагерной организации власовского союза СБОНР. Немного особняком стоит о. Иоанн Легкий. Он не был эмигрантом в собственном смысле слова. Он никуда не эмигрировал и не перемещался, а жил и учился за рубежом. За о. Иоанном следует назвать священников, служивших в Польской Православной Церкви и никуда не эмигрировавших.

Судьба белого духовенства Шляйсгайма была достаточно похожей. Все они уехали в Соединенные Штаты, чтобы продолжать служить у престола Божьего. Большинство священнослужителей устроилось на приходы Восточно-Американской епархии РПЦЗ. О. Евгений Лызлов был настоятелем храма в Филадельфии, штат Пенсильвания. Его ненадолго сменил о. Иосиф Гринкевич. О. Антоний Юнак служил настоятелем там же, в Филадельфии, в приходе «первой волны» (приход во имя святого равноапостольного князя Владимира). В Лейквуде обосновались и служили о. Василий Бощановский и о. Владимир Григорович. В Паттерсоне, штат Нью-Джерси, служил о. Иоанн Легкий, но он также послужил епископом в Аргентине четыре года, преодолевая недуги и болезни. Два священника служили в Свято-Троицком монастыре Джорданвилля – о. Михаил Помазанский и архимандрит о. Аверкий. Лишь о. Владимир Востоков попал служить на западную окраину США – в г. Сан-Франциско. Все вышеназванные и некоторые другие священники служили в юрисдикции РПЦЗ. Протоиереи Константин Каминский, Василий Мартинсон, Тихон Мышевский, Иоанн Стрекозов служили в Североамериканской митрополии (нынешней Американской Православной Церкви).

Таким образом, обнаружены имена 18 священнослужителей вместе с подробными или краткими биографиями. Кроме того, остались не-

исследованными биографии четырех диаконов лагерной церкви Шляйсгайма. В архивных документах также найдено упоминание трех священников-инвалидов, живших, но не служивших в 1948 г. в Шляйсгайме. Однако узнать их имена не удалось.

Такова преимущественно формальная, очень любопытная и показательная сторона анализа деятельности и судьбы белого духовенства Шляйсгайма. Однако самым важным остается тот духовный вклад, который сделало духовенство лагеря. Священники постарались быть всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых. Они поддерживали своим пастырским трудом тот религиозный подъем, который охватил русских беженцев, пожелавших остаться жить в странах Запада. Они и далее сопровождали и помогали своим пасомым, где бы те ни находились, словом, письмом, советом, но главное – горячей молитвой.

Примечания

1. Данные о протоиерее Владимире Востокове приводятся по кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1997. Т. 1: А–В / Сост. В.Н. Чуваков. – М., 1999. – С. 660; Новое русское слово. – 1957. – 9, 15 августа; Митрофорный протоиерей Владимир Востоков. Розы и шипы: Ч. 1, 2. – Сан-Франциско, 1953, 1954; Православная Русь. – 1955 г. – № 16; 1956 г. – № 13; Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – М.: Русский путь, 1999. – С. 90; Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). – Зренянин, 1994. – С. 18–22; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц: Биогр. словарь. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское зарубежье», 2002. – С. 38–39.

2. Протопресвитер Василий Бощановский. Жизнь во Христе. – Джорданвилль, 1999. – С. 6–9; Епископ Аверкий. Памяти новопреставленного протопресвитера о. Василия Бощановского // Православная Русь. – 1961. – № 8. – С. 3; М.Х. Памяти протопр. о. В. Бощановского // Там же. С. 3–4.

3. Протоиерей Антоний Юнак // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

4. Там же.

5. Архимандрит Константин. Памяти митрофорного протоиерея Антония Юнака // Православная Русь. – 1968. – № 15. – С. 14–15; Корнилов А.А. Пропавшие без вести. Жизнь и творчество прихожан храма во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». – Филадельфия (США); Материалы к 50-летию основания храма. – Н. Новгород, 1999. – С. 31–34; Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели. – М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2007. – С. 562–563.

6. Дата иерейской хиротонии сообщена автору дочерью о. Евгения Зоей Евгеньевной Питерс. Однако в архиве Германской епархии мы нашли анкету, заполненную самим о. Евгением 6 октября 1947 г. в лагере Шляйсгайм. О. Евгений называет датой хиротонии 14 ноября 1926 г. и архиереем, его ру-

кopoложившим, епископа Вяземского Венедикта – Анкета для священнослужителей Православной Германской епархии. 6.10.1947 / Протоиерей Евгений Лызлов // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

7. Корнилов А.А. Риза светлая. Жизнь и служение протоиерея о. Евгения Лызлова. – Н. Новгород, 1998; Письма детей о. Евгения А.А. Корнилову; Объединение русских художников. – № 100 (30.11.1947) протоиерею о. Евгению Лызлову // Архив З.Е. Питерс (дочери о. Евгения); Союз русских военных инвалидов Первой мировой войны. Отдел Фельдмохинг. 31.12.1947. Лагерь Шляйсгайм // Там же.

8. Протоиерей Евгений Лызлов// Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

9. Удостоверение 1780 / Протоиерей Евгений Лызлов // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949». На удостоверении карандашом написано: «Оригинал получил. Прот. Е. Лызлов».

10. Т.А. Шауфус (1901–1986 гг.) была ближайшей сотрудницей А.Л. Толстой в работе Толстовского фонда. После революции она была репрессирована Советской властью за религиозные убеждения. В 1933 г. благодаря Международному Красному Кресту эмигрировала в Чехословакию. В 1939 г. вошла в состав Комитета Толстовского фонда, оказывавшего помощь беженцам при эмиграции в некоммунистические страны. В 1947 г. Т.А. Шауфус расширила деятельность Толстовского фонда, открыв его отделения, помимо США, в Канаде, Западной Германии, Австрии, Италии и Южной Америке. Основала старческие дома для беженцев во Франции, Германии, Западном Берлине и Южной Америке. В 1970 г. основала дом для хронически больных Толстовского фонда в Валлей Коттедж, где и скончалась. Цит. по кн.: Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биогр. словарь / Под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. – Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); СПб. (Россия), 2005. – С. 565.

11. Протоиерей Евгений Лызлов // Архив Германской епархии РПЦЗ, Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

12. Канонический отпуск. 15.III.1949. № 212. Мюнхен-Золлен / Протоиерей Евгений Лызлов // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

13. Лызлова-Корэн Н. Страницы воспоминаний. Стихотворения. Рассказ. – Ворминстер: изд. авт., 2007. – С. 106.

14. Корнилов А.А. Риза светлая. – С. 31–37. Письма З.Е. Питерс А.А. Корнилову 10 и 15 октября 1997 г.

15. Кончина и погребение протоиерея Владимира Григоровича // Православная Русь. – 1968. – № 21. – С. 10–11; Письмо в редакцию // Православная Русь. – 1959. – № 23. – С. 15.

16. Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Серафиму, Митрополиту Берлинскому и Германскому священника-беженца Владимира Григоровича Прошение / Протоиерей Владимир Григорович // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

17. Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Преосвященному Серафиму, Митрополиту Берлинскому и Германскому. 2/15 сентября 1947 г. Мюнхен // Там же.

18. Анкета: Протоиерей Владимир Григорович // Там же. В анкете, среди прочего, указывалось, что о. Владимир (Григорович Владимир Петрович) родился 3 декабря 1902 г. Его супруга родилась в том же году, сын – в 1934-м, дочь – в 1926-м. О. Владимир владел польским языком. Дата рукоположения в сан – 5 февраля 1928 г. в городе Пинске. Хиротонию совершил архиепископ Полесский и Пинский Александр. Этот владыка наградил о. Владимира набедренником, в 1934 г. скуфьей, затем камилавкой. Анкета сообщает, что уже в послевоенной Германии, а именно в 1946 г. митрополит Серафим наградил о. Владимира наперсным крестом и в 1947 г. возвел его в сан протоиерея.

19. Епархиальное управление Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Его Высокопреподобию о. протоиерею Владимиру Григоровичу. – 1948, 27 мая. – № 498 // Там же.

20. В Епархиальное Управление Германской епархии лагерной русской православной Святого Архистратига Михаила церкви во Шляйсгайме протоиерея Владимира Григоровича Рапорт. – 1948, 20 мая. – № 11 // Там же.

21. Епархиальное управление Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. 10 августа 1948 г. Удостоверение // Там же. О. Владимир переехал в Бельгию, а затем в США.

22. Кончина и погребение протоиерея Владимира Григоровича // Православная Русь. – 1968. – № 21. – С. 10–11; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. Указ. соч. – С. 39.

23. К 90-летию протопресвитера М. Помазанского // Православная Русь. – 1978. – № 23. – С. 5–6; Протопресвитер Георгий Граббе. Провозвестник здравого учения // Там же. С. 6–7; Митрофорный протоиерей о. Митрофан Зноско. Приветствие о. Протопресвитеру Михаилу Помазанскому // Там же. С. 7–8; Е.А. Памяти матушки В.Ф. Помазанской // Там же. – 1982. – № 6. – С. 13; Келер Л. 50 лет в священном сане // Там же. – 1986. – № 14. – С. 5–7; Протопресвитер Михаил Помазанский. Догматическое богословие. – Клин: фонд «Христианская жизнь», 2001. – С. 345–346.

24. Письмо П.А. Уртьева А.А. Корнилову. – Сан-Франциско, 2009, 4 января.

25. Нивьер А. Православные священнослужители… Указ. соч. – С. 244; Рыбалка Б.М. Записки о церковной жизни // Корнилов А.А. Пропавшие без вести. Жизнь и творчество прихожан храма во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», г. Филадельфия, США: Материалы к 50-летию основания храма. – Н. Новгород: Нижегор. отд. Императ. правосл. палест. об-ва, 1999. – С. 66–67.

26. Епархиальное управление Германской епархии РПЦЗ Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Архиепископу Пантелеимону. № 109. – 10/II.1948 // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Ф. 24. – Д. 3. Лагерь Шляйсгайм.

27. Анкета для священно-церковнослужителей Православной Германской епархии / Священник Николай Степанов // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

28. Его Высокопреподобию о. Игумену Георгию. 2.I.48 / Священник Николай Степанов // Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

29. IRO Lager Feldmoching. 22.9.47. Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Митрополиту Серафиму Милостивому Архипастырю и Отцу иерея Николая Степанова Прошение / Священник Николай Степанов // Там же.

30. Член-секретарь (прот. А. Самойлович) Его Высокопреподобию священнику о. Николаю Степанову 29 сентября 1947 г. – № 1752 / Священник Николай Степанов // Там же.

31. Протоиерей Г. Ларин. Памяти ушедших. Пастырь добрый // Православная Русь. – 1995. – № 8. – С. 3–4; П.Т. На ниве Христовой// Там же; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. Указ. соч. – С. 62–63.

32. Нивьер А. Православные священнослужители… Указ. соч. – С. 98–99.

33. Памяти архимандрита Геласия. Слово епископа Илариона Манхеттенского на отпевании архимандрита Геласия 8/21 октября 1994 г. // Православная Русь. – 1994. – № 21. – С. 14 // Архив И.И. Редько.

34. Сведения о вышеназванных священниках взяты из кн.: Нивьер А. Православные священнослужители… Указ. соч. – С. 312, 313, 335, 365, 414, 474.

35. Нивьер А. Православные священнослужители… Указ. соч.– С. 169–170; Чудотворная икона в Малом Шляйсгайме // Православная Русь. – 1949, 1/14 октября. – № 19; Лагерь Шляйсгайм (Германия) // Православная Русь. – 1949. – 1–14 июля. – № 13.

36. Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Серафиму митрополиту Берлинскому и Германскому протоиерея Иосифа Гринкевича Прошение. 12.XI.1946. Менхегоф в Касселе / Протоиерей Иосиф Гринкевич / Архив Германской епархии РПЦЗ. – Бухендорф. – Ф. 6. Коробка «Священники. А–Щ. 1945–1949».

37. Правда, эта записка датируется 11 сентября 1946 г. См.: Докладная записка архиепископа Стефана на имя митрополита Серафима // Там же.

38. Указ № 366 от 2.V.1949 Епархиального Управления Православной епархии в Германии // Там же.

39. Указ № 633 от 11.VII.1949 Епархиального Управления Православной епархии в Германии // Там же.

40. Указ № 161 от 28.II.1950 Епархиального Управления Православной епархии в Германии // Там же.

41. Указ № 429 от 16.V.1950 Епархиального Управления Православной епархии в Германии // Там же.

42. Указ № 841 от 26.IX.1950 Епархиального Управления Православной епархии в Германии // Там же.

43. Биографические сведения о владыке Аверкии приводятся по следующим материалам: Иеромонах Игнатий. Жизненный путь Преосвященного Архиепископа Аверкия // Православная Русь. – 1976. – № 9. – С. 2–8; Архимандрит Киприан. Последние дни жизни, кончина и погребение Архиепископа Аверкия // Там же. – С. 9–10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лагерь Шляйсгайм занимает исключительное место в мире перемещенных лиц периода второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Это был крупнейший центр русского присутствия и русской жизни в послевоенной Германии. Поэтому в Шляйсгайме в полной мере развернулись самые интересные формы жизни русских ДиПи. Духовная жизнь не явилась исключением. Православный образ жизни в лагере укреплялся суточным кругом богослужений, внебогослужебными беседами, кропотливой работой духовенства с паствой, исполнением треб. Лишенные вначале каких-либо средств к существованию, жители Шляйсгайма достаточно быстро и верно определили стержень новой – эмигрантской – жизни. Этот стержень оказался духовным и связан был с православным храмом. Именно там, в храме Святого Архистратига Михаила, жители просили Господа о милости, о щедротах духовных, о хлебе насущном. Именно в храм устремлялись со своими жалобами, тревогами лагерники: ученики с просьбой прибавить ума и знаний, молодежь – обрести достойную семью и получить работу, плодоносящие – благополучных родов, отцы и матери – о воспитании детей в русскости и православии, старики в покаянной молитве просили оставления грехов и готовились к переходу в другой мир. А духовенство молилось об их и собственном спасении.

В храме Архангела Михаила пришедших жителей лагеря принимало духовенство, разное по своему возрасту, происхождению, опыту священнослужения, политическим симпатиям. Вопреки тяжелым социально-экономическим условиям, вопреки политическим обстоятельствам и козням врага рода человеческого духовенство оправдало свое назначение. Оно не только исправно совершало богослужения и требы, но и напутствовало шляйсгаймовцев на путь в страны постоянного жительства. Преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы, весь священнический и монашеский чин и причт церковный подготовили жителей лагеря, главным образом молодежь, к испытаниям в новой стране проживания.

Важную роль духовенство сыграло и в сохранении русской православной идентичности, преподав молодому поколению самые важные,

по сути, экзистенциальные элементы образа жизни. Молитва в храме и дома, участие в богослужениях, чтение Закона Божьего, изучение Священного Писания, дела милосердия – таковы основные моменты русского православного образа жизни, которые действительно помогли эмигрантам сохранить идентичность в США, Канаде, странах Южной Америки и Северной Африки. И в эту книгу, возможно, «просится» еще одна глава, которая расскажет о том, кем стала молодежь Шляйсгайма, и о том, как устроились в странах Америки и других частей света великолепные художники и преподаватели, человеколюбивые батюшки, выдающиеся ученые и храбрые офицеры, жившие когда-то в лагерях Большой и Малый Шляйсгайм. Такое время настанет, и мы расскажем, какой оказалась судьба самых известных – и не очень – жителей лагеря.

Собственно говоря, модель православного образа жизни со всеми необходимыми элементами уже была построена и апробирована в Шляйсгайме. Лагерь превратился в стан русской православной жизни, хотя и транзитный стан. Всевидящий Господь словно намеренно создал такие условия жизни в лагере, которые должны были повториться в странах расселения. Смысл этой жизни состоит в постоянном предстоянии духовенства пред Богом и готовности батюшек прийти к ближнему на помощь. Об этом очень хорошо говорил старец Порфирий, живший и спасавший чад в Греции во второй половине XX столетия.

Автор книги о старце Константин Яннициотис передает свой разговор, состоявшийся со старцем Порфирием.

«Однажды вечером в Каллисиях Старец спросил меня:

– Скажи мне, когда кто-нибудь заболеет, смотрит ли, который сейчас час, чтобы пойти в больницу?

Я недоумевал о странном вопросе и ответил:

– Зачем смотреть на время, Геронта? Пойдет в больницу в тот час, в какое бы время ни заболел.

И Старец спросил:

– Даже и ночью? И после полуночи?

– Безусловно, – ответил я.

Тогда он продолжил:

– Как ты думаешь, в меньшей ли опасности будет человек, когда заболеет духовными болезнями из-за греха?

– Будет в несравненно большей опасности, – ответил я.

– Знаешь, – продолжил он, – сколько людей по причине грехов бывает в опасности потерять и временную, и вечную жизнь, сколько от-

чаявшихся и находящихся на пороге самоубийства? Если это с ними случится, скажем, в два часа ночи, и они захотят в тот же час найти открытую церковь, чтобы помолиться, и духовника, чтобы исповедаться, смогут ли?

– Нет, конечно, – ответил я с возрастающим любопытством, что же хотел сказать мне Старец.

– Э, итак, – заключил он, – хорошо бы было, если бы существовал монастырь вне Афин, но не очень далеко от Афин, где в храме его совершались бы круглосуточно последования и исповедь со смиренными иеромонахами, как врачи в дежурных больницах, и куда могли бы прибегнуть в любой час дня и ночи люди, пораженные грехом?

Тогда я понял, что он подразумевал.

– Хорошо бы было, – ответил я.

– Если бы существовал, – Старец печально покивал головой и затем улыбнулся. Мечты его показались мне очень смелыми, почти несбыточными» [1].

Идея, высказанная старцем Порфирием, очень близка тому, что в действительности существовало в Большом Шляйсгайме. Ежедневно, ежечасно, в любую погоду, в любой момент дня и ночи в лагере жил десяток и более священнослужителей – архиереи и иереи, готовые всегда прийти на помощь православным жителям. Это была настоящая дежурная «врачебница», о которой говорит православный Требник:

«Внемли убо; понежебо пришел еси во врачебницу, да не неисцелен отыдеши». Русский стан в Шляйсгайме утверждал Православие. Русское духовенство исполняло миссию, данную им через апостолов Самим Иисусом Христом: «елика аще свяжете на земли, будут связани на Небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешени на Небеси».

Духовенство готовило сотни людей для переправки на ту сторону – видимым образом из одной страны (Германии) в другую (США, Канаду, южноамериканские страны), но в то же время и невидимым, духовным образом – из юдоли плача в Небесные обители.

Проведенный анализ выявил интересные проблемы, которые, на наш взгляд, представляются очень важными на пути тех историков, кто будет дальше исследовать деятельность православного духовенства в лагерях перемещенных лиц послевоенной Германии и Австрии или, по крайней мере, послевоенной Баварии. Пока эти проблемы только затронуты в существующих исторических исследованиях, включая и нашу монографию, но в будущем их детальное рассмотрение существенным образом расширит историческую панораму событий, имевших место в лагерях ДиПи.

Первая научная проблема касается динамики отношений лагерной администрации и вкупе с ней Германской епархии РПЦЗ с американскими оккупационными властями. Здесь потребуется поднять и проанализировать деловую и личную переписку военных властей и лагерной администрации для того, чтобы выяснить характер взаимоотношений двух сторон и определить то место, которое занимали вопросы духовного окормления в деятельности оккупационной власти.

Вторая проблема имеет отношение к взаимодействию Германской епархии РПЦЗ и лагерной администрации с органами власти послевоенной Германии как на земельном, так и на местном уровнях.

Третьим направлением будущих исследований должна стать оценка эффективности работы епархиального управления, в особенности митрополита Серафима (Ляде) – без сомнений, выдающейся фигуры в 1940-е гг., но также Епископского совета, Епархиального съезда (собрания) и Духовного Суда.

Четвертая проблема исследований касается конкретной жизни православных в лагере перемещенных лиц. Потребуется систематизация различных фактов и выявление закономерностей, возможно, создание некой модели (парадигмы) организации православной жизни в лагерях русских перемещенных лиц. В рамках данного направления исследований нам видятся актуальными следующие вопросы: организация богослужений, катехизация жителей, пастырская работа священников, уточнение фактов назначений, перемещений духовенства вплоть до запрещения в священнослужении, взаимоотношения духовенства и мирян, благоукрашение православных храмов, особенности исполнения треб в лагерном храме и на дому. Сюда же мы относим вопросы создания и развития лагерной гимназии и духовного окормления лагерных общественных организаций, в том числе молодежных, скаутских и прочих.

Четыре вышеназванных направления исследований представляются нам перспективными. Они обещают ценный научный результат, который отразится на развитии изучения «дипишного» периода русской эмиграции и, безусловно, украсит отечественные науку и знания о русском зарубежье.

Примечания

1. Яннициотис К. Рядом со старцем Порфирием / Пер. с новогреч. игумена Илия (Жукова). – Покров-Задорожье: Свято-Покровская монашеская община, 2004. – С. 28–29.

Фотодокументы

Лагерный храм Архистратига Михаила

Внутри храма Архистратига Михаила

Правая сторона храма Архистратига Михаила

Левая сторона храма Архистратига Михаила

Встреча Курской-Коренной иконы Божией Матери
в лагере Шляйсгайм

Батюшки Шляйсгайма держат
Курскую-Коренную икону в окружении молящихся

Сопровождение Курской-Коренной иконы Божией Матери в лагере

Священники поют молебен Курской-Коренной иконе

Настоятель лагерного прихода
епископ Димитрий (Маган)
и его келейник, иподиакон Григорий Ярый

Митрополит Анастасий выходит из лагерного храма после богослужения. Сзади о. Аверкий (Таушев)

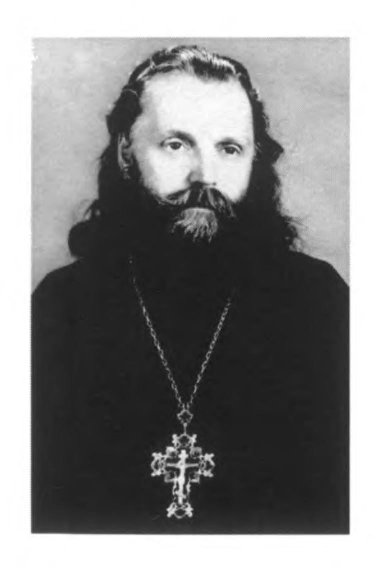
Встреча епископа Димитрия

Встреча епископа Филофея (Нарко) в лагере Шляйсгайм

Владыка Димитрий (Маган) читает Евангелие

О. Иоанн Легкий,
священник
Большого Шляйсгайма

Митрополит Пантелеимон (Рожновский) произносит проповедь в храме Архистратига Михаила

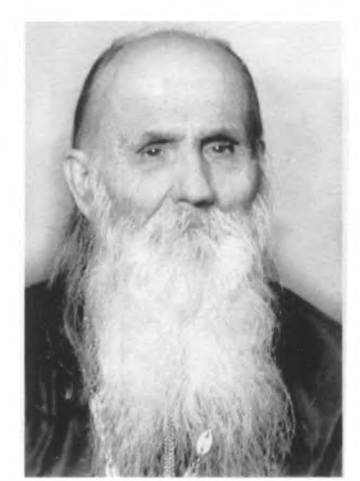
Молебен в лагере

Крестный ход вокруг храма Архистратига Михаила

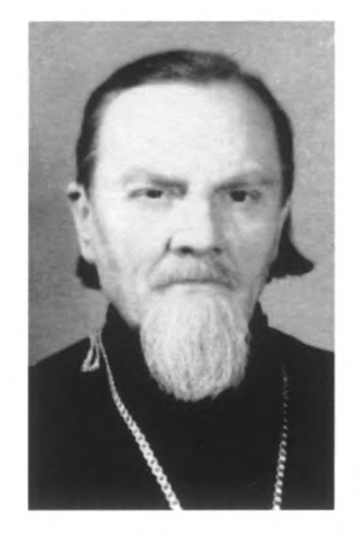
Лагерное духовенство. В центре – архиепископ Пантелеимон (Рудык).
Первый справа (сидит) о. Константин Каминский, второй – о. Евгений Лызлов

Настоятель гимназической церкви
о. Василий Бощановский

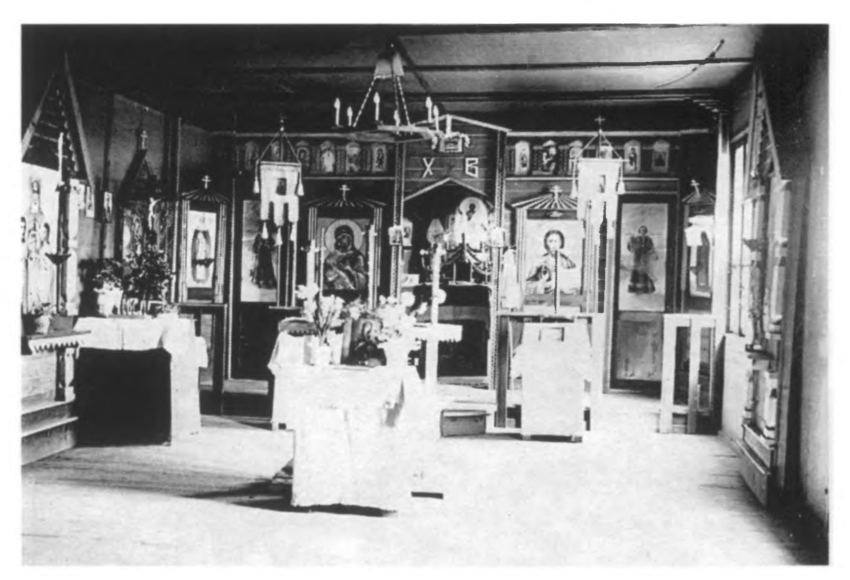
Протоиерей
Василий Бощановский
с учащимися гимназии

Епископ
Григорий Боришкевич,
настоятель
гимназической церкви
после о. Василия
Бощановского

Преподаватели и учащиеся лагерной гимназии
у церкви святого Пантелеимона.
В центре – епископ Григорий (Боришкевич)

Внутренний вид гимназической церкви

Левая сторона гимназической церкви

Скауты Шляйсгайма встречают митрополита Анастасия

Хлеб-соль скаутов перед встречей митрополита Анастасия

Епископ Димитрий (Маган) на слете скаутов Шляйсгайма

Скауты Шляйсгайма и епископ Димитрий (Маган)

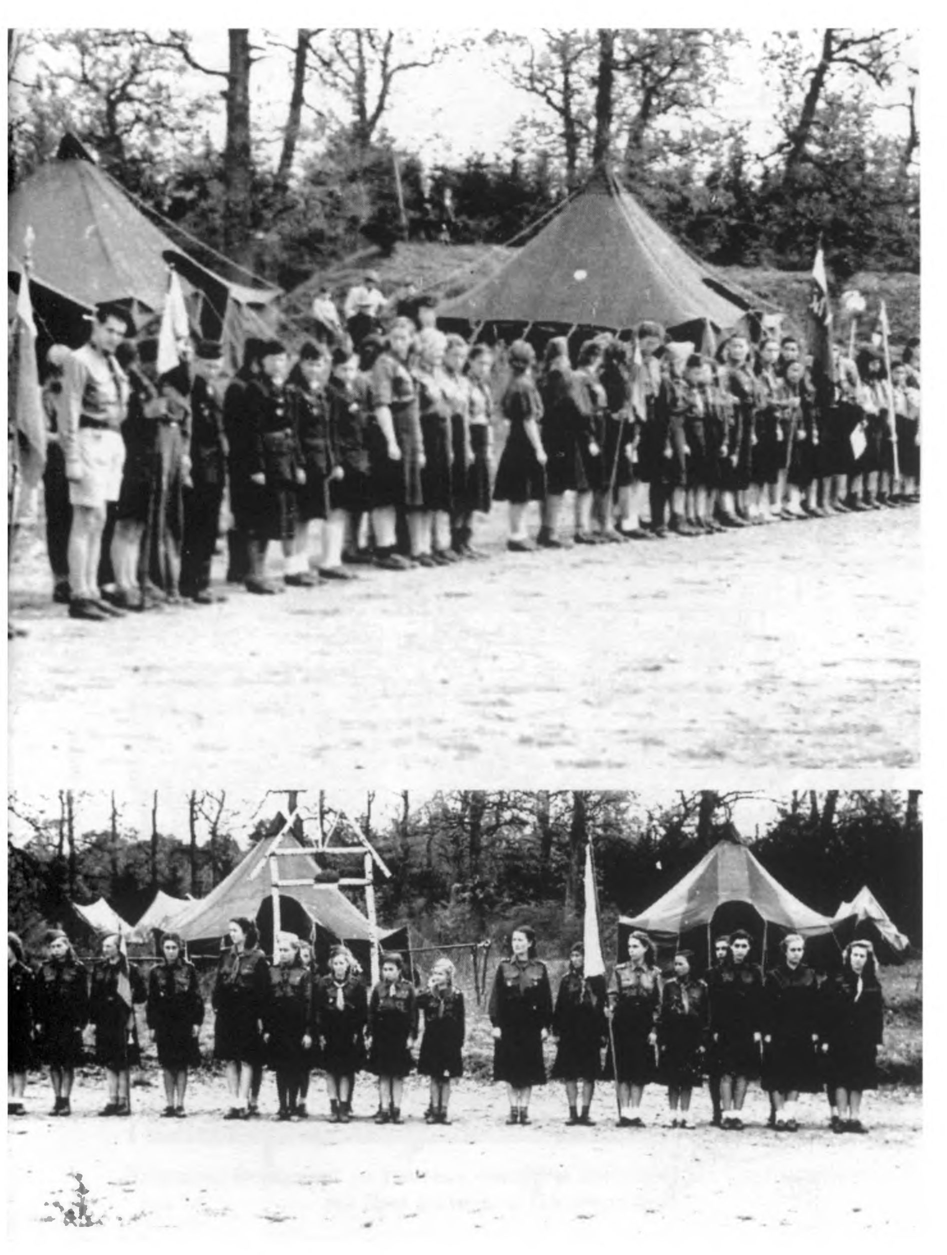
Строй руководителей скаутов.
Скаут с тростью – Б.Б. Мартино

Строй скаутов лагеря

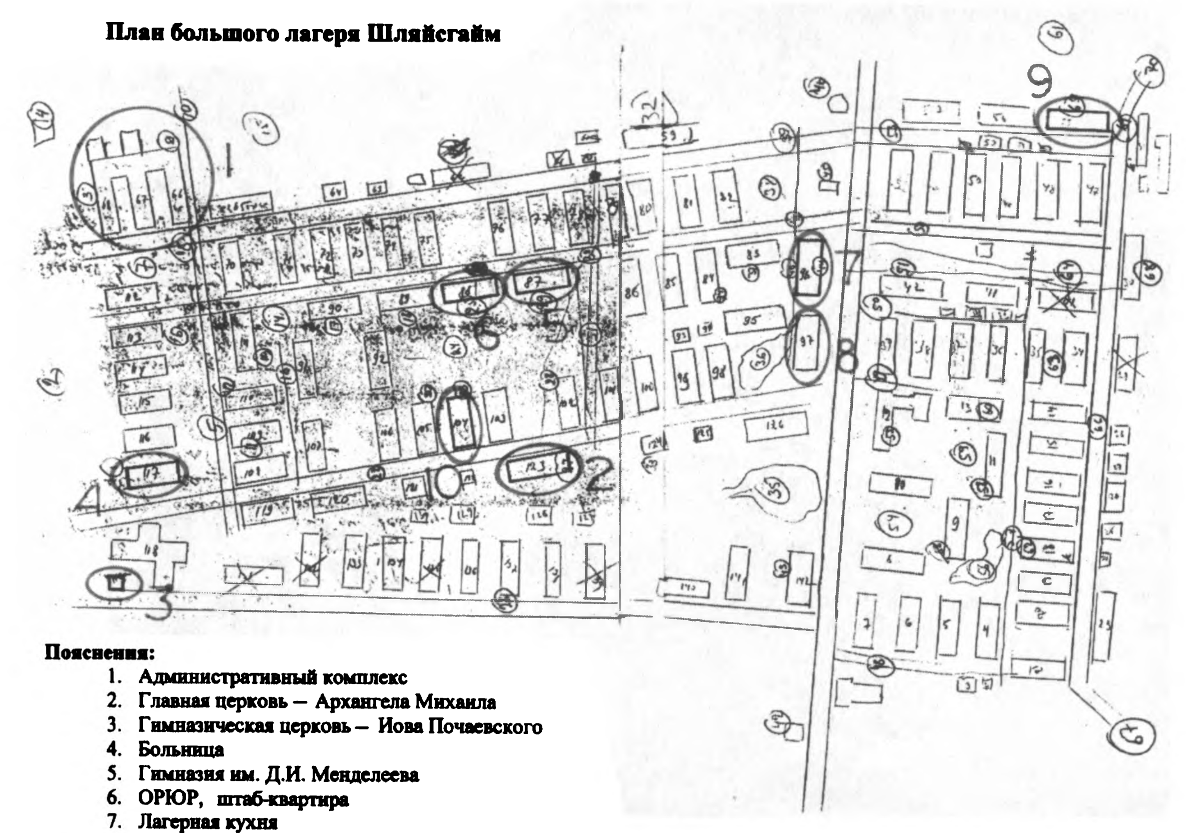

Общее построение скаутов Шляйсгайма

Один из женских скаутских подлагерей

План большого лагеря Шляйсгайм

Пояснения:

1. Административный комплекс
2. Главная церковь – Архангела Михаила
3. Гимназическая церковь – Иова Почаевского
4. Больница
5. Гимназия им. Д.И. Менделеева
6. ОРЮР, штаб-квартира
7. Лагерная кухня
8. Место раздачи продуктов по карточкам
9. Лагерный театр и кин
10. 104-й барак – место нашего проживания

Митрополит
Пантелеимон
(Рожновский),
слева,
и архиепископ
Венедикт
(Бобковский)
идут пешком
на богослужение
в Большой
Шляйсгайм

Владыка Венедикт (в темных очках) и митрополит Пантелеймон
на Дне матери в Шляйсгайме

Приход в Людвигсфельде. В углу крест и фонарь,
с которыми совершали крестный ход в Шляйсгайме

Приход Архистратига Михаила в Людвигсфельде.
Крупные иконы взяты из барачного храма Шляйсгайма

Приход в Людвигсфельде.
Крупные иконы были в барачном храме Шляйсгайма

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Алексеевич Корнилов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и руководитель научно-исследовательской лаборатории «Русское зарубежье» факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Автор книг по истории Русской Зарубежной Церкви:

1. Риза светлая. Жизнь и служение протоиерея о. Евгения Лызлова (Н. Новгород, 1998).
2. Пропавшие без вести. Жизнь и творчество прихожан храма во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», г. Филадельфия, США (Н. Новгород, 1999).
3. Преображение России (Н. Новгород, 2000).
4. Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь (Н. Новгород, 2002).
5. На службе эмиграции. Духовенство лагеря перемещенных лиц Фишбек (Н. Новгород, 2004).
6. На реках австрийских. Духовенство лагерей перемещенных лиц Парш и Келлерберг (1945–1952 гг.) (Н. Новгород, 2006).
7. Монах от Оптины до Платины. Жизнь епископа Сеаттлийского Нектария (Концевича) (Н. Новгород, 2008).

Корнилов Александр Алексеевич

«ПЕРЕПРАВИМСЯ НА ТУ СТОРОНУ...»

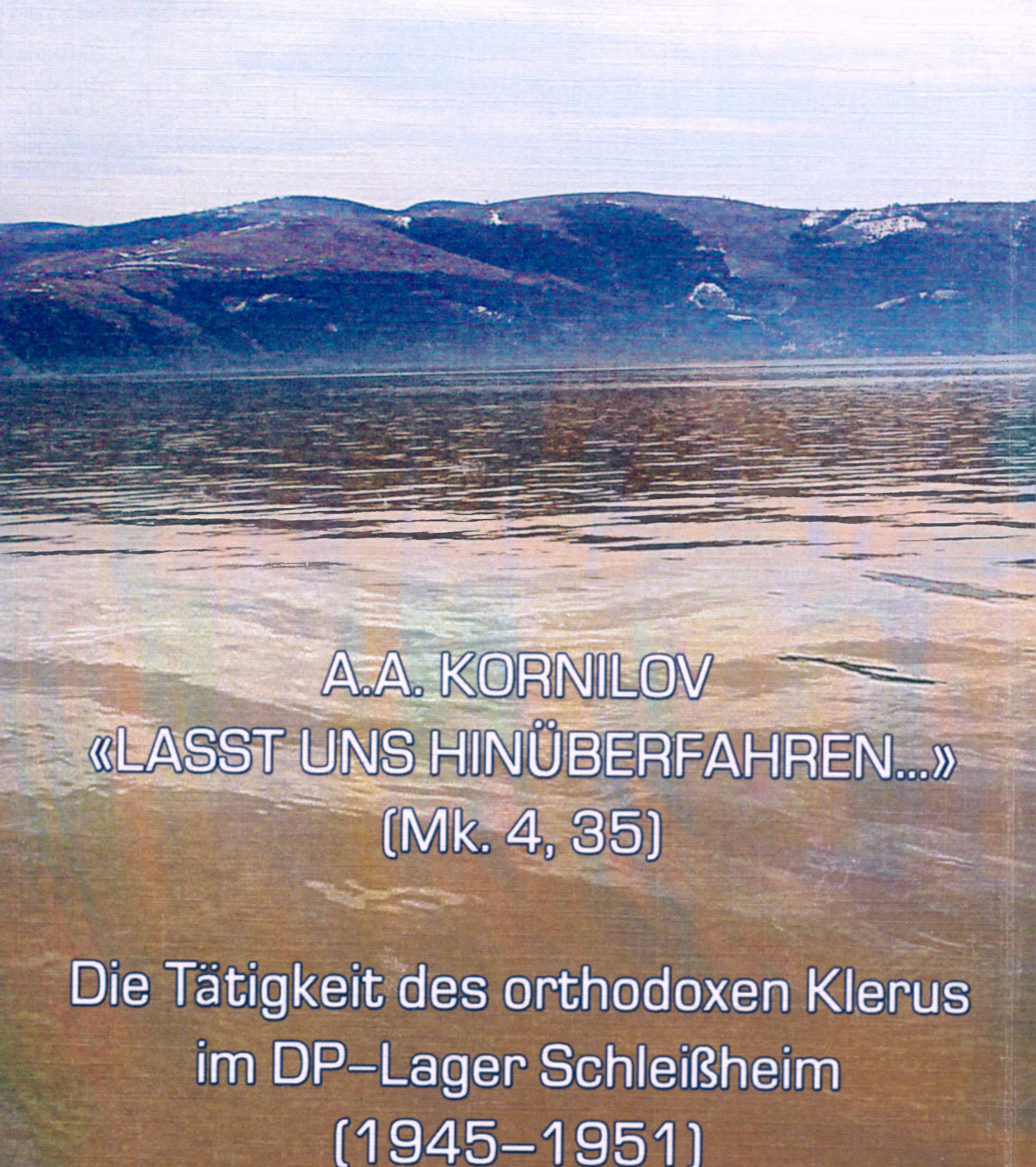
Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945–1951 гг.)

Монография

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 8,2.
Тир. 500 экз. Зак. 162.

Германская епархия Русской Православной Церкви Заграницей,
Обитель преп. Иова Почаевского в Мюнхене (Kloster des Hl. Hiob von Počaev,
Hofbauernstr., 26, 81247, München, hiobmon@googlemail.com)

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета.
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

A.A. KORNILOV

«LASST UNS HINÜBERFAHREN...» (Mk. 4, 35)

Die Tätigkeit des orthodoxen Klerus im DP–Lager Schleißheim (1945–1951)